

2
1970

**УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ**

Литературно-художественный
научно-популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества.
Орган Союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

Год издания тринадцатый

В Н О М Е Р Е

ШКОЛА РОБИНЗОНОВ. <i>Жюль Верн. Роман.</i>	2
СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА. ПЕРВЫЕ ПАМЯТНИКИ ИЛЬЧУ. <i>С. Сафронов</i>	13 14
СЕМНАДЦАТИЛЕТНИЕ. <i>И. Богуславский</i>	16
ЭКИПАЖ МАШИНЫ БОЕВОЙ. <i>В. Альтов</i>	20
ТЯЖЕЛОЕ РУЖЬЕ.	22
ТРЕТЬЕ ИЗМЕРЕНИЕ. <i>А. Санин</i>	27
ШУБА С ЦАРСКОГО ПЛЕЧА. <i>Арсений Семенов. Поэма</i>	30
ХУТОР ВЕСЕЛЫЙ. <i>Иван Федоров</i>	33
ДЕРЕВУ 35 МИЛЛИОНОВ ЛЕТ. <i>Л. Макарова</i>	40
Я РИСУЮ ТАРАКАНОВ. <i>В. Гребенников</i>	41
ВЫСОКОЕ НЕБО. <i>Борис Грин</i>	45
ТРИДЦАТЬ ТЫСЯЧ ИМЕН. <i>Э. Алискина</i>	59
ОПЕРАЦИЯ «Ч».	61
ЖИЗНЬ — ЛЮДЯМ. <i>А. Яковлев</i>	68
НОЛИНСКИЕ ИСПАНЦЫ. <i>Л. Жуков</i>	72
АЗ, БУКИ, ВЕДИ. <i>В. Житников</i>	73
СОКРОВИЩА АУТ-СКЕРРИСА. ЧЕТВЕРОНОГИЕ СПАСИТЕЛИ. <i>Д. Эйдельман</i>	75
«СВЯТОЙ ИОНА» — ПТИЧИЙ ОСТРОВ <i>Б. Коробейников</i>	77
ПОДАРИ ДРУГУ. <i>К. Юрьева</i>	80

Обложка В. Воловича и С. Киприна
На второй странице обложки
фото И. Тюфякова

У Р А Л Ъ С К И Й
СЛЕДОПЫТ 2
1970

Жюль Верн

Роман

Рисунки Е. Стерлиговой

Глава первая,

*в которой читатель, если захочет, сможет
купить по случаю остров в Тихом океане*

Добрый старый Жюль Верн...
Детство немислимо без его
удивительных книг!

В течение сорока с лишним
лет создавал он многотомную
серию «Необыкновенных путе-
шествий», — шестьдесят три ро-
мана вошли в нее.

В России Жюль Верн начал
издаваться с 1864 года, но со-
временному молодому читате-
лю доступно немногим более
половины «Необыкновенных пу-
тешествий». Ведь восемнадцать
романов серии не переиздава-
лись после революции, еще две-
надцать — не выходили в на-
шей стране после 1930 года.

К числу последних принадле-
жит и «Школа Робинзонов».

Между тем роман этот, напи-
санный в 1882 году опытной
рукой зрелого мастера, открыв-
ает нам малоизвестного, едва
ли не нового для нас Жюля
Верна, — любящего шутку, с
доброй иронической улыбкой
описывающего приключения
своих героев.

Роман публикуется в новом
переводе Нины Михайловны
Брандис,

— Продается остров за наличные! Издержки
за счет покупателя! Достанется тому, кто даст
больше! — выкрикивал, не переводя дыхания,
Дин Фелпорг, оценщик на аукционе, где обсуж-
дались условия этой странной продажи.

— Продается остров! Продается остров! —
еще громче подхватывал его помощник Джинг-
рас, расхаживая взад и вперед по битком наби-
тому залу.

Действительно, в большом аукционном зале,
в доме № 10 по улице Сакраменто, народу со-
бралось видимо-невидимо. В этой возбужденной
толпе были не только американцы из штатов
Калифорния, Орегон и Утах, но и некоторые из
тех французов, что составляют добрую шестую
часть населения этих мест, и мексиканцы, завер-
нутые в свои сарапы, и китайцы в халатах с ши-
рокими рукавами, в башмаках с заостренными
носами, с конусообразными шляпами на голове,
и канак с островов Океании, даже несколько
индейцев с берегов реки Трините.

Поспешим добавить, что сцена эта происхо-
дила в Сан-Франциско, столице Калифорнии, но
не в 1849—1852 годы — пору открытия золотых
россыпей, привлекавших сюда золотоискателей
обоих полушарий, а значительно позднее, когда
он перестал уже быть караван-сараям, пристанью,
где могли найти приют на одну ночь всевозмож-
ные авантюристы, стекавшиеся отовсюду на зо-

лотосные земли к западному склону Сьерры-Невады.

Не прошло и двадцати лет с тех пор, как на месте никому не известной Эрба-Буэны вырос этот единственный в своем роде город с его стотысячным населением, построенный на склоне двух холмов (не хватило места на морском побережье), город, затмивший Лиму, Сант-Яго, Вальпараисо, а также всех соперников в Западной Америке, город, превращенный в звезду Тихого океана, в «славу Западного побережья».

В день аукциона — 15 мая — было еще холодно. В этой стране, непосредственно подверженной влиянию полярных течений, первые недели мая скорее напоминают конец марта в Средней Европе. Однако в аукционном зале на холод жаловаться не приходилось. Колокольчик своим непрерывным звоном привлекал все новые и новые толпы людей, и там стояла такая жара, что на лицах присутствующих выступали крупные капли пота.

Только не подумайте, что все, толпившиеся в зале аукциона, пришли сюда с целью совершить покупку. Больше того, не будет преувеличением сказать, что там были одни любопытные. И в самом деле, какой чудак, будь он даже богат как Крез, захотел бы купить остров в Тихом океане, по безумной затее правительства ставший предметом торгов? Поговаривали, что никто не даст назначенную цену, что не найдется любителя, который позволит втянуть себя в игру на повышение. Однако в этом нельзя было обвинить оценщика Фелпорга и его помощника Джинграса, которые с помощью жестов, восклицаний и неумеренных похвал пытались завлечь покупателей.

Кругом смеялись, но никто не двигался с места.

— Остров! Продается остров! — повторял Джинграс.

— Продается, но не покупается, — заметил какой-то ирландец, карман которого не был отягощен мелочью.

— Остров, земля которого обойдется дешевле шести долларов за акр! — выкрикивал оценщик Дин Фелпорг.

— Но который не принесет и цента на доллар, — возразил толстый фермер, как видно, большой знаток сельского хозяйства.

— Остров, не менее шестидесяти четырех миль в окружности, а площадью в двести двадцать пять тысяч акров!

— Достаточно ли устойчиво его основание? — спросил мексиканец, старый завсегдатай баров, чья устойчивость в данную минуту была более чем сомнительна.

— Остров с девственными лесами, с лугами, холмами и реками, — не унимался оценщик.

— С гарантией? — спросил какой-то француз, видно, не очень склонный поддаться на приманку.

— Вот именно, с гарантией, — ответил Фелпорг, слишком привыкший к своей профессии, чтобы обращать внимание на насмешки.

— На два года?

— До конца дней.

— И даже больше?

— Остров в полную собственность! — выкрикивал аукционист. — Остров, где нет ни вредных животных, ни хищных зверей, ни пресмыкающихся...

— И птиц? — спросил какой-то весельчак,

— И нет насекомых? — задал вопрос другой.

— Предлагаем остров! — снова завелся Дин Фелпорг. — Ну-ка, граждане! Давайте, раскошеляйтесь! Кто хочет получить во владение остров? Остров в прекрасном состоянии, почти не бывший в употреблении! Кому остров! Остров в Тихом океане, этом океане из океанов! Продается за бесценок! Всего лишь миллион сто тысяч долларов!.. Кто покупает?.. Кто хочет сказать свое слово?.. Это вы, сударь?.. Или вы?.. Что же вы качаете головой, как фарфоровый мандарин?.. Предлагаю остров!.. Есть остров!.. Кому остров!..

— Позвольте взглянуть! — крикнул кто-то из толпы, словно речь шла о картине или китайской вазе.

В зале раздался дружный хохот, но никто не прибавил и полдоллара сверх назначенной цены.

Однако, если невозможно было взглянуть на самый остров, то план его был вывешен для всеобщего обозрения. Продавался не кот в мешке. Любители могли увидеть, что представляет собой этот идущий с молотка кусок земли. Никаких неожиданностей, никакого разочарования опасаться не следовало. Географические очертания, местоположение, рельеф, водную систему, климат — все это легко было выяснить заранее. Можете мне поверить, тут не было никакого подвоха! Кроме того, журналы и газеты Соединенных Штатов, а особенно Калифорнии, выходящие ежедневно, дважды в неделю, еженедельно, два раза в месяц и ежемесячно, вот уже почти полгода привлекали внимание публики к этому острову, продажа которого с аукциона была утверждена Конгрессом.

Речь шла об острове Спенсер, лежащем к западу-юго-западу от Сан-Франциско, в четырехстах шестидесяти милях от калифорнийского берега, под 32°15' северной широты и 142°18' западной долготы по Гринвичу.

Хоть остров Спенсер и был расположен довольно близко от побережья и даже, можно сказать, находился в американских водах, трудно представить себе место более уединенное, более изолированное от всяких пассажирских и товарных морских путей. Постоянные морские течения, отклоняясь к северу или к югу, образовали вокруг него нечто вроде озера с тихими водами, иногда обозначаемого на карте как «Глубина Флерье».

В центре этого бассейна и лежал остров Спенсер. Редко-редко проходило мимо него какое-нибудь судно. Главные тихоокеанские пути, связывающие Новый свет со Старым — будь то Япония или Китай, — лежат гораздо южнее. Парусные суда встретили бы здесь полный штиль, а паровым не было никакого смысла бороздить эти воды. Итак, ни те, ни другие близ острова Спенсер почти никогда не показывались, и он возвышался среди моря подобно одинокой вершине, которыми увенчиваются в Тихом океане многие подводные скалы.

Правда, для человека, уставшего от городского шума, мечтающего о покое, что может быть лучше этой «Исландии», затерянной в нескольких сотнях лье от берега! Идеал для добровольного Робинзона! Но за этот идеал нужно было выложить кругленькую сумму!

Почему же, однако, Соединенные Штаты захотели отделаться от этого острова? Не было ли это фантазией? Нет, большая нация не может поддаваться капризам, как какое-нибудь частное лицо. Истинная причина заключалась в следую-

шем: остров Спенсер давно уже стал совершенно бесполезным. Колонизовать его не имело смысла — все равно никто бы там не поселился. И с военной точки зрения он не представлял интереса, так как господствовал над абсолютно пустынной частью Тихого океана. Что же касается интересов коммерческих, то и здесь от него не было бы никакого проку. Продукция острова не оправдала бы фрахтовых издержек по ввозу и вывозу. Устроить там исправительную колонию? Для этого остров находился слишком близко от берега.

С незапамятных времен остров Спенсер оставался необитаемым, и Конгресс, состоявший из людей «в высшей степени практичных», принял решение продать его с аукциона, но только с условием, чтобы покупателем был гражданин свободной Америки.

Однако дешево отдавать остров государство не хотело. Была назначена сумма в миллион сто тысяч долларов, которая для какой-нибудь аукционной компании представляла бы сущую безделицу.

Такая компания могла бы обеспечить акциями покупку и эксплуатацию острова, но только в том случае, если бы знала, что сможет извлечь из него хоть какую-нибудь выгоду. Однако, как мы уже говорили, никакой выгоды здесь ожидать не приходилось, и деловые люди обращали на остров Спенсер не больше внимания, чем на какой-нибудь айсберг в полярных морях. Для частного лица эта сумма была достаточно высокой. Нужно было обладать крупным состоянием, чтобы позволить себе роскошь так дорого заплатить за причуду, которая в лучшем случае не принесла бы и одного процента прибыли.

Остров продавался только за наличные, а известно, что даже в Соединенных Штатах найдется немного людей, которые, не раздумывая, могут бросить на ветер миллион сто тысяч долларов, без всякой надежды получить с них прибыль.

Итак, Конгресс твердо решил не уступать. Один миллион сто тысяч долларов! Ни центом меньше! Пусть уж лучше остров Спенсер останется собственностью государства!

При этом условии заранее можно было предположить, что вряд ли найдется безумец, который пойдет на такую авантюру.

Кроме того, было оговорено, что человек, купивший остров Спенсер, получит не права суверена, а только — президента, что он не сможет подобно королю иметь подданных. Сограждане будут выбирать его как президента республики на определенный срок, а затем переизбирать снова. И так будет продолжаться до конца его дней. Во всяком случае, он, при всем желании, не сможет стать родоначальником династии. Соединенные Штаты никогда бы не согласились на образование в американских водах королевства, каким бы маленьким оно ни было.

Очевидно, эта оговорка была предусмотрена с целью устранения от торгов какого-нибудь честолюбивого миллионера или лишнего власти набоба, если бы тому захотелось соперничать с туземными королями Сандвичевых или Маркизских островов, Помоту или других архипелагов Тихого океана.

Короче говоря, по той или иной причине, но покупатель не объявлялся. Время шло. Оценщик задрывался, пытаясь добиться надбавки. Помощник тоже кричал, что было мочи, но никто из при-

сутствующих даже не кивнул, — жест, который эти прожженные аукционисты не преминули бы заметить, — и о цене тем более никто не заикался.

Надо сказать, что если молоток Фелпорга неумоимо поднимался над конторкой, то и собравшимся не лень было ждать. Со всех сторон доносились насмешливые возгласы и довольно плоские шутки. Одни предлагали за остров два доллара вместе с издержками. Другие требовали возмещения расходов по покупке.

Дин Фелпорг продолжал выкрикивать:

— Продается остров! Продается остров!

Но покупатель все не находилось.

— А вы гарантируете, что там есть золотосные жилы? — спросил лавочник Стемпи с Мерцент-стрит.

— Нет, — ответил аукционист, — но если они там окажутся, государство предоставляет владельцу все права на эти участки.

— А есть ли там по крайней мере вулкан? — спросил Окхерст, трактирщик с улицы Монгомери.

— Вулкана там нет, — ответил Дин Фелпорг. — Иначе остров стоил бы дороже.

Эти слова были встречены громким смехом.

— Остров продается! Продается остров! — понапрасну надрывался оценщик. — Только один доллар, только полдоллара надбавки, и он будет ваш!.. Раз... Два...

Но никто не отзывался.

— Если не найдется желающих, торги будут сейчас же прекращены. Раз... Два...

— Миллион двести тысяч долларов!

Эти четыре слова прогремели в зале, как четыре револьверных выстрела.

Толпа на мгновение смолкла. Все повернули головы, чтобы взглянуть на смельчака, отважившего назвать такую цифру.

Это был Уильям Кольдеруп из Сан-Франциско.

Глава вторая,

в которой Уильям Кольдеруп из Сан-Франциско составляет с Таскинаром из Стоктона

Жил на свете поразительно богатый человек, ворочавший миллионами долларов с такой же легкостью, как другие тысячами. Звали его Уильям Кольдеруп.

Этот ловкий делец положил начало своему сказочному состоянию эксплуатацией золотых россыпей в Калифорнии в качестве главного компаньона швейцарского капитана Зуттера, на чьей земле в 1848 году была открыта первая золотосносная жила. Смело бросаясь в торговые и коммерческие авантюры, Кольдеруп, благодаря смекалке и везению, вскоре становится соучастником чуть ли не всех крупнейших предприятий Старого и Нового света. Богатство Кольдерупа возрастало не в арифметической, а в геометрической прогрессии. Короче говоря, он выделялся среди всех богачей Фриско,— так американцы фамильярно называют столицу Калифорнии.

Надбавка, сделанная Уильямом Кольдерупом, была очень значительной: сто тысяч долларов. Шуточки в зале мгновенно прекратились.

Стоило только взглянуть на Кольдерупа, чтобы убедиться, что он не отступит от принятого решения, особенно, если дело касается его финансовой репутации.

Это был высокий, сильный человек с крупной головой, широкими плечами и массивным телосложением. Его седеющая шевелюра была такой же пышной, как и в юные годы. Усы он сбривал. Подстриженная на американский манер борода с проседью, очень густая на подбородке, доходила до уголков губ, а затем тянулась к вискам, переходя в бакенбарды. Ничего не скажешь,— голова командора, готового противостоять любой буре. В разыгравшейся битве на повышение каждое движение этого человека, малейший кивок головы могли означать надбавку в сто тысяч долларов.

— Миллион двести тысяч долларов! Миллион двести тысяч долларов! — выкрикивал Дин Фелпорг, и в голосе его слышалось удовлетворение профессионала, почувствовавшего, наконец, что старается он не напрасно.

Вместо насмешек слышались восторженные возгласы.

Затем воцарилась тишина. Толпа замерла. Никому не хотелось упустить ни малейших подробностей волнующей сцены, которая могла бы разыграться, если бы кто-нибудь отважился вступить в борьбу с Уильямом Кольдерупом.

Но могло ли такое случиться?

— Есть покупатель за миллион двести тысяч долларов! — повторял за ним Джинграс.

— Теперь можно набавлять без страха, — пробормотал трактирщик Охерст, — все равно Кольдеруп не уступит.

— Он прекрасно знает, что никто не решится, — заметил бакалейщик с Мерчент-стрит.

На них зашикали. Раз уже дошло до надба-

вок, нужно было соблюдать тишину. Осмелится ли кто-нибудь выступить против Уильяма Кольдерупа? А тот стоял с гордым видом, не шелохнувшись, и был так спокоен, будто дело его и не касалось. Только находившиеся рядом с ним могли заметить, что глаза его метали искры, как два пистолета, заряженные долларами и готовые в любой момент выстрелить.

— Никто не дает больше? — крикнул Дин Фелпорг.

Все молчали.

— Раз... Два!..

— Раз!.. Два!.. — повторял за ним Джинграс, привыкший к этому диалогу с оценщиком.

— Я присуждаю...

— Мы присуждаем...

— За миллион двести тысяч долларов!

— Все видели?... Все слышали?..

— Никто потом не будет расквиваться?

— Остров Спенсер за миллион двести тысяч долларов!

Волнение публики возрастало. Сдавленные груди сотен людей судорожно вздымались и опускались. Неужели в самую последнюю минуту кто-нибудь осмелится набавить?

Дин Фелпорг, вытянув правую руку над столом, размахивал молотком из слоновой кости. Один удар, один-единственный удар, и остров будет продан.

Даже при учинении самосуда, который имееется в Америке судом Линча, толпана не могла быть более возбужденной.

Молоток медленно опустился, почти коснувшись стола, поднялся снова, несколько мгновений трепетал в воздухе, как рапира в руках фехтовальщика, готового сделать неотразимый выпад, потом быстро пошел вниз.

— Миллион триста тысяч долларов!

Раздался единодушный возглас удивления, а вслед за ним — крики ликования. Желаящий сделать надбавку все-таки нашелся! Итак, состязание продолжается.

Но кто же был этот смельчак, вступивший в поединок за доллары с самим Уильямом Кольдерупом из Сан-Франциско?

Им оказался Таскинар из Стоктона.

Таскинар был не только богат, но, к тому же, еще и очень толст. Он весил около двухсот килограммов и если на последнем конкурсе толстяков завоевал только вторую премию, то лишь потому, что ему не дали закончить обед и он потерял в весе не менее пяти килограммов.

Этот колосс, который мог сидеть только на специально сделанном для него стуле, жил в Стоктоне на улице Сан-Иохим. Стоктон — один из значительных городов Калифорнии, один из центров, куда свозится добыча с рудников Юга, тогда как в соперничающем с ним Сакраменто сосредоточена продукция рудников Севера. В этом же городе производится самая крупная погрузка на суда калифорнийского хлеба.

Свое огромное состояние Таскинар нажил не только эксплуатацией рудников и спекуляцией хлебом. Помимо этого он был азартным и притом удачливым игроком в покер, заменяющий в Соединенных Штатах рулетку. Таскинар был богат, хорошими же человеческими качествами не отличался. Слухи о том, что он при малейшем поводе не постесняется пустить в ход «дернгер» — так называется калифорнийский револьвер, — вовсе не были преувеличенными.

Таскинар ненавидел Уильяма Кольдерупа. Он

завидовал его состоянию, положению, репутации. Он презирал его так, как только может толстяк презирать тощего. И не впервые коммерсант из Стоктона пытался из чувства соперничества взять верх над богачом из Сан-Франциско, если это даже шло в ущерб его выгоде. Уильям Кольдеруп прекрасно это знал и всякий раз при встрече выказывал достаточно пренебрежения, чтобы вывести из себя соперника.

Особенно Таскинар не мог простить своему конкуренту последнего успеха, когда тот буквально разбил его на выборах. Несмотря на все усилия, угрозы, клевету, — не говоря уже о тысячах долларов, напрасно истраченных им на предвыборных маклеров, — в Законодательном совете Сакраменто сидел не он, Таскинар, а Уильям Кольдеруп.

И вот Таскинару удалось пронюхать, что Уильям Кольдеруп задумал приобрести остров Спенсер. По правде сказать, остров этот был ему так же не нужен, как и его сопернику. Но это не имело значения. Представлялся новый

случай сразиться и, может быть, победить. Такого случая Таскинар упустить не мог.

Потому он и оказался в то утро в зале аукциона, замешавшись в толпе любопытных. Почему же Таскинар так долго собирался? Почему не вступал в борьбу, а выжидал, пока соперник не увеличит и без того высокую цену?

И только в ту минуту, когда Уильям Кольдеруп мог уже считать себя обладателем острова, Таскинар выкрикнул оглушительным голосом:

— Миллион триста тысяч долларов!

Все обернулись. Раздались голоса:

— Толстяк Таскинар!

Это имя переходило из уст в уста.

Еще был Толстяк Таскинар был известной персоной. Его комплекция дала пищу не одной газетной статье! Какой-то математик даже доказал с помощью дифференциальных вычислений, что масса Таскинара оказывала заметное влияние на массу спутника Земли и даже значительно нарушала лунную орбиту.

Но не комплекция Таскинара в этот момент интересовала собравшихся на аукционе. Все были взбудоражены тем, что он вступил в открытую борьбу с Уильямом Кольдерупом. Это была решительная схватка, и трудно было предугадать, на который из этих двух денежных мешков стоило ставить любителям пари.

После первого волнения в зале снова наступила такая тишина, что можно было услышать, как паук тклет свою паутину. Тягостное молчание нарушил голос Дина Фелпорга:

— Миллион триста тысяч долларов за остров Спенсер! — крикнул он, вставая, чтобы лучше следить за игрой на повышение.

Уильям Кольдеруп повернулся в сторону Таскинара. Все расступились, чтобы освободить место соперникам. Богач из Сан-Франциско и богач из Стоктона могли сколько угодно смотреть друг на друга. Однако справедливость заставляет нас заметить, что ни один из них не согласился бы первым опустить глаза.

— Миллион четыреста тысяч! — сказал Кольдеруп.

— Миллион пятьсот тысяч! — произнес в ответ Таскинар.

— Миллион шестьсот тысяч долларов!..

— Миллион семьсот тысяч долларов!..

Не походило ли это на историю с двумя капиталистами из Глазго, соревновавшихся из-за того, чья заводская труба будет выше, рискуя даже навлечь этим катастрофу? Только в данном случае трубы состояли из золотых слитков.

Между тем, услышав последнюю надбавку Таскинара, Уильям Кольдеруп призадумался, не решаясь снова вступать в борьбу. Таскинар же, напротив, рвался в бой и не хотел и минуты тратить на размышление.

— Миллион семьсот тысяч долларов! — повторил оценщик. — Продолжайте, господа. Ведь это сущая безделица.

Можно было предположить, что, следуя своей профессиональной привычке, он не преминет дебавить: «Вещь стоит гораздо дороже!»

— Миллион семьсот тысяч! — орал Джинграс.

— Миллион восемьсот тысяч! — вдруг заявил Уильям Кольдеруп.

— Миллион девятьсот тысяч! — не унимался Таскинар.

— Два миллиона! — тут же, не задумываясь, крикнул Кольдеруп.

При этом лицо его немного побледнело, но всем видом своим он давал понять, что борьбу так легко не прекратит.

Таскинар был вне себя. Его огромное лицо напоминало красный железнодорожный диск, который служит для остановки поездов. Но, видно, соперник его не считался с сигнализацией и продолжал раздувать пары. Таскинар это почувствовал. Кровь еще больше прилила к его апоплексическому лицу. Толстыми пальцами, унизан-

ными бриллиантами, он теребил массивную золотую цепочку от часов. Глянув на своего противника, он на минуту закрыл глаза и снова открыл. Такой ненависти до сих пор не было в его взгляде.

— Два миллиона пятьсот тысяч! — изрек, наконец, толстяк, надеясь этим маневром устранить дальнейшую надбавку.

— Два миллиона семьсот тысяч! — спокойно заявил Уильям Кольдеруп.

— Два миллиона девятьсот тысяч!

— Три миллиона!

Да! Это было так! Уильям Кольдеруп из Сан-Франциско действительно назвал цифру в три миллиона долларов!

Его слова были встречены аплодисментами публики. Однако они сразу же смолкли, когда оценщик, повторив последнюю цифру, поднял молоток и, того и гляди, готов был его опустить. Даже Дин Фелпорг, искушенный аукционист, привыкший ко всяким неожиданностям, на этот раз не мог больше сдерживаться.

Взгляды всех собравшихся в аукционном зале обратились к Таскинару. Толстяк явно ощущал их тяжесть. Но еще больше тяготели над ним три миллиона долларов. Они его буквально раздавили. Он, без сомнения, хотел говорить, прибавить цену, но не мог... Хотел пошевелить головой... Не тут-то было...

Наконец его голос совсем слабо, но достаточно внятно произнес:

— Три миллиона пятьсот тысяч!

— Четыре миллиона! — заявил Уильям Кольдеруп.

Нанесен был последний, ошеломляющий удар. Таскинар сдася. Молоток глухо ударился о мраморный стол.

Остров Спенсер был присужден за четыре миллиона долларов Уильяму Кольдерупу из Сан-Франциско.

— Я отомщу! — злобно прошипел Таскинар.

И, бросив полный ненависти взгляд на противника, он двинулся по направлению к Западной гостинице.

Глава третья,

в которой беседа Фины Холланей с Годфри Морганом сопровождается игрой на фортепиано

Итак, Уильям Кольдеруп возвратился в свой особняк на улице Монгомери. Эта улица для Сан-Франциско все равно, что Риджен-стрит для Лондона, Бродвей для Нью-Йорка, Итальянский бульвар для Парижа. Вдоль всей громадной артерии, пересекающей город параллельно набережным, кипит оживление. Множество трамваев, кареты, запряженные мулами или лошадьми, деловые люди, спешащие по каменным тротуарам вдоль витрин бойко торгующих магазинов, а еще больше любителей хорошо провести время — у дверей баров.

Трудно описать особняк этого набоба из Фриско. Миллионер окружил себя ненужной роскошью. Больше комфорта, чем вкуса. Меньше эстетического чутья, чем практичности. Ведь то и другое вместе не уживаются.

Пусть читатель узнает, что в особняке этом был великолепный салон для приемов, а в салоне стояло фортепиано, звуки которого донеслись до Уильяма Кольдерупа, когда он переступил порог своего дома.

«Вот удача! — подумал он. — Оба они здесь. Дам только распоряжения кассиру и сразу к ним».

И Кольдеруп направился к своему кабинету, собираясь тут же покончить дело с покупкой острова Спенсер, чтобы больше к нему не возвращаться. Нужно было только реализовать несколько ценных бумаг и уплатить за покупку. Четыре строчки биржевому маклеру и делу конец, после чего Уильям Кольдеруп сможет заняться другой операцией, не менее приятной, но совсем другого рода.

Действительно, молодые люди находились в салоне. Она сидела за фортепиано, а он, полулежа на диване, рассеянно слушал мелодию, которую извлекали из инструмента ее пальцы.

— Ты слушаешь мою игру? — спросила она.

— Конечно, Фина!

— Да, но слышишь ли ты хоть что-нибудь?

— Как же, все слышу. Никогда еще ты так хорошо не играла этих вариаций из «Auld Robin Gray»¹.

— Но ведь это совсем не «Auld Robin Gray», Годфри, это «Гретхен за прялкой» Шуберта.

— Так я и думал, — равнодушным тоном ответил Годфри.

Молодая девушка подняла обе руки и несколько мгновений держала их над клавишами, словно собираясь взять аккорд. Потом, повернувшись вполборота, посмотрела на Годфри, который, казалось, избегал встречаться с ней взглядом.

Рано потеряв родителей, Фина Холланей воспитывалась в доме своего крестного, Уильяма Кольдерупа, который любил ее как родную дочь.

Фине исполнилось шестнадцать лет. Это была миловидная блондинка с решительным характером, отражавшимся в кристальной голубизне ее глаз. У молодой девушки было доброе сердце, но не меньше практичного ума, ограждавшего ее от грез и иллюзий, свойственных этому возрасту.

— Годфри! — произнесла она.

— Что, Фина?

— Где витают сейчас твои мысли?

— Как где? Возле тебя... Здесь...

— Нет, Годфри, мысли твои сейчас не здесь...

Они далеко, далеко... За морями... Не правда ли?

Рука Фины невольно упала на клавиши. Прозвучало несколько минорных аккордов, грустный тон которых, видимо, не дошел до племянника Уильяма Кольдерупа.

¹ «Auld Robin Gray» («Старый Робин Грей») — англ. — опера, написанная по мотивам одноименной шотландской баллады Анн Линдсей, приписываемая американскому композитору Александру Рейнальцу (1756—1804).

Сын родной сестры богача из Сан-Франциско, оставшийся без родителей, Годффри Морган, как и Фина Холланей, получил воспитание в доме своего дядюшки, слишком увлеченного делами, чтобы подумать о собственной семье.

Годффри было двадцать два года. К этому времени он успел закончить образование, а теперь вел праздную жизнь. Хотя он и удостоился университетского диплома, но учений от этого не стал. Жизнь открывала перед ним большие возможности, широкую дорогу. Он мог следовать по ней направо, налево и, в конце концов, пришел бы туда, где бы ему улыбнулось счастье.

К тому же Годффри был хорошо сложен, воспитан, элегантен, никогда не носил колец или запонок с драгоценными камнями. Одним словом, не питал пристрастия к товарам ювелирных магазинов, до которых так падки его сограждане.

Никто не удивится, если я сообщу, что Годффри Морган должен был жениться на Фине Холланей. Да и как могло быть иначе? Все шло к тому. Прежде всего, этого хотел Уильям Кольдеруп. Он ничего так не желал, как сделать наследниками своего состояния двух молодых людей, к которым питал отеческие чувства, не говоря уже о том, что его воспитанник и воспитанница нежно любили друг друга. Помимо всего прочего, а может быть, с этого нужно было начать, предстоящее супружество имело прямое отношение к делам фирмы. С самого рождения Годффри на его имя был открыт один счет, на имя Фины — другой. Теперь оставалось только подытожить обе суммы и завести новый общий счет супругов. Почтенный коммерсант нисколько не сомневался, что это, в конце концов, произойдет и что итог будет подведен без пропусков и ошибок.

Однако в то время, когда начинается наш рассказ, сам Годффри еще не чувствовал себя подготовленным к браку. Впрочем, его мнения никто не спрашивал, и уж во всяком случае дядюшке было безразлично, что он думает.

Закончив образование и проводя свои дни в праздности, Годффри преждевременно пресытился жизнью, дарившей ему все блага, каких только он мог пожелать. Ему захотелось повидать свет. Он вбил себе в голову, что изучил все науки, кроме путешествий. И действительно, из всех земель Старого и Нового света он знал лишь одну географическую точку, Сан-Франциско, свой родной город, с которым расставался только во сне.

Да разве может уважающий себя молодой человек, особенно если он американец, не совершить двух или трех кругосветных путешествий? Как иначе испытать ему свои способности? Где еще встретятся ему приключения, в которых он проявит мужество и находчивость? Кроме того, преодолеть несколько тысяч лье, чтобы видеть, наблюдать, расширять свои знания, — разве это не полезное дополнение к хорошему образованию?

И вот произошло следующее. Примерно за год до начала нашего рассказа, Годффри стал с увлечением читать многочисленные книги о путешествиях. Вместе с Марко Поло он открывал Китай, с Колумбом — Америку, с капитаном Куком — Тихий океан, с Дьюном Д'Юрвилем — земли у Южного полюса. С тех пор Годффри загорелся желанием посетить все места, где побывали до него прославленные путешественники.

Он готов был ради этих экспедиций пойти на любой риск — встретиться лицом к лицу с малайскими пиратами, участвовать в морских сражениях, потерпеть кораблекрушение и высадиться на необитаемом острове, где он вел бы жизнь подобно Селкирку¹ или Робинзону Крузо. Ро-

¹ Селкирк — шотландский моряк, проведший несколько лет на необитаемом острове. Биографы Даниэля Дефо утверждают, что Селкирк был прототипом Робинзона Крузо, героя романа Дефо.

бинзон! Чье молодое воображение не воспламенялось этой мечтой при чтении романов Даниэля Дефо или Висса¹. В этом смысле Годфри ничем не отличался от своих сверстников.

И как раз в то время, когда он грезил о путешествиях, необитаемых островах и пиратах, дядюшка задумал связать его, как говорится, брачными узами. Путешествовать вместе с Финой после того, как она станет миссис Морган? Нет, это было бы безумием! Либо нужно отправиться в путь одному, либо вовсе отказаться от своих дерзновенных планов!

Годфри созреет для подписания брачного контракта не раньше, чем осуществит свои замыслы. Можно ли думать о семейном счастье, когда ты еще не побывал ни в Японии, ни в Китае, ни даже в Европе? Нет! Нет! И еще раз нет!

Вот почему был так рассеян Годфри, вот почему он с таким безразличием внимал словам песни, был так безучастен к игре, которую когда-то не устал расхваливать.

Фина, девушка серьезная и сообразительная, быстро все заметила. Сказать, что это не доставило ей некоторой досады, смешанной с огорчением, значило бы незаслуженно ее оклеветать. Но, привыкнув искать во всем положительную сторону, она решила: если Годфри так необходимо путешествовать, то лучше пусть он поедит до женитьбы, чем после.

Вот почему она ответила молодому человеку так просто, но многозначительно:

— Нет, Годфри, мысли твои сейчас не здесь... Они далеко, далеко... За морями!..

Годфри поднялся, не глядя на Фину, сделал несколько шагов по комнате и, подойдя к фортепиано, машинально ударил по клавише указательным пальцем.

Раздалось ре-бемоль самой нижней октавы, печальная нота, выразившая его душевное состояние.

Фина все поняла и без долгих колебаний сначала решила припереть своего жениха к стенке, а потом уже помочь ему устремиться туда, куда его влекла фантазия. Но в эту самую минуту дверь салона открылась.

В комнату вошел, немного озабоченный, как всегда, Уильям Кольдеруп. Покончив с одной операцией, он собрался приступить к другой.

— Итак, — изрек коммерсант, — остается лишь окончательно наметить день.

— День? — вздрогнув, спросил Годфри. — Какой день, дядюшка, вы имеете в виду?

— Ну, разумеется, день вашей свадьбы, — ответил Кольдеруп. — Надо полагать, что не мой.

— Пожалуй, это было бы более кстати, — заметила Фина.

— Что ты этим хочешь сказать? — удивился Кольдеруп. — Итак, назначаем свадьбу на конец месяца. Решено?

— Но, дядя Виль... Сегодня нам предстоит наметить не день свадьбы, а день отъезда.

— Отъезда? Какого отъезда?

— Очень просто, дату отъезда Годфри, который перед тем, как жениться, хочет совершить небольшое путешествие.

— Значит, ты в самом деле хочешь уехать? — воскликнул Уильям Кольдеруп, схватив племянника за руку, будто для того, чтобы тот от него не сбежал.

— Да, дядя Виль, — бодро ответил Годфри.

— И надолго?

— На восемнадцать месяцев или, самое большое, на два года, если....

— Если?..

— Если вы мне разрешите, а Фина будет ждать моего возвращения.

— Ждать тебя! Нет, вы только поглядите на этого жениха, который только и думает, как бы сбежать, — воскликнул Кольдеруп.

— Пусть Годфри поступает так, как хочет, — сказала девушка. — Дядя Виль! Ведь я на этот счет много передумала. Хотя годами я и моложе Годфри, но в знании жизни гораздо старше его. Путешествие поможет ему набраться жизненного опыта, и, мне кажется, не стоит его отговаривать. Хочет путешествовать — пусть едет. Ему потом самому захочется спокойно жить, а я буду его ждать.

— Что! — воскликнул Уильям Кольдеруп. — Ты соглашаешься дать свободу этому вертопраху?

— Да, на два года, которые он просит.

— И ты будешь его ждать?

— Если бы я была неспособна его ждать, это бы означало, что я его не люблю.

Произнесла эту фразу, Фина возвратилась к фортепиано, и ее пальцы, сознательно или невольно, тихо заиграли очень модную в те времена мелодию «Отъезд нареченного». Хотя песня и была написана в мажорной тональности, Фина, сама того не замечая, исполнила ее в миноре.

Смущенный Годфри не мог вымолвить ни слова. Дядя взял его за подбородок и, повернув к свету, внимательно на него посмотрел. Он спрашивал его без слов, и слов для ответа тоже не понадобилось.

А мелодия «Отъезда нареченного» становилась все печальнее.

Наконец, Уильям Кольдеруп, пройдя взад и вперед по комнате, направился к Годфри, который походил на подсудимого, стоящего перед судьей.

— Это серьезно? — спросил он у племянника.

— Очень серьезно! — ответила за жениха Фина, не прерывая игры, тогда как Годфри лишь утвердительно качнул головой.

— Ол райт, — произнес Кольдеруп, окинув племянника странным взглядом.

Затем сквозь зубы добавил:

— Значит, перед женитьбой ты хочешь путешествовать? Будь по твоему, племянник!

И, сделав еще два-три шага, остановился перед Годфри, скрестил руки и спросил:

— Итак, где бы ты хотел побывать?

— Повсюду, дядюшка.

— А когда собираешься в путь?

— Как вам будет угодно, дядя Виль.

— Ладно! Это произойдет очень скоро.

При этих словах Фина внезапно оборвала игру. Быть может, девушке немного взгрустнулось...

¹ В романе немецко-швейцарского писателя Иоганна Рудольфа Висса «Швейцарский Робинзон» (1812) изображена трудовая жизнь на необитаемом острове не одного человека, как в «Робинзоне Крузо» Дефо, а целой семьи — отца и четырех сыновей с разными характерами и наклонностями. В 1900 году Жюль Верн опубликовал роман «Вторая родина», задуманный, как продолжение «Швейцарского Робинзона» Висса.

Глава четвертая,

в которой читателю по всем правилам представляют
Т. Артелетта, называемого Тартелеттом

Если бы Т. Артелетт был французом, соотечественники не преминули бы шутливо окрестить его Тартелеттом¹, а так как это имя ему очень подходит, мы, не колеблясь, и будем впредь его так называть.

В своем «Путешествии из Парижа в Иерусалим» Шатобриан упоминает маленького человека, напудренного и завитого, в зеленом костюме, дрогетовом жилете с муслиновыми манжетами и жабо, который пиликал на своей скрипке, заставляя плясать ирокезов.

Калифорнийцы, ясное дело, не ирокезы, но Тартелетт был учителем танцев и изящных манер в Калифорнии. Хотя плату за уроки он и не получал, как его предшественник, бобрскими шкурами и медвежьими окороками, зато ему платили долларами. Во всяком случае, он ничуть не меньше способствовал цивилизации своих учеников, чем тот француз, обучавший хорошим манерам ирокезов.

В ту пору, когда мы представили его читателю, Тартелетт был холост и говорил, что ему сорок пять лет. Но за десять лет до этого он чуть было не вступил в брак с одной перезрелой девицей.

Ради такого события его попросили в нескольких строках изложить свою биографию, что он и не преминул сделать. Эти данные помогут нам воспроизвести его портрет с двух точек зрения: моральной и физической.

Родился 17 июля 1835 года в три часа пятнадцать минут утра.

Рост — пять футов два дюйма три линии.

Объем выше бедер — два фута три дюйма.

Вес, увеличившийся за последние годы на 6 фунтов, — сто пятьдесят один фунт две унции.

Форма головы — продолговатая.

Волосы — каштановые с проседью, редкие на макушке.

Лоб — высокий.

Лицо — овальное.

Цвет лица — здоровый.

Зрение — отличное.

Глаза — серо-карие.

Брови и ресницы — светло-каштановые.

Веки — запавшие.

Нос — средней величины. На краю левой ноздри выемка.

Щеки — впалые, без растительности.

Уши — большие, приплюснутые.

Рот — средний. Гнилых зубов нет.

Губы — тонкие, немного сжатые, обрамлены густыми усами и эспаньолкой.

Подбородок — круглый.

Шея — полная. На затылке родинка.

Когда купается, можно заметить, что тело белое, немного волосатое.

Жизнь ведет правильную, уравновешенную.

Не обладая крепким здоровьем, сумел его сохранить благодаря воздержанности.

Бронхи слабые. По этой причине лишен дурной привычки курить табак.

Не употребляет ни спиртных напитков, ни кофе, ни ликеров, ни виноградных вин.

Короче говоря, избегает всего, что может оказать пагубное действие на нервную систему.

Легкое пиво, вода, подкрашенная вином, — вот единственные напитки, которые употребляет без всяких опасений. Благодаря своему благоразу-

¹ Тартелетт (фр.) — сладкий пирожок.

мию ни разу от рождения не обращался к врачу.

Жесты — оживленные, походка быстрая, характер открытый и искренний. Деликатен до крайности — до сих пор не решился соединить свою судьбу с женщиной, из страха сделать ее несчастной.

Такой была характеристика, составленная самим Тартелеттом и, безусловно, заманчивая для девицы определенного возраста. Тем не менее, брак этот не состоялся, учитель по-прежнему жил холостяком и продолжал давать уроки танцев и изящных манер.

В этом амплуа он и появился в доме Уильяма Кольдерупа, а с течением времени, когда ученики стали мало-помалу отсеиваться, остался приживальщиком в семье богача.

Несмотря на все странности, человек он был очень славный, и все домочадцы к нему привязались. Он любил Годфри, любил Фину, и они отвечали ему взаимностью. Теперь у него в жизни было только одно честолюбивое стремление: передать молодым людям все тонкости своего искусства, сделать их образцом хороших манер.

И вот представьте себе, что именно учителя танцев Тартелетта выбрал Уильям Кольдеруп в спутники своему племяннику для предстоящего путешествия. Впрочем, у него были некоторые основания предполагать, что Тартелетт в какой-то мере способствовал желанию Годфри побродить по свету для полного завершения образования. Раз так, пусть едут оба! На следующий день, 16 мая, он вызвал учителя танцев к себе в кабинет.

Просьба набоба была для Тартелетта равносильна приказу. Учитель вышел из своей комнаты, на всякий случай прихватив с собой карманную скрипку, поднялся по широкой лестнице, правильно расставляя ноги, как и подобает учителю танцев, деликатно постучал в дверь и с приятной улыбкой на лице вошел в кабинет, склонившись и округлив локти.

Затем он встал в другую позицию, скрестив нижние части ног таким образом, что пятки касались друг друга, а носки смотрели в противоположные стороны.

Любой другой на месте Тартелетта не удержался бы на ногах в таком неустойчивом положении, но он выполнил это с большим знанием дела.

— Мсье Тартелетт, — обратился к учителю Уильям Кольдеруп. — Я пригласил вас, чтобы сообщить одну новость. Надеюсь, она вас не поразит.

— К вашим услугам, — ответил Тартелетт.

— Свадьба моего племянника откладывается на год или полтора года. Годфри решил сначала побывать в разных странах Старого и Нового света.

— Мистер Кольдеруп, — ответил учитель, — мой ученик с честью будет представлять страну, в которой родился.

— А равно и наставника, который обучил его хорошим манерам, — добавил почтенный коммерсант. Но простодушный Тартелетт не услышал в его голосе никакой иронии.

Вслед за этим учитель танцев, убежденный, что он должен проделать все требуемые позиции, сначала наклонил ноги вбок, будто собираясь кататься на коньках, затем, легко согнув колени, поклонился Уильяму Кольдерупу.

— Я подумал, — продолжал коммерсант, — что вам не совсем приятно будет расставаться со своим учеником.

— О, крайне неприятно, — сказал Тартелетт, — но если это нужно...

— Совсем это не нужно, — возразил Уильям Кольдеруп, нахмутив густые брови.

— Тогда как же? — произнес Тартелетт.

Слегка взволнованный, он отступил назад, чтобы перейти из третьей в четвертую позицию, потом расставил ноги, видимо, не сознавая, что делает.

— Вот так! — безапелляционно заявил коммерсант. — Мне пришло в голову, что будет действительно очень жестоко разлучить учителя и ученика, достигших такого взаимопонимания.

— Конечно, путешествия... — пробормотал Тартелетт, казалось, не желавший ничего понимать.

— Да, конечно... — подхватил Уильям Кольдеруп. — Во время путешествия раскроются таланты не только моего племянника, но и учителя, которому он обязан умением так хорошо себя держать...

Никогда этому большому ребенку и в голову не приходило, что в один прекрасный день ему придется покинуть Сан-Франциско, Калифорнию, даже Америку. И вот теперь ему предлагали, нет, ему дали понять, что, хочет он или не хочет, он вынужден покинуть свою страну, чтобы испытать все трудности и неудобства переездов, которые он сам же рекомендовал своему ученику! Тут было отчего волноваться. Впервые за всю жизнь бедный учитель танцев почувствовал, как дрожат мускулы его искусственных тридцатипятилетними упражнениями ног.

— Может быть, — сказал он, пытаясь вызвать на губах шаблонную улыбку танцовщика. — Может быть, я не гожеу для...

— Привыкнете! — ответил Кольдеруп тоном, не терпящим возражений.

Отказаться? Нет, это было невозможно, Тартелетт о таком даже не подумал. Кем он был в доме богача? Вещью, тюком, грузом, который можно было отправить на все четыре стороны. Однако предстоящее путешествие его порядком взволновало.

— И когда же состоится отъезд? — спросил он, пытаясь стать в академическую позицию.

— Через месяц.

— А по какому бурному морю решил мистер Кольдеруп отправить нас с Годфри?

— Сначала по Тихому океану.

— А в какой точке земного шара должна ступить моя нога?

— В Новой Зеландии, — ответил коммерсант. — Я заметил, что новозеландцы не умеют толком округлять локтей. Вы их подучите!

Вот при каких обстоятельствах учитель танцев был назначен в спутники Годфри Моргану.

Он удалился в таких растрепанных чувствах, что грация, обычно сопровождавшая его уход, на этот раз оставляла желать много лучшего.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Обществу «Глобус» Свердловского Дворца пионеров недавно исполнилось тридцать лет. Основано оно было в 1939 году, первыми его членами стали ребята, увлеченные географией. Сначала они совершали экскурсии по родному краю, а через два года отправились в большое путешествие по Средней Азии, где познакомились с жизнью и бытом республик.

Уже в 1942 году «Глобус» стал и обществом юных краеведов, а сейчас в его состав входят историки, геологи, географы, ботаники, орнитологи. Трудно подсчитать, сколько экспедиций провели глобусята, сколько интересных открытий сделали они. За последние несколько лет ребята создали музей Уральского комсомола, геологический музей, комнату боевой славы, комнату живой природы.

ВОТ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕДИЦИЙ ТОЛЬКО ОДНОГО ПРОШЛОГО ЛЕТА

В последние годы в Тюменской области ведутся большие мелиоративные работы, осушаются заболоченные почвы. Сюда и выезжали орнитологи Дворца пионеров, чтобы проследить, как деятельность человека влияет на изменение фауны птиц. Особенно интересные наблюдения были в Ялutorовском районе, где ребята проводили свои исследования и раньше. Следопыты пришли к такому выводу: количество птиц не меняется, изменяется их состав. Прилетают новые виды пернатых, приспособленные к новым условиям. Сейчас ребята анализируют собранные материалы.

Другая группа орнитологов изучала жизнь птиц в окрестностях Свердловска. В деревне Косой Брод находится пятьдесят гнездовых пернатых. Их и наблюдают следопыты. Интересно, что некоторые мелкие птицы — зяблики, лесные коньки, славки, пеночки — селятся там, где живут дрозды-рябинники. Происходит это потому, что дрозды селятся колониями и активно защищают гнездовища. Берут они под защиту и мелких птиц.

Исследовательская работа свердловских ребят обсуждалась в прошлом году на Всесоюзной орнитологической конференции в Ашхабаде. Ученых заинтересовали исследования уральцев. Следопыты получили предложения вести на-

блюдения в Кандалакшском заповеднике на Белом море, на Сахалине, в Беловежской пуще.

Члены исторического кружка общества «Глобус» три года собирают материалы о боевом пути 3-й стрелковой дивизии. Последний поход они начали из деревни Васильевка под Волгоградом, где нашими войсками была остановлена танковая армия фельдмаршала Манштейна. На местах боев следопыты осмотрели противотанковые рвы, траншеи, нашли винтовки, пулеметы. Уральские следопыты познакомились с местными школьниками, подарили им сувениры, помогли связаться с бывшим командиром полка В. М. Дацко, штаб которого был расположен в Васильевке.

Дальше маршрут глобусят проходил через Ростов-на-Дону, Таганрог, Снежное, Волноваху, Каховку, Джанкой, Симферополь и Севастополь. По всему пути ребята встречались с ветеранами дивизии, записывали их воспоминания, собирали для своего музея документы, фотографии. Так, в Волновахе они познакомились с машинистом Завгородным, который во время войны из винтовки сбил двухмоторный фашистский самолет. Старожилы Молочанска привели уральцев к сопке Пришиб, где Герой Советского Союза Антонов со

своими разведчиками захватил немецкий командный пункт.

Узнали следопыты и о подвиге пионера Вити Шлиханова, который показал нашим воинам не заминированный фашистами брод через речку Крымку и границу минных полей на обоих ее берегах, и помог тем самым провести дерзкую операцию по форсированию Крымки, в результате которой советские войска овладели важными высотами.

Глобусята-геологи по заданию Уральского геологического управления в деревне Ялунино проверяли наличие золота в старых разработках. Они взяли 83 шлиховых пробы и нашли ценный минерал. Работа ребят получила высокую оценку, а находка заинтересовала геологов.

Юные натуралисты выезжали летом в Ильменский заповедник имени В. И. Ленина. Они изучали его растительный мир, вели фенологические наблюдения. Сейчас ребята составляют фенологические диаграммы Южного Урала.

Два других отряда натуралистов обследовали по заданию «Уральского следопыта» берега Чусовой, выявляли, кт

ПЕРВЫЕ ПАМЯТНИКИ ИЛЬИЧУ

Первый скульптурный портрет вождя.
1919 год.

В ряду советских художников-скульпторов, работавших над созданием образа Владимира Ильича Ленина, видное место занимает скульптор Георгий Дмитриевич Алексеев. Осенью 1918 года он сделал натурные зарисовки, а в феврале 1919-го создал первый скульптурный портрет вождя, который в том же году был утвержден специальной комиссией. Копии его из цемента и гипса были установлены в 29 городах нашей страны: Александрове, Богородске, Звенигороде, Ржеве, Смоленске, Уфе, Яранске и других.

До наших дней в деревне Митицино Вологодской области сохранился бюст-памятник Ильичу, сделанный в 1920 году по модели скульптора С. Д. Меркурова.

Первый в мире посмертный памятник Ленину был открыт в подмосковном городе Ногинске перед зданием бывшей Глуховской мануфактуры¹. Вторым установлен в Краснодаре — 27 января 1924 года. Был он вначале изготовлен из гипса, а затем — к 7 ноября — отлит из бронзы по модели скульптора-самоучки К. Д. Дитриха.

25 января 1924 года II съезд Советов СССР постановил соорудить монументальные памятники В. И. Ленину «в столице Союза ССР и РСФСР городе Москве, а также в столицах других союзных республик — Харькове, Тифлисе, Минске и в городах Ленинграде и Ташкенте». К этой работе были привлечены лучшие скульпторы страны: Г. Д. Алексеев, В. В. Козлов, Н. А. Андреев, И. Д. Шадр, С. Д. Меркуров, М. Г. Манизер.

В те годы памятники вождю изготавливал Ленинградский меднопрокатный завод «Красный выборжец» в специально созданной художественной мастерской.

К седьмой годовщине Октября по просьбе рабочих-текстильщиков в Иваново-Вознесенске был установлен памятник Ильичу работы скульптора В. В. Козлова, изобразившего великого вождя в полный рост, с поднятой рукой.

Памятник у Смольного.

¹ См. «Уральский следопыт» № 8, 1968 год.

В этом же году открыли памятники В. И. Ленину в Уфе, Ташкенте, Бухаре. Для Бухарского ЦИКа, городов Орел и Чарджоу были тогда же отлиты бронзовые бюсты вождя по модели скульптора М. Харламова, для Ферганского облисполкома — по модели В. В. Козлова. В Челябинске памятник представлял сложное гранитное сооружение: трибуна с внутренним помещением (автор Н. Чекасин) и бюст Ленина (работы В. В. Козлова) наверху. Он был торжественно открыт 15 июля 1925 года — к годовщине освобождения Урала от Колчака.

К тому же времени относится и установление ленинских памятников в других городах Урала: Кушве, Нижнем Тагиле, а также в Верхней Туре.

В Баку, Казани, Рыбинске, Семипалатинске, Наро-Фоминске в 1925—1927 годах состоялось открытие памятников Ильичу по новой модели скульптора Г. Д. Алексеява, получившей название «Призывающий вождь». Одну из таких сохранившихся до наших дней скульптур можно увидеть в вестибюле Казанского вокзала в Москве.

Бронзовая скульптура вождя у Финляндского вокзала была выполнена художником-скульптором Государственных Академических театров С. А. Евсеевым в творческом содружестве с архитектором В. А. Шуко и В. Г. Гельфрейхом. В оценке моделей (10 вариантов) активное участие принимали рабочие ленинградских заводов. Представители Выборгского района писали: «Все рабочие единодушно одобрили идею памятника и художественное ее оформление». Открытие памятника состоялось 6 ноября 1926 года.

К 10-й годовщине Октября в Ленинграде был торжественно установлен еще один выдающийся памятник В. И. Ленину — у Смольного. Его автор — скульптор В. В. Козлов. «Ленинградская правда» писала 10 ноября 1927 года: «Когда подошли делегации, памятник ожил... Во всей фигуре... ленинская простота и сила. Не поза оратора, а внешность рабочего вождя, верного, любимого, простого». По этой же модели были установлены скульптуры Ильича в Калуге, Андижане, Владивостоке.

Сооружение памятников Владимиру Ильичу Ленину производилось при самом активном участии трудящихся, которые добровольно собирали денежные средства, оказывали помощь в строительных работах. В Челябинске, например, в 1925 году

было собрано свыше 15 тысяч рублей добровольных взносов. Рабочие напильного завода Миасса 15 августа этого же года отработали сверхурочно по два часа. В Кушве спортсмен В. Г. Шульгин передал на сооружение бронзового памятника В. И. Ленину все деньги, полученные им зимой 1924—1925 года в качестве премий. Его почин подхватили трудящиеся местного металлургического завода.

Помимо скульптурных во многих городах создавались и другие памятники вождю. Среди них наиболее интересными были Дома крестьянина имени В. И. Ленина, которые символизировали укрепление смычки рабочего класса и крестьянства. В январе 1924 года при Центральном Совете Всероссийского общества культурной смычки, почетным председателем которого был Владимир Ильич, учредили особый «фонд Домов крестьянина имени Ленина».

Известно, что на Урале уже в ноябре 1924 года были открыты Дома крестьянина в Ирбите и Шадринске. В первую годовщину со дня смерти В. И. Ленина состоялось торжественное открытие Дома крестьянина в Свердловске.

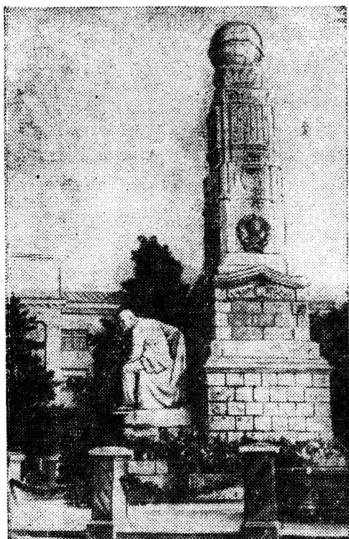
С. САФРОНОВ, старший научный сотрудник музея В. И. Ленина

«Призывающий вождь».

Памятник у Финляндского вокзала в Ленинграде.

Памятник в Уфе.

СЕМНАДЦАТИЛЕТНИЕ

И. БОГУСЛАВСКИЙ

Рисунки С. Киприна

До того, как мы встретились, я знал о Константине Федоровиче Кухарове немного: что ему сорок пять лет, что он был танкистом, четырежды ранен и что на фронт ушел семнадцати лет.

Я хорошо помню, какими они были тогда, семнадцатилетние ребята. Мы, четырнадцатилетние, стояли с ними рядом: кто за верстаком, кто у токарного станка. Мы считали за великую честь быть с ними в одной компании, учиться все делать, как они: и точно зажать в кулачки шпинделя сверло, и заточить под нужную грань резец, и ладно, как они же, свернуть сигарку из щепоти табака-самосада. Они уходили на фронт, а мы оставались. Мы не знали, когда кончится война. Время тянулось трудно и медленно. Мы думали, что и нам еще придется побывать там, где свистят пули, рвутся снаряды, льется кровь. Но война кончилась раньше, чем мы подросли.

Одни из тех, семнадцатилетних, вернулись, другие — нет. Но память о них, как о чем-то светлом и чистом, осталась на всю жизнь.

Константин Федорович только что вернулся из отпуска. Он ездил в гости к сыну-танкисту.

Я знаю много семей, где дети наследуют профессию родителей. Факт сам по себе отрадный. Разве не приятно сознавать, что дети чтут твое дело, твой труд, пытаюсь не на словах, а так сказать, практически доказать верность отцовскому опыту. Но в словах Константина Федоровича прозвучала особая гордость: сын — танкист!

Невольно приходит на память мысль Льва Толстого о том, что жизнь имеет смысл лишь тогда, когда прошлое перекликается с будущим. Константин Федорович, конечно, далек от мысли, что сын должен непременно повторить его военную юность. Нет. Но если уж солдат, так тан-

кист,— в этом звучит большая вера в то, что жизнь прошла правильно и в нравственном смысле достойна повторения.

Стелется дым над теплушкой, стучат колеса, стоит у раскрытой двери молодой солдат, смотрит на поле. Мелькают строения, пустые заснеженные поля, разгораются и гаснут холодные красные зори. Тревожен бег военного времени.

— Сколько же вы ехали — долго? — спрашиваю.

— Двадцать один день. Это до Москвы только. Многого уже не помню, но чувства нетерпения не забыть — первый раз ехал в столицу... Все шли и шли поезда с оружием, солдатами. Мы-то были еще не обучены, нам все еще предстояло.

Впереди был Сталинград. И Курская дуга. И форсирование Днепра. Все было впереди. Прежде чем стать танкистом, он прошел школу десантника, разведчика, сапера. Восемнадцать лет ему было на Донском фронте. Бешеные атаки немцев, рвущихся к Сталинграду. Из целого батальона в живых осталось семеро. И он, Кухаров, в их числе — раненый.

Декабрьские бои тысяча девятьсот сорок второго.

Мы листаем с Константином Федоровичем старую подшивку.

«...Второго декабря юго-западнее Сталинграда наши войска с боями продвигались вперед. Цепляясь за населенные пункты, противник пытается задержать наступление советских войск, но под ударами артиллерии, танков и пехоты вынужден откатываться на юго-запад...»

— Второго декабря... Не скажу, где я был точно второго декабря. Но те бои помню очень хорошо.

Он лежит, окопавшись в снегу, сапер Константин Кухаров, восемнадцатилетний боец. Темно. Метель. Слепит и колет глаза. Нужно обеспечить атаку, сделать проход в минном поле. Смерть — рядом. Одно неосторожное движение — и конец...

Есть всему пределы. Кроме терпения. Терпению предела нет. Это он понял тогда, стыллыми ночами под Сталинградом, когда делал проходы в минных полях. Только выдержка и спасла его.

Я просматриваю вырезки из старых газет, пожелтевшие документы, наскоро, в фронтовых условиях отпечатанные бланки, на которых тщательной рукой штабиста выведены слова благодарности за боевые отличия.

Знойным летом тысяча девятьсот сорок третьего привела военная дорога Костю Кухарова к Курску.

Здесь его ранило вторично. Тяжело, навывает,

и смерть, казалось, должна была поставить его жизни точку. Именно в этот день, пятого августа, был взят Белгород, и впервые за всю войну в Москве прозвучал артиллерийский салют в честь его и тысяч других таких, как он, парней, кровью своей приблизивших в этот день победу.

Шесть месяцев в госпитале шла борьба за его жизнь. Полгода. Он — выжил. Константин Федорович вспоминает это с каким-то удивлением: в самом деле, чего только не пришлось пережить?!

Между тем, уже шел 1944 год. Константин Кухаров — в танковом учебном полку. Он себя отлично чувствует после излечения и готов ехать на фронт.

Снова мелькают серые полустанки, пожелтевшие березы грустно смотрят вслед пролетающему составу, и столь частые в ту пору ветрячки медленно скрипят и машут своими решетчатыми крыльями. Стая журавлей в небе, как прощальный знак Родины, и разбитые вокзалы освобожденных городов, и вытертые полинялые церквушки, и повалившиеся изгороди разрушенных хуторов у самой границы, — все томит и наполняет тревожным чувством: прощай, родная земля! Придется ли свидеться?

Вот пограничный город Гродно и холодная река Неман, польские земли, на которых грохочет война. Спешит состав с танками, на одном из которых воевать ему, Косте Кухарову, теперь уже танкисту, командиру орудия. Новая военная профессия, новая боевая жизнь. За дорогу сдружился с экипажем. Хорошие ребята: Андрущенко из Челябинска, почти земляк, москвич Митрофанов, Романов из Рязани.

Где-то впереди ожидала освобождения еще не разрушенная Варшава.

Бои и стычки — каждый день, а ночи тревожны и бессонны.

И вот они, подступы к Варшаве. Скопище ползущих броневых коробок с черными крестами. Прямая наводка берет с восьмисот метров. По опыту прошлых боев он знает, что в лобовой атаке выигрывает тот, кто раньше и точнее посылает удар, чья рука тверже, чьи глаза зорче и пушка быстрее. Он приготовился. Орудие направлено точно в головную машину. Они ползут, надвигаются одна за другой, черные коробки. Мысль работает только в одном ключе: ты должен стрелять первым и быть более точным, чем противник, ты должен попадать первым, потому что каждый танк, если он не подбит, это ударный бронированный таран, обеспечивающий врагу прорыв. Он еще ползет, хваленый «тигр», он хорошо виден. Вот остановился: целится. Решают доли секунды. Орудие Константина Кухарова стреляет первым, и сразу же за выстрелом звучит еще команда:

— Огонь!

И снова:

— Огонь!

Гром в танке. Водитель держит предельную скорость.

— Давай, Рязань! — кричит в запале Константин заряжающему Романову. — Давай!.. Огонь!.. — и уже горит первый «тигр». Так, еще развернуться немного, думает Константин и внимательно следит за тем, который идет навстречу, наискосок от подбитого. Озверел, видно же, обезумел от ярости. Ну что ж, подходи, подходи!

— Огонь! — снаряд попадает фашисту прямо под башню. Следом — еще один, но теперь уже в гусеницу. Танк закрутился на месте, осел, как слон с перебитыми ногами, задрал кверху хобот теперь уже беспомощного орудия.

Но тут же удар, и громовой раскат потрясает машину Кухарова. Проходят секунды — в ушах неодолимый звон. «Черт возьми, живем! Все прекрасно...»

Орудие слушается, прицел на месте, значит можно стрелять и дальше, вести бой. Удар нанес «тигр», неожиданно поравнявшийся с подбитым танком. Снаряд угодил неточно, скользнул по броне, отлетел рикошетом. Теперь только не опоздать бы с ответным ударом. Один, второй, третий... Снаряды ложатся рядом с фашистским танком, но он идет, удачно выкруливая из-под взрывов. Тогда один ложится позади, потом еще один — на упреждение. Огонь! — танк объят пламенем.

Полтора часа длился бой, а Константину казалось — минуты. Откинул крышку люка, вылез из танка. Кухаров снял ушанку, потные волосы облепили лоб. Командир роты Сергей Мохов подошел, взял у Кухарова из рук шапку, нахлобучил ему на голову:

— Не форси. Мороз ведь.

— Жарко.

— Твой? — спросил Мохов, показывая на догоравшие вдали танки.

— Мои.

— Молодец. Ну, по машинам!

Гуще и крепче становились морозы. В белом игольчатом куржаке сплетались ветки вдоль широких автострад. Все больше покинутых панских усадеб попадалось в пути, из лесов выходили и тянули руки в дружеское пожатие польские партизаны.

— Варшава, Варшава, нех жие! Пусть живет! — говорили они обрадованно, с доверчивой улыбкой, зная, что говорят это друзьям, которые будут сражаться за их город и столицу. Враг у них общий — фашизм, виновник всех бед.

Варшава. Города-то не было. Были развалины, груды камней, скелеты когда-то великолепных своей архитектурой зданий.

— После уж мне не доводилось бывать в Варшаве. Я знаю, она снова красива, эта возрожденная из пепла польская столица. Но тогда это было ужасно.

Шел январь 1945-го... Еще не курились теплом крыши и не пахло в рощах прелью, и по

утрам еще не было легкой и прозрачной дымки в воздухе. До победной весны было еще далеко.

Грудь Константина Кухарова, теперь уже двадцатилетнего воина, украсилась орденами и медалями. Теперь он — бывалый солдат. К благодарностям Верховного Главнокомандующего за героизм и отвагу, проявленные в боях за освобождение Варшавы, прибавились другие — за города Лович, Сохачев, Сквернице. А впереди — земля Германского рейха.

Тогда он не знал, что еще дважды будет ранен, а друзья его по экипажу, с которыми прошел столько военных дорог, будут убиты и что ему так и не удастся побывать со своим танком на улицах поверженного Берлина. Его ранило вскоре после того, как танк пересек границы рейха.

Атаковали вражеский укрепленный район. Танк шел прямо на пушки. Равнинная местность насквозь просматривалась и простреливалась, как на учебном полигоне. Только скорость и маневр могли решить исход боя. В который раз за свою фронтовую жизнь он так прямо и открыто смотрел смерти в глаза! Танк стрелял на ходу и все приближался к вражеским укрытиям, как вдруг машину подбросило. Это было прямое попадание. Болванка пробила танк. Долго стоял в ушах тягучий звон.

— Мне кажется, что я и сейчас его слышу. Правда. Это было что-то непостижимое. Металлическая болванка, выпущенная напрямую...— Константин Федорович качает головой, — теперь это просто трудно представить.

В часть он вернулся только через месяц. Уже не было в живых рязанца Романова, погиб и стрелок-радист Андрющенко. Все та же танковая рота, но новые, незнакомые лица.

А командир танковой роты сталинградец Сергей Мохов был жив. Встретились, долго вспоминали друзей, военную дорогу от Волги до чужой земли. Что ни говори, а чуть ли не пол-Европы... И живы!

Уже всю бушевала весна. Пробивались на лесных опушках травы, и ветки деревьев оделись мелким клейким листом, потяжелели, вздулись под ветром, как тугие паруса. А по утрам перед боями можно было слышать тревожный торопливый грай залетевшей в опустевшее поле черной грачиной стаи.

Весна наступала, торопила солдат, и они, подверженные ее власти, с еще большим нетерпением мечтали об окончании войны и скорейшем возвращении домой.

Сергей Мохов, командир роты, во главе

звода из трех танков, в числе которых был и танк Кухарова, отправлялся в разведку. Шли лесистой местностью. Приглядывались к ее рельефу, изучали обстановку. У самой опушки через редкие чахлые осинки увидели дорогу. Остановились. Надо было выждать: враг мог появиться каждую минуту. Прошло совсем немного времени, и предположение подтвердилось: по дороге двигалась колонна из двадцати двух немецких танков.

— Принимать бой? — спросил Сергей Мохов у товарищей.

— Надо открыть огонь, — сказал Константин. — Ведь у них в активе — скрытность позиции и внезапность удара.

Танк Кухарова приготовился встретить из засады головную немецкую машину. Когда колонна приблизилась и вся вошла в сектор обстрела, из молчаливого леса одновременно вырвались три огненных смерча. Сразу были поражены первый и последний танки, выхвачено и искорежено звено в центре. Снаряды сыпались один за другим. Немецкие танки сгрудились, некоторые уже пылали. Видно было, что враги опешили, растерялись: им трудно было определить, сколько наших танков ведет бой. Двенадцать машин потеряли фашисты.

— Толково, Костя! — говорил лейтенант Мохов, и они опять радовались, что так славно закончился бой, что они снова живы и что совсем уж мало теперь осталось времени до конца войны. Продержаться бы, не нарваться на какую-нибудь шальную пулю...

— Или болванку!.. — смеялся Константин.

Но ему оставался еще только один бой.

Константин вел машину на прямой шквальный огонь. Смял противотанковую пушку, за ним устремились другие танки. О плохом просто не хотелось думать. Он чувствовал под гусеницами обломки стрелявшего по нему орудия, и вот уже близка цель — закопанная в бетон огневая точка. Но тут оглушительно взламывается броня танка и что-то тяжелое бьет по голове...

23 апреля 1945 года. О том, что Берлин пал, что окончена война и что ему присвоено звание Героя Советского Союза, он узнал в госпитале. Опять, уже в который раз, хирурги боролись за его жизнь. И он опять выжил. Может, потому, что шел ему только двадцать первый год, и он очень хотел жить. А может, просто потому, что попал в руки искусных врачей, — кто знает. Но так или иначе, он жил, и на земле был мир, за который он столько раз бросался в самое пекло.

Экипаж машины боевой

механик-водитель
рядовой Владимир
Масякин,
командир младший
сержант Рафкат
Ханафеев,
наводчик ефрейтор
Юрий Волков

В городок танкистов мы приехали поздно вечером и сразу же попали на танкодром. У машин выстроились экипажи. Танкисты получали задание — в ночных условиях преодолеть полосу препятствий.

С разрешения руководителя занятий я занимаю место заряжающего в танке «Соль-Илецкий комсомолец», на котором служат «три танкиста, три веселых друга».

Несколько слов о самой машине.

К 50-летию Советской Армии юноши и девушки из города Соль-Илецка Оренбургской области решили преподнести советским воинам свой комсомольский подарок. Из стали, которая была выплавлена из собранного ими металлического лома, был построен танк, и его передали одному из подразделений Приволжского военного округа. Потом как-то в райкоме комсомола разговорились о том, что было бы хорошо, если бы на этой машине служила и молодежь из Соль-Илецка. Тут же написали командующему округом, и он поддержал предложение комсомольцев.

В районе между призывниками началось соревнование за право служить на своем танке. И первыми этой высокой чести добились молодые рабочие соляного рудника — сцепщик Раф-

кат Ханафеев, машинист электровоза Юрий Волков, грузчик Владимир Масякин.

И вот я у своих земляков. Покачиваясь на ухабах, набирая скорость, танки уходят на задние. Обстановка, максимально приближенная к боевой.

— Наводчик! Ориентир один. Правее ноль — двадцать — противотанковое орудие. С ходу огонь! — командует младший сержант Рафкат Ханафеев.

— Цель вижу! — прильнув к прицелу, ото-звался Юрий Волков.

Послушная руке Володи Масякина, могучая многотонная машина уверенно проходит по узкому коридору через «минное поле». Тут требуется особо высокая точность. Чуть свернул вправо или влево всего на несколько сантиметров — и прогремит «взрыв». Потом танк преодолевает крутые подъемы и спуски, эскарпы и контрэскарпы, вброд (почти по башню!) перебирается через водную преграду, на большой скорости выполняет различные сложные маневры. Одно из них — «змейка на спуске» — похоже на слалом горнолыжников. Танк быстро спускается с вершины холма, лавируя между контрольными столбами. И делает это бронированная машина столь же безукоризненно, как и опытные спортсмены.

И вот в оценочном листе против фамилии рядового Масыкина появилась высшая отметка — пятерка.

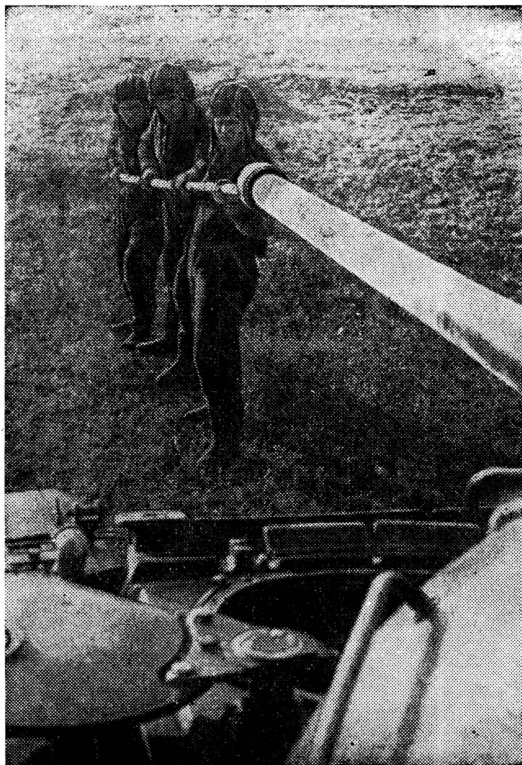
На другой день мы беседовали с молодыми воинами.

— До армии никто из нас и не мечтал стать танкистом, — говорит Рафкат Ханафеев, — но после призыва мы с радостью узнали о том, что будем служить в одном экипаже. Стараемся не подкачать.

А это не так просто. Лучший в подразделении экипаж старшины сверхсрочной службы Ни-

Танки на марше. На переднем плане — командир экипажа танка «Соль-Илецкий комсомолец» Рафкат Ханафеев.

После учебы

колая Петровича Кутуева. Служит он с военного времени. Кутуев — мастер высшего класса, товарищи называют его «ходячая энциклопедия бронетанковых войск». Опередить экипаж такого командира — дело невероятно трудное, но стать с ним вровень, пожалуй, можно.

— Ребята с «Соль-Илецкого комсомольца», — рассказывает офицер Олег Чернобай, — отлично освоили особенно важную для нас взаимозаменяемость. Командир танка Рафкат Ханафеев может выполнять обязанности механика-водителя, наводчика, заряжающего. Механик-водитель Владимир Масыкин умеет стрелять, наводчик Юрий Волков сможет заменить командира и механика-водителя. Этот экипаж в любую минуту готов выполнить самое трудное задание.

В. АЛЬТОВ
Фото Н. КУЗНЕЦОВА

ТЯЖЕЛОЕ РУЖЬЕ

Узнав, что Иван Евграфович Ипатов собирает материалы по истории Первого Камышловского полка, наш корреспондент В. Турунтаев попросил его рассказать о самых юных бойцах этого полка. Оказалось, что он-то, Иван Евграфович, и был самым юным: в тринадцать лет добровольно пошел на колчаковский фронт.

— Только подвиги я не совершал,— оговорился сразу Иван Евграфович.— Как-то не пришло. Просто воевал. Честно, на равных со взрослыми.

И рассказал, как это было.

Летом восемнадцатого года наш Ирбитский Завод (теперь Красногвардейский) оказался на положении прифронтного поселка. По слухам, белые наступали со всех сторон— и от Тавды, и от Богдановича, и от Камышлова.

Первым из нашей поселковой молодежи записался в Красную гвардию Степка Рожин. Ну, ясно, многим его сверстникам завидно стало до невозможности: надо было видеть, как этот самый Степка вышагивал по поселку с красным бантом на ситцевой застиранной рубашке и с винтовочкой трехлинейной через плечо.

— Степка, а Степка,— допытывался у него Федосей Панчоха,— как это ты сумел? Ведь, сказывали, с восемнадцати годов только записывают.

Федосею и Ване Казанцеву, как и Степке, было по шестнадцать лет.

— Как сумел...— снисходительно-добродушно передразнил Федосея Степка.— Пойдешь записываться — говори, что тебе восемнадцать! Не больно-то проверяют,— и тут же, словно спохватившись, напустил на себя важный вид: — Некогда мне с вами: в штабе, поди, ждут...

Отправились мы — несколько мальчишек — записываться в Красную гвардию. У меня всех меньше было надежд. Правда, парень я был ро-

слый и ко всяким тяготам привычный: вырос-то без матери, в полунищей многодетной семье. Отец пил. Семи лет от роду отдал он меня батрачить в Першино. Я еще и на лошадь взбираться не мог, а боронил. Первое лето работал только за харчи, на другой год мне уже плату определили: три пуда пшеницы, на третий — шесть, на четвертый — двенадцать пудов. А когда началась империалистическая война и мужского населения в нашем поселке поубавилось, позвали меня — одиннадцатилетнего — работать кучером при больнице.

Вот в этом-то кучерском звании я и предстал перед писарем в красногвардейском штабе. Он было погнал меня домой: сопляк, мол, еще! Но я ему выложил, как учил Степка: никакой, мол, я не сопляк, а мне как есть теперь восемнадцать годов!

И ребята встали за меня горой.

— Ты глаза-то разуй,— напустились они на писаря.— Не видишь разве, какой дылда перед тобой стоит?

На другой день выдали мне сапоги, вещевой мешок и тяжеленное ружье иностранного производства, системы «Гра».

Очень оно мне понравилось: пуля раза в три толще, чем у трехлинейной винтовки. Правда, заряжалось оно только одним патроном, да что я в этом деле понимал!

Сразу побежал домой — в нашу избенку о двух окнах — похвастаться: я ведь стал третьим в семье красногвардейцем! Еще прежде записались в Красную гвардию мой брат Яков и муж старшей сестры Пульхерии Матвей.

Пульхерия была у нас вместо матери. Увидела она меня с ружьем и ужасно рассердилась.

— Что это,— говорит,— за игрушки? Чье ружье?

— Мое! — этак гордо отвечаю.

А она не верит:

— Еще чего выдумай!

Тут явился Яков. Ему уже кто-то сказал про меня.

— А ну,— закричал он с порога.— Поди сейчас же сдай винтовку!

Я наотрез отказался.

— Не для того брал!

Я, мол, тоже хочу буржуев бить.

Сестра тогда заплакала:

— Да ведь тебя первого убьют. А не убьют, так еще хуже того — искалечат...

Видя, что этим не возьмешь, оба принялись стращать меня отцом:

— Вот погоди, придет домой — расправится с тобой по-своему.

Отец и правда бил меня смертным боем за всякую мало-мальскую провинность, а иногда и так, спяну. Я его боялся панически.

— Ладно,— говорю.— Так и быть, отнесу винтовку.

А сам пробрался в чулан, схватил буханку черного хлеба и побегал на сборный пункт. В тот же день нас, добровольцев, определили на казарменное положение, так что домой, к отцу, возвращаться мне теперь не было необходимости. Военным делом мы почти не занимались, а больше разъезжали по окрестным деревням,

устанавливали там Советскую власть, дежурили на заставе, ходили в «секрет».

Однажды прибыл в Ирбитский Завод человек, про которого говорили, будто он самим Лениным к нам прислан, из Москвы. И сразу кончилось легкое житье: с раннего утра и до позднего вечера нас теперь обучали разным военным премудростям — штыковому бою, ползанию по-пластунски, строевому шагу. А в промежутках между занятиями мы рыли траншеи, готовили оборонительные укрепления на подступах к Ирбитскому Заводу.

Рубаха моя не просыхала от пота. Вот когда сказала разница в возрасте: спрашивали-то с меня, как и с любого другого бойца, поскольку по штабным документам я значился вполне совершеннолетним! Бывало на учебных занятиях, засадив штык в забор, я не мог вытянуть его назад — силенок не хватало! Взрослые хоть и приходили на выручку, но обсмеивали изрядно: тоже, мол, вояка!

Третьего августа нас выстроили по тревоге. Надо было остановить белогвардейский отряд, занявший Стриганку и теперь двигавшийся на Ирбитский Завод.

Тут-то я и увидел человека, который «прибыл от Ленина» — политкомиссара частей Крас-

ной Армии Тюменского направления Григория Александровича Усиевича. Молодой, подтянутый, в военном френче, с маузером на боку и в пенсне, он обратился к нам с очень короткой речью, потом сел на коня и отправился вместе с нами в бой.

Мы шли походным порядком. Километров через десять я уже натер ноги. Плечи тоже были в крови: ружье системы «Гра», и без того тяжелое и громоздкое, я нес на шнурке, который, к тому же, без конца рвался. На шнурке у меня был подвешен и патронташ.

Не доходя километров четырех-пяти до деревни Горки, мы сделали привал на лесной опушке, а конная разведка двинулась дальше. Я пластом свалился на траву и не было у меня сил даже сапоги снять. Но не прошло и минуты, как впереди послышались частые выстрелы, засвистели над головами пули.

Бойцы схватились за винтовки, залегли кто где и тоже открыли стрельбу. Огонь все усиливался. Застучали белогвардейские пулеметы. Я спрятался за пенек. Закладываю патроны в ствол по одному, стреляю, а в кого — не вижу. Перед глазами трава, кусты и небо. Бах! Бах!.. Ствол моего ружья мгновенно раскалился. Я по неопытности схватился за него рукой — обжегся.

Рядом за сосной стоя палил Грошев. Выстрелит и помолится: «Матушка-сосна, спаси меня!» Выстрелит и снова: «Матушка-сосна...» Вдруг вижу: выронил Грошев винтовку и осел на траву. Не уберегла его матушка-сосна. А в это время находившиеся неподалеку от меня бойцы стали отбегать назад. Побежал и я... Так плачевно кончился первый мой бой. Многих мы не досчитались в тот день. Погиб Григорий Александрович Усиевич. Погиб мой дружок Ваня Казанцев.

Белогвардейцы подошли почти вплотную к Ирбитскому Заводу. Но взять поселок с ходу они не могли: у нас под Шмаковой была подготовлена прочная оборона. Глубокие, в рост человека, траншеи правым флангом упирались в речку Ирбитку, а левым — в железнодорожное полотно. Из этих траншей красногвардейцы с утра до вечера постреливали в белых, не давая им поднять головы. Разведчики из взвода Анчутина — сплошь все снайперы — охотились на белогвардейцев, как на куропаток, укладывая их за день по десятку, а то и больше.

Белье же, в свою очередь, чуть не ежедневно ходили в атаку, пытаясь прорваться к поселку. И такая позиционная война продолжалась более месяца. За это время окончательно был сформирован Первый Камышловский полк. Меня зачислили рядовым бойцом в третий взвод третьей роты, которая почти целиком состояла из подростков. Но командиром нашего взвода был

опытный воин товарищ Маторин, служивший еще в царской армии.

В начале сентября на Режевском фронте случилась измена — около тысячи красногвардейцев из крестьян под влиянием кулацкой пропаганды перешли на сторону белых, окружили верные Советской власти части и разоружили их. Командование Камышловского полка бросило туда вторую роту Чебакова — самую боеспособную и надежную. Оборона под Шмаковым с ее уходом сильно ослабла. Противник тотчас же воспользовался этим и обошел наши позиции с флангов. Третья наша рота находилась в центре оборонительной полосы, и мы до последней минуты не знали о прорыве. Вдруг прибегают двое с левого фланга и кричат:

— Приготовьтесь!

В этот момент стали рваться химические снаряды. У кого не было масок, тех вскоре затошнило, стало разъедать глаза. Старые солдаты подсказали: надо намочить полу шинели и приложить к лицу. А чем намочить? Я — туда, сюда. Речка далеко, да и голову из окопа не высунуть — белые стреляют всюду. Смотрю, кто-то уже догадался: мочится сам на шинель. Ну, и я сделал то же. Тем и спаслись.

Вскоре белые пошли на нас в лоб. Мы открыли по ним частый огонь. Видно было, как многие из них валились на ходу, словно снопы. Но остальные продолжали атаковать. Уже первый и второй взводы отступили. Оставил без предупреждения свою позицию четвертый взвод. А мы все еще держимся, стреляем.

Но вот пришлось и нам отойти. Под пулетным огнем поползли через паровое поле, оставляя за собой убитых и раненых. Добрались до речки, спрятались в черемушнике. Отдыхались. Командир взвода Маторин приказывает немедленно двигаться дальше, к поселку, на соединение с главными силами.

Ваня Усов, подросток, тихонько шепчет мне:

— Давай останемся! До темноты отсидимся в кустах, а ночью спокойненько прибежим в поселок.

Велико было искушение остаться: только ушли из-под пуль, а тут опять надо было выходить среди бела дня на открытое место. Да и устал я смертельно — мочи никакой не было подняться на ноги. Но когда последний боец перешел через речку и стал подниматься на ее противоположный берег, какая-то сила подбросила меня с земли, и я побежал догонять взвод. А Ваня Усов остался.

Перевалив через пригорок на том берегу, я увидел такую картину: на жнитве, посреди снопов, стоят носом к носу наш взвод и какой-то другой отряд, двигавшийся, видимо, навстречу. Стоят и препираются. Командир наш Маторин

требует, чтобы те назвали пропуск, а они не говорят: ихний командир хочет, чтоб мы первые назвали. У нас шинели без погон и у них тоже. Вроде бы красные.

Я уж не помню теперь, чего это меня занесло налево, к березовому колку, — по нужде, что ли. Только гляжу, за березами — всадник на лошади, из-за голенища у него торчит свернутый белый флаг. Меня словно ветром отдуло от того колка, кинулся я к Маторину:

— Товарищ командир, это беляки! Там у них связной!..

Он тут же командует:

— Огонь по белогвардейцам!

Для них это, видимо, явилось неожиданностью. Даже не ответив на нашу стрельбу, они бросились врассыпную, попрятались за снопами и освободили нам дорогу. Еще немного, и мы были уже в поселке, среди своих. А Ваня Усов так и не вернулся... Белогвардейцы нашли его в кустах и зверски расправились с ним.

На следующее утро, 14 сентября, белые готовились штурмовать Ирбитский Завод. Примыкавшая к заводскому поселку деревня Боярка наполовину была уже в их руках. Другая половина деревни вместе с железнодорожной станцией еще удерживалась красногвардейцами.

Рано утром заместитель командира полка товарищ Кангелари вручил мне пакет и велел передать его лично командиру второй роты Чебакову. Эта вторая рота, выполнив на Режевском фронте боевое задание, возвращалась теперь обратно. Железнодорожный состав вот-вот должен был прибыть на станцию Боярка.

Чуть брезжил рассвет, когда паровоз, без единого сигнала, без дыма и без паров подтянул к платформе вагоны с красногвардейцами. Я подал Чебакову пакет. Он прочитал бумагу и, сердито раздувая ноздри, спросил:

— Где же они, сволочи?

Я показал ему на опушку перед станцией: там ждали своего часа главные силы белых.

Чебаков мгновенно принял решение.

— Рота, за мной! — и, пригибаясь, побежал вдоль железнодорожной насыпи. Усталые, не спавшие двое суток бойцы с полуслова поняли своего командира. И как только рота Чебакова зашла во фланг противнику, открыла огонь наша артиллерия. Тут же выскочила и конная разведка Анчутина.

В этот день был полностью уничтожен целый полк белых.

Наш Камышловский полк спешно отходил к Нижнему Тагилу. Таков был приказ. Можно себе представить состояние рабочих-красногвардейцев, которые оставляли в Ирбитском Заводе своих родных и близких, зная, что сразу же после

их ухода в поселок нагрянут белые. Но никто не роптал, каждый понимал, что так надо.

Пока шла погрузка в вагоны, я прилег на траву и, пригретый солнышком, незаметно задремал. Не знаю, сколько уж времени длился мой сон, только вдруг, открыв глаза, я увидел перед собой отца. Первым моим побуждением было схватить винтовку и убежать: думал, что он сейчас примется колотить меня. Но лицо его скорбно-торжественно. Он достает из кармана своей рабочей куртки что-то завернутое в тряпочку:

— Вот, возьми. Нарубил тебе в дорогу табачку.

Когда наш эшелон прибыл на станцию Нижний Тагил, там уже посвистывали пули. Брат послал меня за кипятком (по его просьбе меня перевели к нему во 2-ю роту). Я бегом пересекаю

платформу, наполнил чайник горячей водой и преспокойненько вернулся к своему вагону. Брат перехватил у меня чайник и вдруг как заругается:

— Тебя куда посылали?

— За кипятком,— говорю.

Брат окончательно взбеленился:

— Ах ты, так тебя!..— и швырнул мне под ноги пустой чайник.

Удивленный таким оборотом дела, я поднял чайник и тут увидел возле самого дна две круглые дырочки от пуль. Показал их брату.

Мы заняли оборону в нескольких сотнях метров от железнодорожного полотна, за депо. Вырыли окопы, переночевали в них, а утром пошли в наступление. Белогвардейцы отходили вдоль железной дороги километра два. Но затем мы неожиданно натолкнулись на преграду: на путях стояли два белогвардейских бронепоезда. Один, правда, сошел с рельс, но и неподвижный он был грозен.

Бойцы залегли. Не было команды занимать оборону, однако я-таки решил выкопать себе хоть мало-мальский окопчик. Глядя на меня, и брат мой Яков стал тоже зарываться в землю, а там и пошло: взялись за лопатки Степан Рожин, Федосей Панчоха... Буквально через несколько минут после того, как мы окопались, слышим, подкатил белогвардейский эшелон с солдатами. Завязался бой. Как тут пригодились нам окопы!

— Ура! — покатилося по цепи, все поднимаются, и еще громче: — Ура-а!..

Я тоже вскакиваю и прыгаю вперед, через бруствер, но вдруг замечаю, что я один, а все наши отбегают назад: оказывается, была дана команда на отход. Бегу обратно. Уже почти догнал брата, как вдруг зацепился винтовочным ремнем за сук. Винтовка вырвалась у меня из рук, а я, потеряв равновесие, шмякнулся о землю. Пока подбирал винтовку — наших уже и не видно. Пошел наугад по направлению к станции Нижний Тагил. Как раз в это же время туда прибыл полк из Алапаевска и с ходу пошел в наступление. Так я снова, уже с алапаевцами, ввязался в бой. Белые не выдержали натиска и опять откатились к своим бронепоездам. Под прикрытием бронепоездов они до вечера сдерживали натиск красных. Бой был жарким, много полегло и наших, и белых.

А вечером, когда перестрелка утихла, я доложил командирю алапаевцев, что отстал от своих, и он мне сказал, где стоит Первый Камышловский полк: на исходных позициях возле депо.

За весь день у меня ни крошки не было во рту, и когда я увидел нашу походную кухню, то подумал, что мне на этот раз не хватит обычной солдатской порции супа с хлебом. Однако

усталость и сон одолели меня прежде, чем я поднес ко рту ложку.

Через несколько дней нас перебросили под Горбунову. Надо было во что бы то ни стало выбить из этой деревни белых. Первая рота во главе с матросом Пузановым направилась в обход, а наша вторая рота наступала с фронта. У белых позиция была более выгодная: их скрывал от нас кустарник, в то время как нам приходилось атаковать на открытом месте. Враг сопротивлялся отчаянно, и нам никак не удавалось выбить его из кустарника. Но вот белые, видно, расчухали, что бой идет уже у них за спиной — это действовала наша первая рота — и обратились в беспорядочное бегство. Деревня Горбунова была взята.

Как мы узнали уже после, наш Первый Камышловский полк одержал здесь победу над Двадцать седьмым полком белых.

Под Горбуновой мы задержались недели две или три, а затем белогвардейцам вновь удалось захватить эту деревню. После упорных боев мы отошли на линию Лайских заводов, в 18—20 километрах от Нижнего Тагила, и оттуда предприняли наступление на станцию Сан-Донато, но безуспешно.

Вскоре наш полк был отведен на отдых в Нижнюю Туру, а в начале ноября 1918 года мы прибыли под Кын. В день первой годовщины Великого Октября Камышловский полк пошел в наступление.

Я в том бою под Кыном был ранен в ногу, и меня отправили в госпиталь, сперва в Пермь, а затем в Рыбинск. Когда рана подзажила, начальник госпиталя предложил мне остаться у него работать:

— Повоевал и хватит. Благодарю судьбу, что так легко отделался, могло быть и хуже.

Он явно жалел меня, мальчишку. Но я-то чувствовал себя уже взрослым, закаленным бойцом. Кому же и воевать было, как не мне? И, прихрамывая на одну ногу, я пошел догонять свой полк.

После окончания гражданской войны Иван Евграфович Ипатов восстанавливал разрушенные заводы в Нижнем Тагиле и Алапаевске, вступил в комсомол. Учился в совпартшколе, комвузе. Вплоть до начала Великой Отечественной войны находился на партийной работе, а в 1941 году был назначен начальником политотдела дивизии народного ополчения, оборонявшей город Ленинград.

После войны Иван Евграфович долгое время работал директором леспромхоза в Тавде. Сейчас он на пенсии, живет в Свердловске.

Рисунки В. Яковлева

ТРЕТЬЕ ИЗМЕРЕНИЕ

На севере Пермской области, в Березниках, возводится гигантская фабрика плодородия — второй Березниковский калийный комбинат, с пуском которого сельское хозяйство ежегодно будет получать дополнительно три с половиной миллиона тонн удобрений.

Строительство комбината объявлено Всесоюзной комсомольской стройкой. На сооружении четырнадцати его объектов, каждый из которых не уступает по величине большому заводу, трудятся 1115 комсомольцев. Они съехались сюда из всех уголков нашей страны.

Один из важнейших объектов гигантской стройки — второй шахтный ствол калийного рудника. Ствол имеет как бы два измерения. Нижняя точка ствола — на глубине 471 метра ниже уровня земной поверхности. Высота копра над стволом — 61 метр. Но есть у знаменитого второго ствола, вернее у истории его создания, еще и третье измерение — мера мужества людей, создававших второй шахтный ствол второго Березниковского калийного комбината.

I

Признаться, меня чуть-чуть передернуло. Уж очень это неуютное сооружение, в котором нам предстояло спуститься почти на полкилометра в глубину земли, напоминая ступу бабы-яги.

Вчетвером мы с трудом втиснулись в чугунную бочку, верхние края которой едва достигали нам до груди, треньнул звонок, под нами механически раскрылись бронированные дверцы люка, и мы ухнули вниз.

В узких лучах четырех шахтных фонариков замелькали, уносясь вверх, ржавые вафельные стены ствола.

Я твердо знал, что наверху в эту секунду голубое небо и

жаркое солнце. А здесь... шел дождь. Лучи фонариков дробились в завесе мельчайшей водяной пыли, с наших зеленых лягушечих костюмов, с желтых пластмассовых касок стекали ручьи мутной солоноватой влаги.

Я с тревогой спросил: «Что это?»

— Ерунда, — сказал начальник ствола, — капельные выделения рассола через швы тюбингов. Капли падают с большой высоты, ударяются о стены ствола, бьются о балки, вот и получается ливень. Но это ерунда. А было...

Наша бадня вдруг повисла, чуть разворачиваясь вокруг продольной оси.

— ...Вот здесь это было, —

сказал начальник ствола.

Вместо рассказа уже наверху он познакомил меня с протоколом технического совещания.

II

«...До 8 июня 67 г. поступление рассола в ствол № 12 не наблюдалось, за исключением капельного выхода рассола через шов тюбингового кольца № 298 на глубине 316 м.

С 21 часа 8 июня приток рассола резко возрос. В некоторых местах рассол пробивался струями под большим напором. К 24 часам приток рассола в стволе увеличился примерно до сорока кубических метров в час.

К 9 часам 9 июня ствол был

Со всех концов страны съехались молодые строители на Березниковский калийный комбинат.

затоплен до глубины 407 метров. Было принято решение закачать цементационный раствор через тубинговые кольца, применив для этого агрегат ЦА-320...

В 6 часов 10 июня рассол от ствола № 2 начал поступать по горизонтальным выработкам к стволу № 3. В связи с тем, что насосная не справлялась с притоком и рассол подошел к насосам, в 10 часов 10 июня работа насосной была прекращена.

В 10 часов 11 июня было начато бурение тампонажной скважины через отверстие тубинга № 11 в кольце № 276 (глубина 293 м).

Из пробуренной через бетонную крепь скважины в ствол ударила струя напорного рассола, выделявшего значительное количество сероводорода. В связи с этим все люди из ствола были подняты на поверхность и дальнейшие работы в стволах № 2 и № 3 производились работниками Березниковского строительно-шахтного управления в респираторах совместно с бойцами горноспасательного отряда.

Работа в респираторах на

стволе № 3 из-за сероводорода продолжалась до 2 часов 12 июня, а по стволу № 2 до 24 часов 12 июня.

10, 11 и 12 июня приток рассола в ствол сохранялся на прежнем уровне — до 60 кубометров в час. С 13 июня приток рассола стал уменьшаться».

Так гласил протокол. Но протокол не рассказал, почему стал уменьшаться приток ядовитого рассола. Об этом мне рассказал начальник второго ствола, член комитета комсомола треста «Шахтспецстрой» Леонид Голенчук.

III

Это верно, когда 11 июня пробурили в бетоне скважину, из нее ударила струя рассола под давлением двадцать пять атмосфер. Норма сероводорода в семь раз превышала допустимую. Всех рабочих тут же доставили на поверхность. Но надо было как-то заткнуть этот ядовитый вулкан. Мы с проходчиками Сашей Крачуком и Володей Тиуновым надели кислородные спасательные приборы и спустились до отметки 270 метров. Не буду

подробно разрисовывать, что там в это время творилось, скажу коротко: тогда я узнал, что такое ад. Ничего не видать. Отовсюду струи рассола. Каждая такой силы, что не человека, а лошадь с ног свалит. Ну, все-таки за 15—20 минут мы заткнули эти «струи». Правда, уже только на поверхности узнали, как быстро управились. А там, на глубине, каждая минута часом казалась.

Но, разумеется, не мы одни так работали. На поверхности люди тоже не сидели без дела. Этот самый цементационный агрегат ЦА-320 столько цемента жрет, что тридцать самосвалов не успевали его обслуживать. Шоферы после такой работы даже во сне баранку крутили

Одним словом — ствол спасли.

— Все?

— Все, — сказал Леонид.

IV

Оказалось, не все. Но об этом я уже узнал от начальника участка первого шахтного ствола Анатолия Яковлевича Иваннича.

— А Леня тебе не рассказывал, что потом было? Про подземный плот не рассказывал? Как они из безвыходного положения выход нашли? Нет?.. Ну, слушай.

С тринадцатого июня приток рассола стал уменьшаться. Чтобы окончательно прекратить его, заморозили все пространство вокруг ствола. Рассол поступать больше не стал, но на внутренних стенках ствола, на тубингах, намерз слой льда толщиной до 80 сантиметров. Работать в стволе стало нельзя. Подвесной полук — приспособление, с которого ведутся все работы внутри шахты, — попросту не входил теперь в ствол. Надо было что-то при-

думать. И ребята придумали. На поверхность рассола, заполнявшего ствол, набросали бревен, сверху настелили досок, и получился плот. Обыкновенный плот, только подземный. Вот с этого плота проходчики отбойными молотками и скололи весь лед с тюбингов. Рассол откачивали, плот опусклся. И так до самого дна.

Говоришь, просто? Ну, это сейчас кажется просто. А сколько тогда над этим ломали голову. И потом, думаешь работать с такого «Кон-Тики» просто? Нет, брат, совсем не просто...

V

Через час с момента, как мы влезли в бадью, она вынырнула на поверхность. Подземный дождь остался внизу. Над нами опять голубело небо, разграфленное стальными переплетениями копра. На самой высокой отметке его, на высоте 61 метр, уютно устроившись на поперечной балке, работал сварщик. Сварщика звали Гена. Фамилия его была Афанасьев.

Я удивился, как спокойно даже с каким-то артистическим изяществом держится он на этой головокружительной высоте. А Гена выслушал мой восторг и хмыкнул:

— Ну, проходчикам на этом стволе куда трудней пришлось, чем нам, монтажникам. У них было два таких затопления, а они справились. Герои ребята. У нас все проще было. И объема работы не тот, да и сама

работа куда безопасней, чем у проходчиков. Разве вот только морозы нам досаждали. Конечно, трудно на высоте в сорокашестиградусный мороз с ветром работать. Но нам за это «морозные» платили. Сорок процентов от зарплаты. Да и поработаешь часа два — и в бытовку греться. В общем работа как работа. Никаких «ЧП».

VI

Я спустился на землю. И нашел начальника строительства копра на втором шахтном стволе Валерия Константиновича Пономарева.

— Ну, насчет «ЧП» это Гена темнит, — рассмеялся Пономарев. — Скромничает. И у нас все было. И «ЧП», и геройство.

Как-то, уже в 11 часов ночи, звонят мне на квартиру. Всего три слова: «Кран на копре». Какой кран?! Почему на копре?... Ничего не ясно. Ловлю машину. Приезжаю к шахте. Гляжу: мать моя матушка, шестидесятитрехтонный подъемный кран, что рядом с копром, покосился на софок градусов и стрелой прямо в копер въехал. Вот тебе и «ЧП»! Да, я вот что тебе еще позабыл сказать. 63 тонны — это грузоподъемность крана, а сам он весит 78 тонн. И высота его, голубчика, — 68 метров. Соображаешь, сколько дров получится, если такая махина рухнет? А в чем оказалось дело? В том, что рядом с копром находилась неизвестная нам

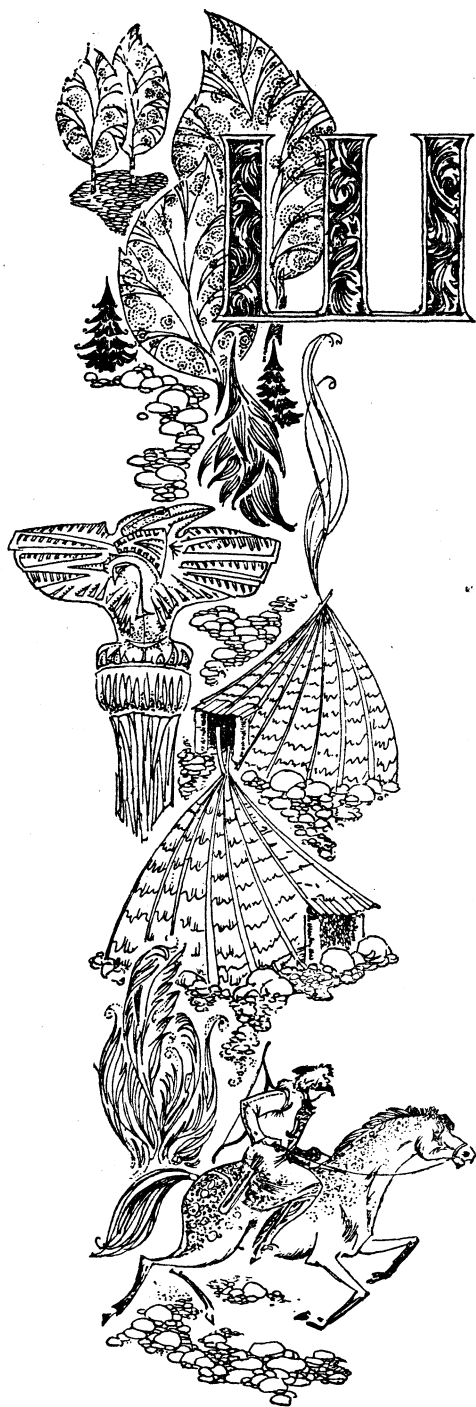
яма, закрытая плитой и замеченная снегом. Вот кран одной гусеницей и влез в эту яму. Копер-то его еще держит, но яма глубокая, гусеница ползет потихоньку — по два-три сантиметра в час, и по всем расчетам вот-вот наступит такой момент, когда либо копру конец, либо башня крана разломится. Хрен редьки не слаще. Что делать? Собралось все руководство, все монтажники. Совещаемся. Час совещаемся. Два совещаемся. А кран ползет. По два-три сантиметра в час, а ползет. И главное, с бухты-барахты ничего делать нельзя. Зацепишь его, дернешь неосторожно, а он возьмет да и пойдет совсем не в ту сторону. Наконец нашли выход. Застропили кран со всех сторон на растяжках и бульдозером с двумя трубоукладчиками потянули. Двое суток тянули. Осторожно тянули. Так, как хирург пулю из тела не тянет. И вытянули. И копер цел остался, и кран.

А Гена говорит, героизма не было. Как же не было, когда все эти двое суток кран рухнуть мог, а люди под ним работали!

А Гена? А Гена эти два дня работал на самой верхней точке копра.

Выше Гены был только флаг. Небольшой красный флажок. Высшая точка третьего измерения.

А. САНИН
Фото Е. Загуляева

УБА С ЦАРСКОГО ПЛЕЧА

1.

Вовек Россия не кончалась.
Россия вышла на Урал.
Там, за Уралом, степь
качалась,
И от жары верблюды орал.

Землепроходец — ноги в лыках,
Однако был не лыком шит —
От страхов многих и великих
Одну молитву клал на щит.

И, троекрат перекрестясь —
Молитва — невелик расход,
Он на лошадке степью трясся,
Нацелив пику на восход.

И посреди равнины голой
Он в самом пекле думал так:
Коль побывали здесь монголы,
И мы претерлим кое-как.

И как не выдюжить — тем боле,
Что недалек трудам венец:
Коль на конце России поле,
У поля должен быть конец.

2.

Вовек Россия не кончалась.
За степью, голой, как ладонь,
Тайга угрюмо начиналась,
И замирал в испуге конь.

Ни деревеньки, ни дороги,
Не отыскать души живой, —
Одни чащобы да берлоги,
Да свет звезды над головой.

Да в кои дни тунгус бродячий,
Вся тайга единый страж,
Из чащи встанет перед клячей,
Укажет гостю свой шалаш.

Здесь ни печений, ни солений
Не подают, зовя гостей,
А придвигают бок олений
И мозг из сахарных костей.

Здесь все веселье в том находят,
Что меж едою в бубен бьют,
Потом костер пышной разводят
И вновь оленя подают.

И, осенив обычай странный,
На перепутье всех дорог
Стоит здесь ворон деревянный,
Как высший дух, отец и бог.

И наплевать, что некрещены,
Зато в пылу своей игры
У них вольны, как птицы, жены,
Мужья, как вороны, мудры.

Они в словах не терпят фальши,
Но зря не лезут на рожон.
И едет путник наш все дальше,
Их дикой волей заражен.

Что за беда, коль темной тучей
Россию дебри облегли!
Он переступит лес дремучий,
Чтоб отыскать конец земли.

3.

Век Россия не кончалась,
Но, отворясь глазам живым,
Хребтами белыми венчалась —
И Яблонным и Становым.

Петлей Амура опоясав
Леса полуденных широт,
Она дремала на террасах
У тихоокеанских вод.

Так широко она лежала,
В такую даль она зашла,
Что временами не хватало
И крыльев царского орла.

И, не стеснен их тенью хищной,
Землепроходец день за днем
Вершил поход свой необычный
В краю гористом и лесном.

Навстречу северным пределам,
Семи ветрам подставив грудь,
Он по камням обледенелым
Тысячеверстный ладил путь.

Уже все реже пели птицы,
Свистел февраль, рассвирепев,
Во мгле полярные волчицы
Тянули жалобный напев.

Леса мельчали и хирели,
Навстречу плыл морозный дым,
И в нем снега и льды горели
Неверным светом колдовским...

4.

О сколько их, безвестных, пало,
Россия, на твоём краю,
Чтоб ты однажды увидала
Всю ширь безмерную свою.

Морил их голод, била стужа,
Стрела неслась исподтишка.
И ширь твоя бывала уже,
Увы, игольного ушка.

И, обратив лицо к востоку,
Их жены, уставая ждать,
Смотрели вдаль, как смострят
в омут,
В котором дна не увидеть.

Тоска их не перекипала,
Забвенья сердце не нашло.
И больше вдовьих слез упало,
Чем слез кукушкиных взросло.

Их очи сини и туманны,
Лицо — в заплаканной красе.
То правда: время лечит раны,
Но лечит далеко не все...

5.

Землепроходец тьмой вопросов
Себе башку не забивал.
Он был ходоц, а не философ,
От слова лишнего зевал.

Ему так часто выдавалось
В пути смеяться, петь и выть,
Что на земле уже, казалось,
Его ничем не удивить.

Но край земли, заехав краем
В ревуший глухо океан,
И впрямь был адом, а не раем,
Одетый в камень и туман.

Как позабыть камчатский
камень!
Он сотрясался и скрипел.
Кидали горы смрад и пламень
И у подножий лед кипел.

И путник наш, с лица бескровен,
Крестился, бороду скребя:
«О Русь, не счесть твоих
диковин,
Век не выпытать тебя.

Не жилка слабая у горла, —
Громам и солнцу колыбель! —
Свои леса, поля простерла
На трижды тридцать земель.

Тебя объехать — жизни мало,
Не обскакать тебя молве...».

6.

И этой вести небывалой
С трудом поверили в Москве.

И царь, хватаясь за корону,
Шептал испуганно: «Свят,
свят...»

И ерзал местом тем по трону,
Зело смущением объят.

И одесную государя,
Перевести забывши дух,
Вельми высокие бояре
Открытым ртом ловили мух.

Ужели ширь, какой владели,
Жирея и впадая в спесь,
Всего заплатка лишь на теле
Той шири, что взаправду есть!

И тут же мысленно прикинув,
Чем предстоит им обладать,
Они решили чин по чину
Холопу должное воздать.

Холоп-то кроток, знать, по
нраву,
Скромна его простая речь.
И поднесли ему во славу
Соболью шубу с царских плеч.

И дьяк, от зависти великой
Взволнован, бог не приведи,
Землепроходцу в спину тыкал:
Пади, мол, в ноги-то, пади!

Но, неотесанный и странный,
Мужик, с лица осиротев,
Не падал в ноги, окаянный,
Должно, от счастья обалдев.

Какой позор! Холоп низринут
Давно привычный ритуал!
И потемневший царь покинул
Весьма не в духе тронный зал.

Ощеря зубы, как бульдоги,
Бояре повели допрос:
Пошто не пал, как должно,
в ноги
Царю Руси, строптивый пес!

И рек холоп довольно смело:
Мол, от сиденья на коне
Спина совсем окаменела,
В спине, мол, дело, не во мне.

И речь его была опасна,
Но век не кончил он в тюрьме,
Поскольку было тут неясно,
Совсем ли он в своем уме.

К тому ж царем он возвеличен,
И потому, уж так и быть,
Отвесив пару зуботычин,
Его решили отпустить.

Итак, финал. Герой со сцены
Уходит в сумрак, волоча
Заслуг признание, дар
бесценный —
Обносок с царского плеча.

Его коротенькая «сказка»
Архивной пылью обросла.
А шуба-то на ощупь ласкова,
Тепла та шуба-то была.

О том поведал нам ценитель,
Державший винный закуток,
Где наш колумб незначительный
В ту ночь пропился до порток.

* * *

Россия, облик твой печальный
Водой живую просветлен.
Ты на оси индустриальной
Вращаешь звездный небосклон.

Уж в темный космоса колодец,
Как бы прозреньем осиян,
Взывает ныне космоходец:
— Откликнись, братство
марсиан!

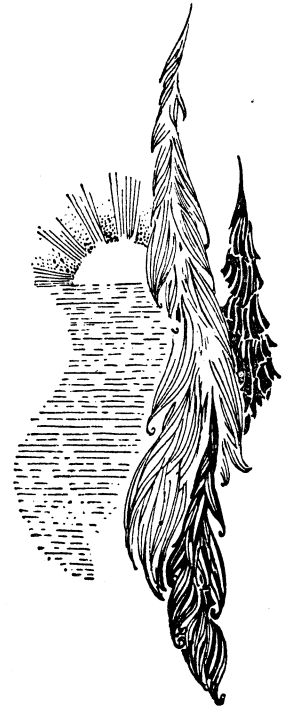
И корабля большое тело
В миры нездешние плывет,
И снова нет тебе предела,
И бесконечен твой полет.

Но обращаюсь я к истоку,
Где, совершая свой поход,
Герой, бредущий по востоку,
Восхода солнечного ждет.

В нем ни намек на сутулость,
И прямота его — права!
Не тем ли, что вовек не гнулась,
Ты и доныне, Русь, жива!

Вся мощь, что явлена
в победах,
Вся ширь, что грудь твоя таит,
Не на семи китах — на дедах
И крепких прадедах стоит.

И в дерзко льющемся мотиве
На рубеже грядущих дней
Твое бессмертье —
в перспективе,
Идущей от твоих корней.

Рисунки Е. Стерлиговой

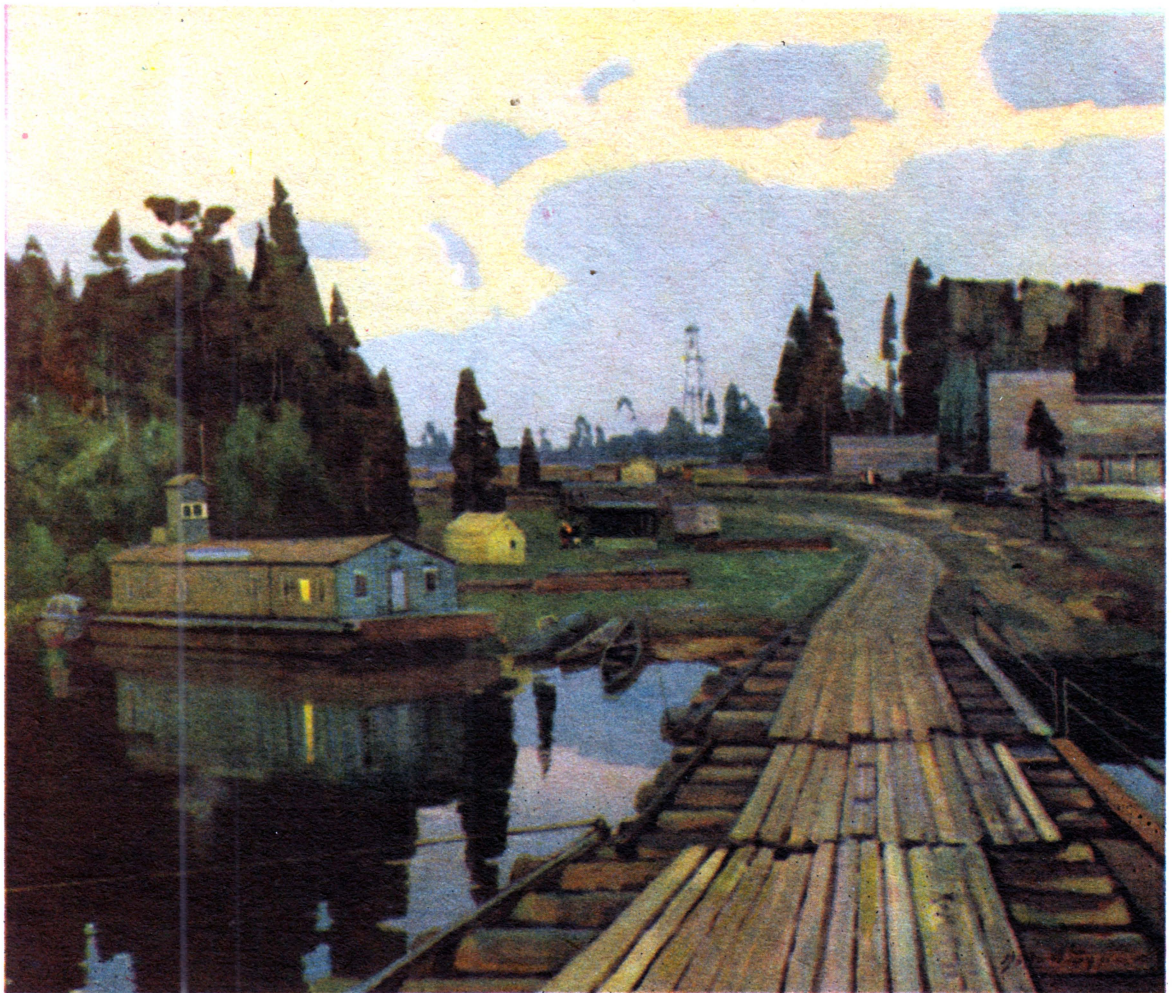
С выставки

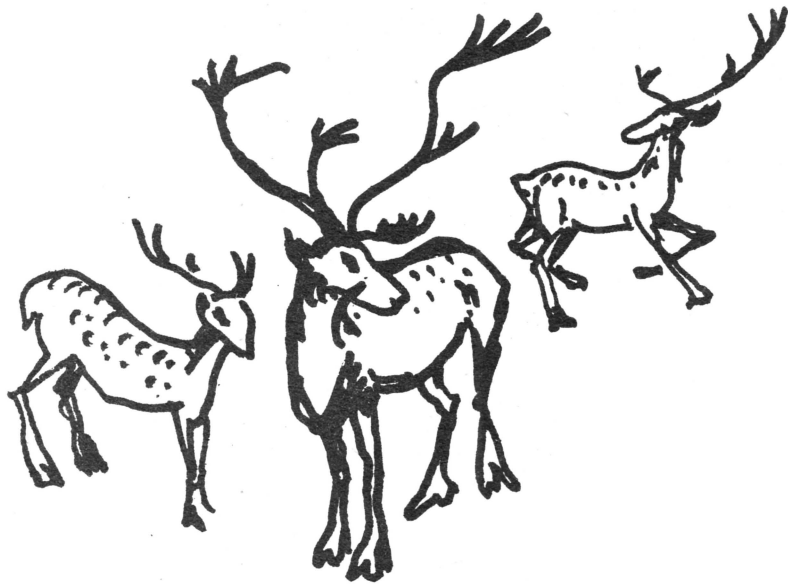
„Урал социалистический“

А. Бурак

Из серии
«В разбуженном крае»

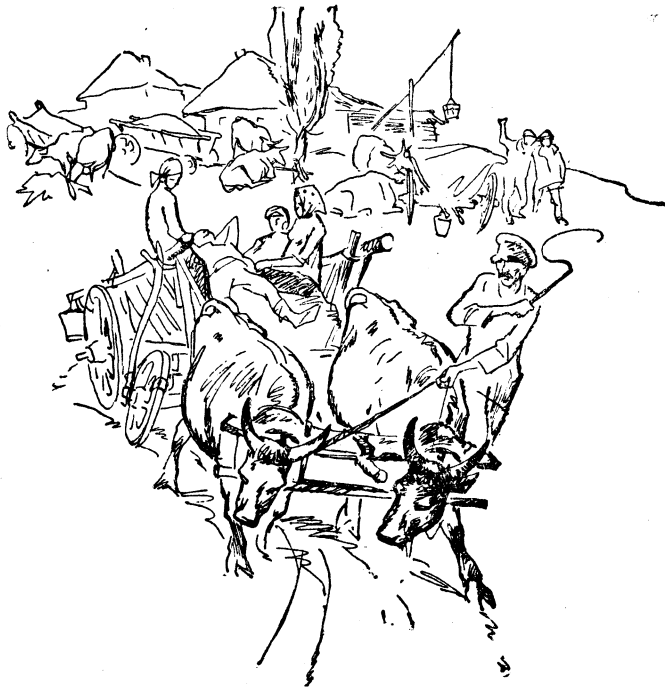

В. НЕЯСОВ

ПОХОД ЮЖНОУРАЛЬСКИХ
ПАРТИЗАН ПОД КОМАНДОВАНИЕМ
В. К. ВЛЮХЕРА.

Иван ФЕДОРОВ

ХУТОР ВЕСЕЛЫЙ

Хутор Веселый возник в приманычской степи около двухсот лет назад. Тогда здесь проходил так называемый Солёный шлях, по которому русские купцы и чумаки ездили на Каспий за рыбой и солью. Раньше всего поставлена была в этом месте корчма. Возле нее усталые караваны останавливались на привал. Отощавшие в

пути быки и лошади отдыхали, а люди веселились в корчме. Отсюда и название хутора.

В конце прошлого века из средней России и Украины хлынули на «вольные земли» тысячи безземельных крестьян. Они и положили начало нынешнему населению Приманычья. Тяжело складывалась в степи жизнь пришельцев: не нашли той свободы, о которой мечтали. Их угнетало казачество и собственные кулаки. Не случайно в годы гражданской войны здесь появился один из первых на Дону партизанских отрядов. Он составил ядро будущей Конной Армии. Веселовцы выдвинули из своей среды таких прославленных героев, как Думенко и Литунов.

Сейчас хутор находится между двумя каналами — Веселовским и Азовским. Возле него плещется голубое степное море — Веселовское водохранилище. Безбрежная степь, в которой раньше лениво бродили отары овец, паслись табуны лошадей да рыскали волки и лисицы, покрылась плодородными полями, садами и виноградниками. Хуторяне выращивают пшеницу, рис, овощи. Разводят рыбу. Шлюзы и плотины сделали реку Маныч судоходной.

В хуторе три библиотеки, Дом культуры, три школы, два обычных кинотеатра и один — лучший в Ростовской области — широкоэкранный. Население здесь выросло до десяти тысяч человек.

В течение ряда лет я веду записи о жизни хуторян. Эти зарисовки сделаны с натуры, без вымысла. Только некоторые фамилии я заменил.

Неудачник

Всякий раз, когда молодой хирург Александр Яковлевич Лапин отправлялся на рыбалку, хуторяне провожали его усмешками. Лапин каждое воскресенье уходил на Маныч с длинным бамбуковым удилищем и большим цинковым ведром. Это был среднего роста, худощавый и близорукий человек.

К рыбалке Лапин тщательно готовился: кормил червей слитым чаем, заготавливал много различной приманки. Но с рыбалки всегда возвращался с пустым ведром.

— Неудачник, — посмеиваясь, говорили люди. А посмеивались они потому, что в нашем Маныче очень много рыбы, и прийти домой без уло-

33

ва было просто невозможно. Но Александр Яковлевич ухитрялся. Ему часто советовали, как надо настроить удочку, предлагали новейшие крючки, бесцветную жилку, а он в ответ только улыбался и от услуг отказывался.

Случилось так, что Александр Яковлевич выбрал место для рыбной ловли недалеко от меня. В этот день хорошо ловилась тарань. Но на конце лески у Лапина болтался слишком большой крючок, на котором извивался длинный, в палец толщиной, червяк. По всему было видно, что Лапин охотился за сазанами. Мы знали, что во время нереста сазана никакой насадкой не соблазнить, и поэтому удивлялись легкомыслию врача.

Но Александр Яковлевич был непоколебим.

Я поймал столько рыбы, сколько мог донести домой, и уже собирался уходить. В это время у Лапина потянуло. Бамбуковый хлыст мигом превратился в колесо. Александр Яковлевич — сияющий и торжественный — водил сазана...

Почти все рыболовы-любители сбежались к нему. Люди наперебой давали советы. И вот почти пудовая рыбина-красавица в сачке, золотом отликает на солнце ее чешуя.

— Смотри, икра течет...

— Икра? — спросил Лапин.

На сетке действительно были икринки.

— Как же это так? — засуетился Лапин. — Разве ж это можно?

Он минуту стоял, прижимая к глазам очки,

рассматривая свою добычу, затем неожиданно вывернул сачку из сачка в воду. На какой-то миг рыба застыла в удивлении, а потом резко ударила хвостом и ушла в глубину...

Когда мы возвращались домой, я предложил Лапину:

— Возьмите у меня рыбы на жареху...

— Нет, что вы, мне так легче идти,— проговорил Лапин и, окинув меня с ног до головы своим прищуренным взглядом, добавил:

— Главное — отдых на свежем воздухе...

А я подумал: видимо, всем людям, совершившим доброе дело, легко ходится по земле.

Озеро Жабрей

Оно большое, но мелкое и круглое, как тарелка. По берегам обросло непроходимыми камышами. Лишь со стороны ровика-канальчика, соединяющего озеро с Манычем,— узкая просека в камышах, настолько узкая, что встречные лодки не могут разойтись.

В старину, как рассказывают деды, озеро это было глубоким, в нем били чистые и холодные ключи. Оазис в солончаковой степи! А Маныч каждое лето пересыхал, обнажая свое белесое от соли дно, и становился дорогой, по которой русские купцы и чумаки возили товары.

О Жабрее сложено много легенд. Одна из них — наиболее живучая и похожая на правду — повествует о битве с татарами на Дону. Теснимая со всех сторон, татарская конница гибла в степи от недостатка пресной воды. Все войско было обречено. Его спасло от неминуемой, казалось, смерти озеро Жабрей. Напоив лошадей, разбойники растаяли в степи, как пыльная хмара, поднятая копытами их скакунов. После этого озеро стало зарастать камышом, осокой, куширом, вишой и ряской. И даже сизые тучи не падали в него дождями, а пролетали мимо, чтобы мучилось озеро, мелело и гнило...

Эта легенда оживила в моей памяти, когда я встретился на озере с одним рыбаком... По воскресеньям он здесь не появлялся, прятался от людского глаза. А встретился я с ним в дни отпуска.

Догорала предрассветная заря, из росистых трав выпорхнули в широкое небо птицы, натянули там невидимые струны и уже вовсю заиграли на них, а я только добрался до канальчика, ведущего в Жабрей. Канальчик обмелел. Пришлось выпрыгнуть из лодки и тянуть ее за собой. Местами лодку присасывало — приходилось ее раскачивать и волочить по илу. Но вот ровик стал глубже и шире, я снова сел за весла.

Пройдена просека. Открылось озеро. Синева, свет, свежесть — щедрая плата за помехи в пути. Двадцать минут — и я оказался на другой стороне озера, выбрал знакомый плесик и, разогнав лодку, врезался в густой камыш. Он трещит, но раздается в стороны. Я быстро забил кол, набросил на него петлю. Хорошо и уютно, как в комнате. Камышовые стены со всех сторон защищают меня от солнца и ветра. И только возле кормы — просвет. В этот просвет я и забрасывал удочку.

Ловля была удачной. Мелкую рыбу я не брал, выбрасывал обратно в воду, а чтобы ловилась крупная, насаживал на крючок толстых червей.

Солнце поднялось высоко и так разогрело воздух, что даже здесь, в камышах, умолкли птицы. Тишину изредка нарушали выводки диких утят. Когда утята подплывали к лодке, старые крякухи хриплыми от ожирения голосами извеща-

ли их об опасности. Утята настораживались, умолкали, шарили острыми глазками по сторонам, недоумевали и неохотно уплывали на зов матерей.

Черви кончились. Тащиться с лодкой по солнцепеку не хотелось. Да и рыба могла быстро протухнуть на жаре. Я нарезал камыша, соорудил из него мягкое ложе и прилег соснуть часок-другой...

— У вас есть спички?

Человек, разбудивший меня, был рядом на своей маленькой лодчонке. Однажды я его видел в камышах напротив. Даже помахал в знак приветствия рукой, но он вроде бы не заметил.

Я порылся в карманах и подал ему коробок. Лодчонка его качнулась, когда он брал у меня спички. Одет рыбак был в старенький пиджачишко, голова лохматая, давно нечесанная. Он жадно затянулся скрученной сигаркой и спросил:

— Вы из редакции?

— Да...

— Я тоже до войны работал в редакции. Наборщиком,— сказал он и чуть-чуть улыбнулся.— Хорошая тогда была жизнь. Я в стахановцах ходил. Но война исковеркала все... И вот живу — не живу. И дни и ночи тут пропадают. Поймаю рыбы на табак, на хлеб — тем и существую. Как щука, за счет рыбешки помельче...

При этих словах он криво усмехнулся.

— А как же вы дошли до такой жизни?

Он словно не слышал моего вопроса. Глубже воткнул кол и стал отливать текучом воду из своей кайки-душегубки. Мимо пролетела чайка. Она камнем упала в озеро и, схватив малька, снова взмыла в небо.

— У чайки есть гнездо, каждая лисица имеет нору, а я и этого лишен,— проговорил он.— Вам, наверно, про меня брехала заведующая типографией Екатерина Алексеевна. А коли нет — послушайте... Как вошли немцы в хутор, все типографские и редакционные разбежались. А я не смог. Родился в ту пору у меня сынишка, а женка после родов захворала. Как их бросить? Время-то было трудное. Я тогда не знал, что бывает еще труднее. Но скоро узнал. Так вот — закрыл я на запоры двери, окна тряпьем завесил, зажег фитилек и сажу себе около кровати жены — то воды ей подам, то лекарства... А сам весь дрожу. «Уходил бы ты, Васенька,— говорит жена,— горе нам будет».

А горе уже тарабанит в дверь. Глянул на жену, а на ней лица нет. «Иди, открывай»,— говорит. Но я двинуться с места не могу. А дверь уже сорвана... Ворвались трое — два наших, хуторских, а третий — немец, глаза злющие, колючие. «Вэк!» — кричит он на меня.

Не помню, как шел. Опомился уже в редак-

«Вот это надо срочно набрать», — втолковывают мне и дают вырезки из газет. Ну, думаю, пронесло. Раз дают работу, убивать не будут. Набираю фашистское словоблудие, а сам о жене думаю. Как она там? Дверь, поди, не поставили, продует ее к утру.

Немцы прочитали мой набор и остались довольны — ни одной ошибки. А мне от этого дивно стало. Всегда, бывало, наши корректоры так исполосуют мои гранки, что на правку больше времени уходит, чем на набор. А тут ни одной ошибки. Главное — не знаю, что набирал, ни одного слова не запомнил.

«Так, так, — сказал немец, — быть тебе редактором, подписывай». И тут лишь я разглядел, что после слова «редактор» свою фамилию набрал. Понимаете, механически. Набирал, не думая, что набираю. А немец смеется, сует мне пакет: «Жене передай».

Вернулся я домой, радуюсь, мол, все обошлось. Даю жене конфеты, а она смотрит на меня немymi глазами, слова выговорить не может.

Потом схватила пакет, да как швырнет его к порогу и залилась вся слезами. И тут я понял, что недоброе дело совершил.

Иду с ведрами на Маныч за водой. Встречные люди отворачиваются. Некоторые, еще издали заметив меня, в сторону норовят. А я иду — земли под собой не чувю, уходит она из-под ног...

Через месяц сынок мой помер. Жена меня покинула. А потом пришли наши, освободили хутор. Меня судили...

Рассказывает рыбак, а глаза у него пустые, сухо в них и тоскливо. Когда он хмурится, глаза темнеют, будто какая-то сила будоражит залегший в их глубине ил. Он отворачивает лицо в сторону, словно боится показать себя в нежеланном виде. Может, поэтому мне — человеку отзывчивому на чужое горе — его не жалко.

Мне просто не по себе. Я быстро сматываю удочку.

С трудом втягиваю в лодку набитый рыбой садок, вырываю кол, берусь за весла.

Прожай, Жабрей.

На Миусе

В эту субботу я не собирался рыбачить. Накануне ко мне приехали друзья с семьями. Сколько снастей они привезли, и заграничных и наших, отечественных! Друзья еще на рассвете ушли на ловлю и, я в этом не сомневался, уху обеспечат.

Каково же было мое удивление, когда, придя с работы, я застал их спящими в садике на траве. Вернулись они уставшими, грязными и... без рыбы. Напрасно кошка Маня ласкалась к ним. Кот Васька — тот мудрее. Он уселся на ветке вишни и оттуда — с высоты — презрительно взирал на неудачливых рыбаков. Едва я стукнул калиткой, как он устремился ко мне навстречу, потерся о мои брюки и жалобно мяукнул. Я понял: Ваське не удалось полакомиться свежачком.

Жена виновато сказала:

— На столе есть все... Но нет главного — рыбы. Может, сходишь часика на два?..

Я не возражал. В своих письмах не раз хваливал друзьям здешнюю рыбалку, и вот на тебе — где же рыба?

План созрел быстро. Я выбрал самую тонкую бамбуковую удочку с самой тонкой леской и самым маленьким крючком. Снял поплавочек и грузильце, заменил крючок. Привязывал его я в очках — настолько он был маленьким. Наблюдая за мной, жена грустно сказала:

— Ты бы сегодня что-нибудь покрупнее поймал...

— Принесу больших язей. Дай сумку... Не эту. Сколько сюда влезет? Мне — килограммов на десять...

— Зачем так много?

— На жареху и на уху.

Наш разговор разбудил одного из друзей. Он поднялся и вяло подошел ко мне.

— Там в коробочке черви остались, — сказал он. В его тоне чувствовались и укор, и разочарование.

— Мне не надо червей...

— Хлеб возьмешь или тесто замесить? — спросила жена.

— Ничего не надо...

— На голый крючок собираешься ловить? — спросил друг намешливо.

— Не знаю...

Мне не нравилось, когда меня расспрашивали перед самым уходом, «закудыкивали». Жена это знала и отвела друга в сторонку. «Не мешайте ему», — донеслось до меня.

— Жди через два часа, — сказал я жене.

— Ни пуха, ни пера...

До самой калитки меня гордо провожал кот Васька. Он-то знал, что его надежды не будут обмануты.

И я знал, поэтому и сменил крючок.

Меня давно возмущало надменное поведение язей в Миусе. Каждое утро, прогуливаясь у Миуса, я видел, как килограммовые, упитанные язи застывали почти у самой поверхности. Порой они подходили к самым поплавкам, дразнили рыболовов, но совершенно не реагировали ни на какую приманку. Стоило же подуть ветерку, стоило ему сорвать два-три терновых листочка или цвет вербы, как язи приходили в движение и набрасывались на упавшую с кручи зелень. В чем дело?

Ответ я получил, когда зашел в кусты терна, обильно облепившего высокие миусские кручи. Весь терн был усеян красноватыми гусеницами. Случалось, надъеденный стебелек переламывался, и лист, подхваченный легким ветерком, кружась, падал в Миус... Еще тогда у меня появилось желание поохотиться на язей, да все было недосуг.

Теперь я знал, что делать. Быстро наполнил спичечную коробку гусеницами и пошел берегом.

Тонкая удочка, тонкая жилка...

Но весь спортивный интерес я том и заключаю, чтобы суметь вытащить большую рыбку на тоненькую жилку. Я знал деда, который выуживал трехкилограммового сазана на леску, сплетенную из двух конских волосов. Это уже мастерство!

Тоненькая жилка, невидимая. А как она поет! Только глухой не может слышать чарующего звона лески, когда удилище согнулось в колесо, а рыба рвется вглубь...

Уже четверть четвертого, а в пять должен быть дома. Может, мои друзья и их жены уже проснулись и осуждают мой легкомысленный поступок, бахвальство и самонадеянность. А вдруг поражение? Что тогда? С какими глазами я вернусь домой? Вспоминаю случай. Еще мальчонкой меня постигла неудача. Я пришел без рыбы, промокший от дождя. На две недели слег в постель. Считали: я простудился. Но врачи не обнаруживали простуды. Только температура подскакивала и падала. Я сам не знаю, чем был болен. А когда вернулись хладнокровие и ясность мысли, я не пошел в школу — я удрал с удочкой на речку. Был снова дождь. Но я уже знал свои ошибки... Помню, поймал тогда много рыбы. Ловил я ее с какой-то неистребимой жадностью. Казалось, хотел опустошить весь Дон. Донести домой пойманную рыбу я не мог и щедро раздавал ее всем проходящим мимо. Люди, недоумевая, предлагали деньги, перочинные ножики. Но я отвергал плату:

— Берите даром! Река для меня ничего не жалеет.

Люди брали и благодарили. Год-то был 1933-й — голодный.

После этого я окончательно выздоровел. Но то было давно. Тело мое наливалось силой, нервы не шалили и сам я весь был, как заряженный патрон. А сейчас?..

За изгибом реки показалась кучка рыболовов. Я знал: это последние. Дальше никто не рыбачит. Там я и вступлю в поединок.

Подождал к рыболовам. На мой немой вопрос они молча разводили руками, небрежно поднимали из воды садки, на дне которых поблескивали две-три серушки или окунек. Не рыба, а слезы. Лица у рыбаков грустные. Только один старик колко усмехнулся, скользнув скептически взглядом по моей большой корзине и «детской» удочке.

«За это будешь наказан, — подумал я, — только не уходи раньше моего возвращения».

И вот я один на берегу. Снимаю ботинки, брюки, привязываю к сумке шнур, перекидываю ее через плечо, тихо раздвигаю камыш, зайдя по колено в воду, и, изготовившись, жду. Меня

скрывает тень вербы, падающая с кручи, и куст камыша. Огромные язи стоят в воде как неживые. Их величина меня беспокоит. Выдержит ли леска?

Затаившись, я жду. Жду ветерка, жду падения хотя бы вербового пуха на воду. Вот появилась на воде еле видимая гармошка, вот и листик упал, вот и мой крючок с гусеницей бесшумно летит в реку, и... рывок необычайной силы! Удилище согнулось, леска поет, но рыбина не уступает. Она все глубже и глубже затягивает леску, норовит зайти под корягу. Бывалый, хитрый язь! Малейшее неосторожное движение — и жилка лопнет. Но упустить нельзя. Первая рыба — почин.

Еще леска натянута, удилище согнуто, но моя рука уже чувствует послабление. Сдаешься или хитришь? Вот здесь и наступает самый ответственный момент. Дома перед женой можно было проявлять самонадеянность, а здесь нельзя, будешь наказан. Надо подавить в себе радость успеха. Стоит руке чуть дрогнуть — рыбина рванет, и поминай, как звали.

Крупную рыбу нельзя упустить и по другим соображениям. Пока она сопротивляется, борется, она живет только этим. Ее сверстники ничем не выражают беспокойства. Но стоит рыбине сорваться — она вспомнит о своих сородичах, даст им знать об опасности. Часто после срыва одной рыбешки клев надолго прекращается. Стайка получит сигнал и разбегается. Только очень голодная рыба не обращает внимания на предупреждения. Но так бывает, когда срывается мелкая рыбешка. А если крупная? Крупная уходит, как бы голодна ни была...

Да, язь слабеет. Но сил у него еще много, во всяком случае достаточно, чтобы оборвать жилку. Жаль, нет сачка. Забыл. Как взять? Язь уже не сопротивляется. С раскрытым ртом, безжизненно, как обрубок на буксире, следует ко мне. Нельзя ему дать ни одной секунды отдыха. Я быстро перебрасываю удилище в левую руку — это он почувствовал, встрепенулся, но поздно — правой рукой хватаю его под жабры.

Почин хорош! Можно бы закурить. Но я никогда не беру на рыбалку папиросы. Рыба очень чувствительна к никотину. Вот почему перед рыбалкой я всегда тщательно мою руки...

Снова забрасываю удочку и чувствую: крючок схвачен крепко, но рыбина — она не больше первой — гораздо размашистей и жестче потянула леску. Это опасно! Может разогнуть крючок и сойти. Веду ее буквально на пределе: удилище уже почти исчерпало свою пружинность, а леска способна растягиваться. Я весь превращаюсь, если так можно выразиться, в неодоушевленный предмет — в продолжение удочки и лески. Я сам — пружина, я обретаю и восполняю собой те качества, которых в эту секунду не хватает моей снасти. Вот что значит тянуть рыбу «на пределе». Те, кто служил в кавалерии и участвовал в сечах, должны меня понять. Это то самое положение, когда всадник, конь и клинок слиты в одно целое, не отделимы друг от друга.

Нет, не оборвал этот язь моей лески. Быть ему на сковородке, а не казаковать по изумительному тихому и, вместе с тем, коварному Миусу.

После пятой рыбины фортуна от меня отвернулась... Снова и снова анализирую свои поступки, хочу найти причину. Не нахожу. В который раз забрасываю удочку. Язи налетают на крючок и, слабо дернув, разбегаются в стороны...

А мне надо торопиться. В моем распоряжении остался час. Перехожу на новое место. Все

повторяется сначала. Правда, язи попадаются мельче, но зато их легче выхватывать из воды. Шнуры от моей сумки все глубже и больше врезаются в плечо. Подкладываю носовой платок, траву. Отдыхаю две-три минуты. Пересыпаю рыбу листьями камыша и травой — так она должна сохранить свою свежесть.

Несколько раз меняю места. Сумка набита. Пора домой.

...Захожу к дедам. Въедливый старик-насмешник не ушел. Лицо у него почернело от грусти: не клевет! Усы опущены вниз, как хвосты у мокрых куриц.

— Как клев, старина? — громко спрашиваю и спускаюсь с кручи.

Дед поворачивает ко мне кислое лицо и безнадёжно взмахивает рукой.

— А у тебя? — спрашивает он.

Мою сумку плотным кругом обступили рыболовы. Удивленно рассматривают рыбу. Скепсиса как не бывало. Они поражены:

— Давно такой не ловили...

— Я уже не помню, когда язи шли на крючок...

Один предполагает:

— Наверно, где-то вершу потрусил...

— Вершу?

Я разматываю удочку. Благо, на крючке остался кусочек гусеницы. Окидываю взглядом речку. Язи лениво пошевеливают плавниками у самых поплавок, которые застыли неподвижно. Я демонстративно срываю терновый листочек, и к величайшему удивлению стариков, накалываю его на крючок, забрасываю удочку. Гусеницы деды не заметили. Закидываю крючок прямо на крупного язя. Взмах хвоста, небольшая воронка, леска натягивается, как струна, удилище рвется из рук. Деды бормочут что-то нечленораздельное. Язь попался большой, и борьба угрожает затянуться. Дед-усач не выдерживает, пытается мне помочь. Он хватается за леску руками, а язю только этого и надо. Дзень! Это треснула леска.

— Кто вас учил хватать леску руками? — спрашиваю я усача.

Он виновато прячет глаза, беспомощно разводит руками.

Смотав остаток лески, я взбираюсь на кручу и оттуда говорю:

— Уметь ловить надо!

Деды обескуражены...

Солнце немилосердно жжет плечи, по лицу струится пот. Я размышляю: почему на одном месте язи долго не ловятся? Будут ли они так ловиться завтра? Не «обработают» ли за ночь они информацию о новой опасности и не передадут ли всем язям?

Иду, размышляю, а навстречу бабка Степанида.

— Наловил рыбки?

На коромысле у бабки полные ведра воды. Она ставит ведра на землю и рассматривает мой улов.

— О! — восклицает бабка. — Значит, сегодня беретса. Я видела, когда вы шли. Мой-то Степан до света ушел. А у меня подсолнечное масло кончилось. Прощайте — побегу до кумы за маслом.

Бабка молодцевато подхватила ведра и так заторопилась, что вода заплескалась ей на ноги.

...Я хорошо знаю Степаниду и ее мужа Степана. Это заядлый рыбак, но он пренебрегает разведкой, перестал изучать повадки рыбы. Отсю-

да у него и полоса неудач. Рыба ведь тоже с каждым днем совершенствуется, как и человеческий род.

Когда Степанида и Степан были моложе, у них в доме часто возникал разлад из-за рыбалки. Бывало, Степан копает червей в огороде, а Степанида тут как тут:

— За рыбкой, Степушка, собираешься?

— Какая там рыбка,— отвечает неохотно Степан.— Так, про запас червячков заготовливаю. Ноги разморило: крутят! Ты нонче на кухне мне стели...

А коль у деда «крутят» ноги, спать с ним на одной кровати невозможно: всю ночь ворочается. Но Степанида мрачнеет. Она нюхом чует: Степан норовит опять незаметно ускользнуть на речку. Понимает Степанида, понимает, а вида не подает.

— Вот хорошо,— говорит она.— На завтрашнее воскресенье к нам в гости внуки будут.

— Да! — лицо у деда светлеет.— Там в гимнастерке у меня кое-что завалилось, возьми, накупи, чего не хватает, и чтоб, как его, шампанское было и прочее...

Степанида еще больше мрачнеет. Она хорошо изучила Степанову щедрость. «Уйдет... Теперь обязательно уйдет...» А вслух говорит:

— Всего накуплю.

Степаниду провести трудно. Сидеть завтра деду дома, с внуками да невестками песни играть. Пока Степан червячков заготавливает, Степанида ловит кота, и в накрытой корзине относит его в сарай. Но и этого ей кажется мало. Берет мешок, охотится за соседским, черным,— верным и неотразимым своим помощником. Вот уже оба кота в сарае под замком. Довольная Степанида накрывает стол. «Теперь бы только не проспять»,— думает она...

Проспать ей не дает Степан. Он бряцнул в сенях ведром, искусно поставленным Степанидой с вечера перед дверью. Степанида даже подпрыгнула на кровати, незаметно, бесшумно выскользнула из хаты в сарай, схватила мешок и корзину с котами и огородами подалась наперерез Степану, притаилась за придорожным кустом. А Степан не идет, а танцует, поскрипывая удилицем. Он счастлив тем, что беспрепятственно, без скандала покинул дом.

Из куста выскакивает выброшенный Степанидой кот и пересекает Степану дорогу перед самым носом. Настроение у деда мгновенно портится. Он тревожно оглядывается по сторонам, смотрит на гаснущие звезды, на месяц, зацепившийся рогом за данилихину крышу, останавливается.

А Степанида уже успела добежать до вербы, от которой дорога сворачивает к Миусу. Снова притаилась, ждет...

Дед идет уже нерешительно. Он подавлен — то и дело оглядывается, что-то сердито бормочет. У вербы он застывает, как вкопанный столб — это в мешке мяукнул кот. Степанида зажимает коту рот. Перепуганное животное вырывается и летит черным шаром прямо под ноги Степану. Тот мигом срывает с головы фуражку и запускает ее в кота. Мимо! Дед рассержен на нечистую силу, садится посреди улицы на перевернутое ведро, достает кiset с табаком...

А Степанида тем временем уже дома, уже в постели.

Возвращается Степан шумно: расшвыривает ногами расставленные Степанидой во дворе ведра, стучит дверью. Вскоре из кухни доносится:

— Женушка, пора вставать! День занимается. Бабка молчит.

— Слышишь? — уже громче говорит Степан.

— Ой, Степанушка, дай сон досмотреть.

— Какой сон,— сердится Степан,— корову пора доить...

И засыпает, как убитый. Ведь он всю ночь пролежал не спавши, боясь пропустить зарю...

А сегодня Степанида зря поторопилась до кумы за маслом. Я видел: на дне степанова садка копошились три тощих ерша. Такую рыбу даже коты не берут: колется! Хочется Степаниде рыбки отведать, но что поделаешь? Сама отучила деда рыбачить.

У калитки меня встречает жена.

— В самый раз,— говорит она,— гости проснулись, умываются.

Первыми к моему улову устремляются дети. Потом все жадно слушают подробности рыбалки. За обедом детально обсудили план завтрашней вылазки. Договорились поохотиться на сомов, щук, окуней и язей.

Уедем подальше, захватим с собой котел, палатку, а также серп, чтобы накосить травы, на которой поспим в полуденные часы.

День обещает быть интересным, удачливым, полным приключений и солнечной вольницы.

ДЕРЕВУ 35 МИЛЛИОНОВ ЛЕТ

В Ульяновской области сохранился чрезвычайно интересный памятник природы. В одном из кварталов Баевского лесничества, между истоками рек Свяги и Малой Свяги, лежит окаменевший ствол дерева. На нем хорошо можно различить годичные кольца, сучки.

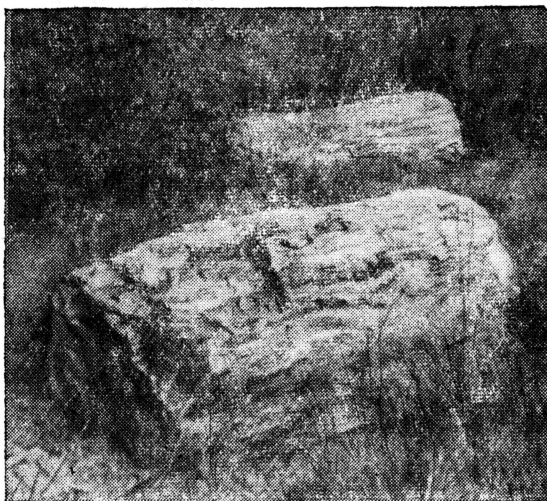
Открыл его известный русский геолог, академик А. П. Павлов. В 1892 году в Симбирской губернии он проводил с местными крестьянами раскопки в Баевском лесу. Тут и было обнаружено дерево. Мощный ствол его диаметром более одно-

го метра был разделен на семь крупных частей длиной полтора-два метра каждая. Остальные более мелкие части дерева располагались вокруг ствола на расстоянии 24 метров.

Почти целое дерево! Не удалось найти лишь его вершины. А. П. Павлов назвал этот редчайший памятник природы «драгоценным для науки предметом».

Доцент Ульяновского пединститута В. В. Благовещенский относит ископаемое дерево к классу хвойных, роду кипарисовых. Возраст его 35 миллионов лет. Это типичный представитель субтропической флоры, господствовавшей на территории европейской части Советского Союза в первой половине третичного периода — палеогена. В то время территория Ульяновской области была прибрежным участком моря. Гигантские хвойные деревья росли на его берегах. Очень часто морские прибои разбивали берега, деревья падали в воду. Намокнув, древесина становилась тяжелой и опускалась на дно. В толщах песка и глины, непроницаемых для микроорганизмов, воды и воздуха, растительные клетки постепенно заменялись халцедоном. Ствол каменел.

Можно предполагать, что баевское дерево было захоронено там, где оно росло.

Я рисую ТАРАКАНОВ

Как-то один знакомый художник спросил меня:

— Ты еще не бросил рисовать своих тараканов?

— Нет, — говорю, — не бросил. А почему вы считаете, что это так уж плохо — рисовать насекомых? Какая, собственно, разница — крупное ли зверье, мелкое ли: художники-анималисты рисуют всяких животных.

— Э, нет, — ответил мой собеседник. — Зверей, которых анималисты рисуют, знают все — взять хотя бы лошадь, слона, волка. А зачем всем знать, как выглядят под микроскопом всякие там букашки и инфузории? Это занятие биологов, а не художников. Кому он, к примеру, нужен — портрет комара?

Но дело не только в степени известности животных и в принадлежности их к каким-то определенным зоологическим классам, а и в художнике — как он сумеет подать зрителю своих «героев» и натурщиков, как сумеет рассказать о том, чем привлекают его эти существа. Хорошо ли он знает их жизнь, строение и повадки.

Давно, с детства еще, я люблю мир насекомых, интересуюсь им, изучаю его. И рисунки мои (по профессии я художник) посвящены, в основном, ему. И поэтому я считаю, что мне повезло, когда Красноярское книжное издательство заказало мне иллюстрации к книге профессора П. И. Мариковского, известного писателя-энтомолога, о рыжих лесных муравьях — «Маленькие труженики леса».

Встал вопрос: как изображать насекомых? Симметричными, со строго расправленными лапками и крыльями, со скрупулезной передачей всех особенностей, как их изображают в учебниках и научных книгах? Или же условными, стилизованными, заботясь лишь о том, чтобы украсить страницу? Книга Мариковского — научно-художественная. Поскольку она научная — значит, нужно выполнять первое условие. Но она в то же время и художественная —

следовательно, нужно иметь в виду и второе. А оба условия, вроде бы, исключают друг друга. В общем, задача была нелегкой. Но я принялся за работу.

В моей домашней лаборатории постоянно живут разные насекомые — медляки, верблюдки, муравьиные львы, водяные жуки. Пришлось завести еще искусственные муравейники — сначала один, потом несколько. Вооружившись оптикой, планшетом с бумагой и терпением, я стал наблюдать за жизнью персонажей книги Мариковского, за их повадками, позами, принимаемыми во время работы, еды, умывания, «разговора», ухода за потомством. Это был особенный мир — таинственный, своеобразный; словно я бродил по иной планете среди ее обитателей — подвижных, изящных, обладающих необыкновенно выразительной внешностью и поражающих совершенством строения и какой-то «осмысленностью» действий.

Но как передать все это на рисунках? Работают насекомые почти всегда в движении, и я успевал схватить позу лишь в быстрых, схематических набросках, иногда состоящих из двух-трех линий. Эти черновые наброски, после основательного знакомства с анатомией, морфологией, систематикой муравьев и образом их жизни в природе и послужили основным исходным материалом для иллюстраций. Не нарушая научной достоверности, удалось изобразить «героев» книги не только живыми и «умными», но даже внести в иллюстрации элемент сказочности, таинственности и даже легкого юмора.

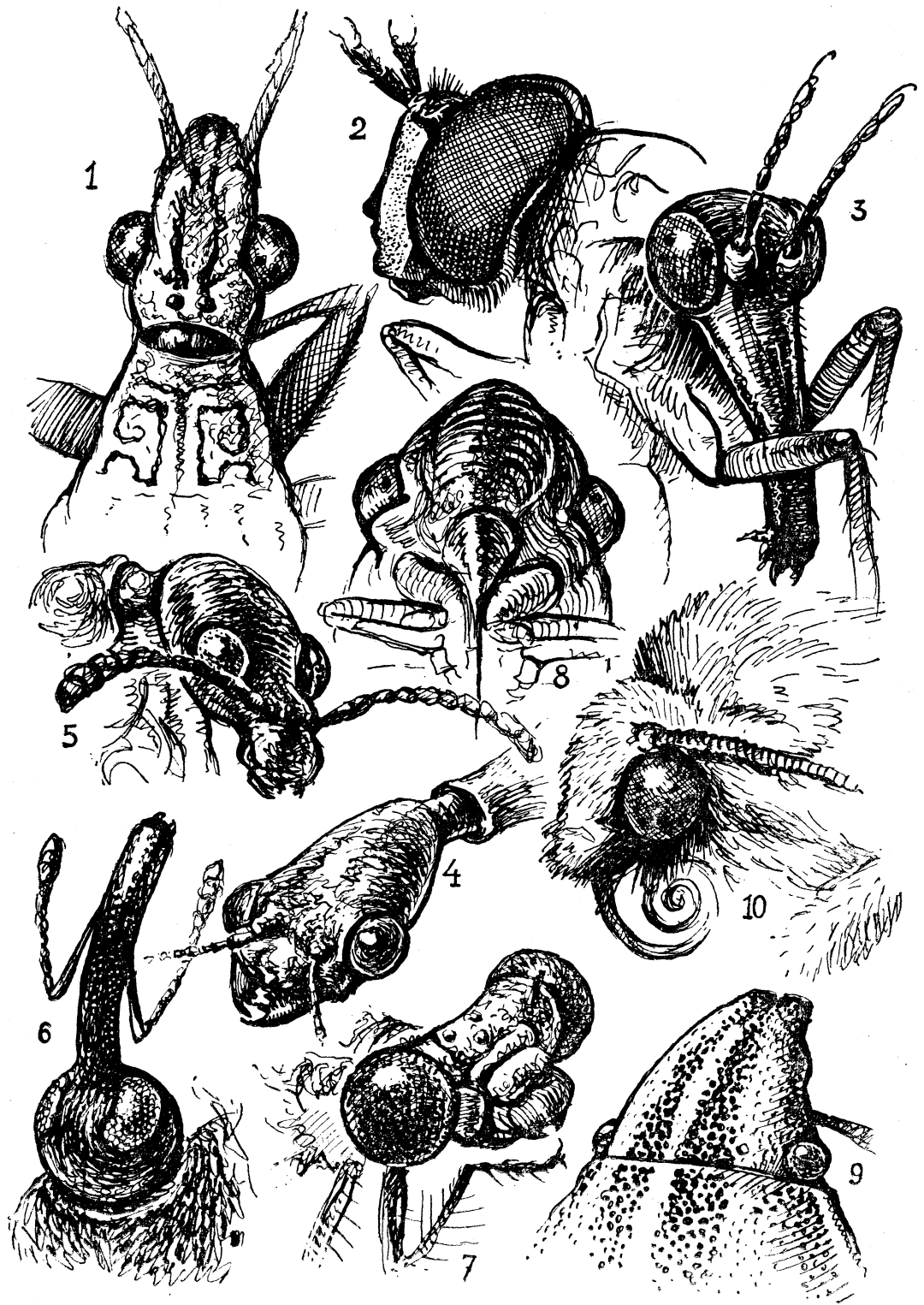
Примерно так же проходила работа над рисунками к циклу телевизионных передач о насекомых (в Омске и Новосибирске), над иллюстрациями к своей книге «Миллион загадок», а также над оформлением еще одной книги профессора Мариковского — «Юному энтомологу».

Отправляясь в очередную экскурсию на природу, я теперь всегда беру с собой принадлежности для рисования, и всякий раз в блокаде появляются новые наброски.

Иногда натурщики мои исправно позировали и после смерти: разыскав нужное насекомое в коллекции и распарив его (чтобы не сломались сухие конечности), с помощью булавок, пластилина и различных приспособлений придаешь ему нужную позу — бегущего, летящего, нападающего. Но для этого все равно необходимо хорошо знать повадки и биологию своего героя, много наблюдая его в природе и в лаборатории.

Особенно интересно разглядывать коллек-

ции, собранные летом, в слабый бинокулярный микроскоп. Сверкающие полированным металлом чеканые доспехи жуков, мохнатые шубы шмелей и гусениц, замысловатые ткани узоров на крыльях бабочек, тончайшие переливы радуги на крылышках наездников, какие-то неземные сочетания форм и красок, невиданная игра света, — все это не дает оторваться от окуляра.

А каких только «физиономий» не бывает у насекомых! Какое разнообразие характеров и выражений! В рукописи «Юному энтомологу» мне встретились слова: «Жаль, не нашлось художника, который бы написал портреты насекомых». Я и сам об этом давно думал — почему никто из художников до сих пор не заинтересовался «лицами» насекомых, куда более необычными и выразительными, чем у иных птиц и зверей.

Решил попробовать.

Под микроскопом — слой ваты с уложенными на нем сухими насекомыми. Вот в поле зрения появилось длинное буроватое туловище, спинка, разрисованная узором, напоминающим греческий меандр, и вдруг — высокая голова с глазами навывкате и блестящим полукрытым ртом, немного странная, но явно напоминающая человека, только, пожалуй, живущего на соседней планете. А ведь это всего-навсего маленький травяной клопик из семейства набидовых. И перо, обмакнутое в тушь, набрасывает облик «жителя иного мира» (рис. 1).

А вот совсем человеческое лицо (рис. 2)! Впрочем, это нежный светло-желтый хитин на головке мухи-сирфиды случайно помялся в коллекции, так что сбоку стал напоминать человеческий профиль. Рядом — десяток сирфид того же вида. Поворачиваю их по очереди набок, и что же — все мухи «на одно лицо»! Высокий лоб, красивый прямой нос, губы, подбородок — идеальные правильные черты. Как это необычно и интересно! И перо выводит контур «лица» сирфиды, так удивительно напоминающее профиль женщины...

Фантастическая физиономия с длинным угрюмым хоботом принадлежит «скорпионовой мухе» — древнему реликтовому насекомому, дожившему до наших дней (рис. 3). Пригладитесь, добавьте к впечатлению чуточку воображения, и на вас повеет далеким-далеким прошлым, запечатленным не то в этих больших странных глазах, не то во всем облике древнего жителя Земли!..

Особенно выразительно выглядят в движении те насекомые, у которых голова сочленена с переднегрудью очень подвижно. У верблюдки (рис. 4) шея для этого вставлена в просторную трубку: чтобы высмотреть жертву, да и чтобы расправиться с нею, хищнице-верблюдке надо часто вертеть головой.

У жука трубноверта голова сочленена с туловищем настоящим шаровым шарниром (рис. 5), но это устройство предназначено для более мирных целей. Жук скручивает из березовых листьев плотные бочонки очень хитрой конструкции, орудия лапками, а главное, челюстями. Чтобы перехватить, загнуть и надерзать тугой лист, сложить его вдвое, скрепить края будущего жилища личинки, жуку нужно как следует «поломать голову». А как по-вашему, на чью походит голова трубноверта — лошади, тапира, человека?

Еще несколько портретов: необычайно длинноносый слоник с идеально круглой головой (рис. 6), стрекоза-стрелка, громадные глаза которой охватывают сразу весь мир (рис. 7), глуповатая рожица травяной цикады (рис. 8), высокий островерхий шлем черепашки с рядом прочеканенных мелких ямок (рис. 9).

А как вы думаете, кто это — угрюмый, набычившийся, обросший длинной густой шерстью (рис. 10)? Какой-нибудь неведомый житель подземного царства? Или просто мохнатый шмель? Вовсе нет, это голова самой что ни на есть обыкновенной бабочки совки, из тех, что стаями кружатся у фонарей теплыми летними вечерами и чьи гусеницы порой нещадно вредят огородам.

Но, конечно же, наблюдать насекомых живых, в природе, не менее интересно.

...Где-то вдалеке колышется в летнем мареве лиловая полоска леса, к которому лежит сегодня мой путь. Жарко. Пушистый чернозем, нагретый солнцем, мягко пружинит под ногами: дорога идет через пашню. Справа и слева до самого горизонта разлились темным океаном вспаханные поля-пары; по океану бегут волны горячего марева, струятся, перекатываются вдалеке, и если не смотреть под ноги, то кажется, что медленно плывешь к далекому лесистому островку.

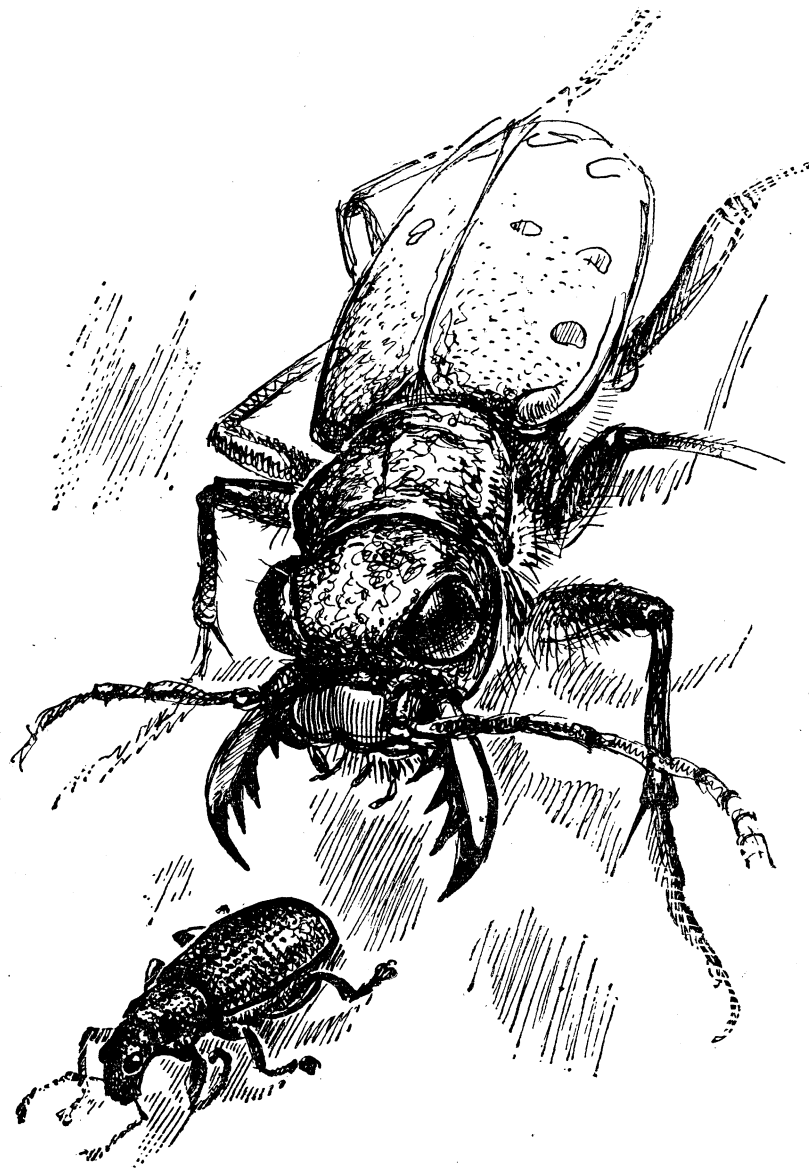
Но как не смотреть вниз, когда через каждые десять-двадцать шагов передо мной вспархивает какое-то насекомое, быстро отлетает вперед, и там, едва заметное, пикирует в горячую дорожную пыль. Ускоряю шаг — длиннее и чаще перелеты, осторожное насекомое никак не хочет подпустить меня ближе.

Делаю короткую остановку, надеваю на объективы бинокля самодельные приставки из очковых стекол (приспособление для разглядывания близких и мелких объектов) и шагаю вперед: надо еще раз сплугнуть таинственного летуна и хорошенько заметить место, где он сядет.

Маленькая серая тень вильнула в воздухе, упала на дорогу и замерла. Тихонько подвигаюсь вперед. Шаг, еще шаг... теперь, наверное, хватит. Навожу бинокль. В поле зрения комочки земли, прошлогодние соломинки; несколько муравьев перебегают дорогу; жучок-песочник, серый и корявый сверху, похожий на комок чернозема, торопится куда-то по своим делам.

И вдруг вижу: замечательно красивый жук, матово-зеленый, стройный, высоко подняв туловище на длинных ногах, сделал короткую перебежку, резко повернулся в мою сторону и оставил на меня огромные выпуклые глаза, отражающие солнце каким-то особенным, искристым блеском. Страшные зубастые челюсти-жвалы — они вовсе не портили изысканную внешность красавца — вдруг заходили туда-сюда, словно половинки дьявольских ножиц. Жук снова повернулся боком, заметив что-то вблизи себя, и на его брюшке вспыхнуло отражение солнца, неожиданно рубиново-красное.

Да ведь это же скакун — представитель семейства жесткокрылых, обитающего главным образом в тропиках! Не такой, значит, у нас, в Омской области, и север, если сейчас я вижу своими глазами этого почти тропического жука, который, который... Пойдите, кажется сейчас произойдет нечто интересное: мадешский

буроватый долгоносик шустро семенит по дороге в трех-четыре сантиметрах от скакуна...

Секунда — и зеленоватый леопард метнулся к жертве, тронул ее усиками, занес над нею ослепительно-белые жвалы с ужасающими острыми зубцами... Нажать бы сейчас гашетку кинокамеры, чтобы застрекотала пленка — какие уникальные кадры удалось бы получить! Но в руках у меня никакая не кинокамера, а обыкновенный полевой бинокль с самодельными приставками из очковых стекол.

Надо хорошенько запомнить эту редкостную сцену, и я мысленно сделал как бы подробный набросок с натуры, стараясь запечатлеть в памяти все увиденное. А через минуту, когда зубастый охотник покончил с жертвой и улетел, я достал блокнот и зарисовал то, что удалось запомнить.

...Разыскивая материал для иллюстраций,

я перебираю летние трофеи. В картонных коробках на матрасиках из ваты, переложенных бумагой, покоятся многочисленные насекомые. Кого тут только нет! Роскошные переливчатые бронзовики, огненно-блестящие листоеды, скромные серые долгоносики, гиганты-дровосеки с невообразимо длинными усами. А вот и скакуны — в то лето мне удалось добыть целых шесть экземпляров. Ох и трудно это было — выслеживать прыткого хищника! Подкрадываешься к нему чуть ли не дыша, но в самый последний миг, когда уже занесен сачок, глазастый скакун мгновенно расправляет крылья, срывается с места, и, как бы дразня тебя, садился на дорогу или между неподалеку и обязательно на виду. И все это, как правило, на убийственной жаре.

Только живой мерцающий блеск выпуклых фасетчатых глаз потух у засушенных скакунов, все же остальное нисколько не изменилось — матово-зеленый панцирь со светлыми бляшками, ужасные челюсти-жвалы, свободные от зубцов плоскости которых с каким-то особым аристократическим шиком залиты белой эмалью, блестящий низ, отливающий то изумрудами, то рубинами, то синевой полированного кобальта и указывающий на принадлежность жуков к экзотическому семейству.

Один из скакунов — под объективами микроскопа. Поглядывая на набросок, сделанный летом, ставлю красавца жука в динамичную, стремительную позу, развожу ему челюсти, освещаю так, чтобы в глазах загорелись хищные блики. Можно начинать рисунок...

Я вспоминаю слова коллеги-художника, доказывавшего мне, что изображения насекомых место только в специальных научных книгах. Теперь я с ним не согласен. С этим необыкновенным миром ярких, подвижных, выразительных существ, многочисленнейших жителей нашей планеты, должны поближе познакомиться все, кто по-настоящему любит природу — в том числе и художники.

В. ГРЕБЕННИКОВ.
Рисунки автора

ВЫСОКОЕ НЕБО

Документальная повесть

Борис ГРИН

Рисунки Н. Мооса

Крушение двухрядной звезды

В первом же кабинете наркомата Швецова оглушили новостью: принято решение прекратить финансирование нового двигателя. Его двухрядной звезды. Он не поверил своим ушам, подумал, что это топорная шутка, розыгрыш. Прекратить финансирование, когда двигатель совсем на выходе?!

Это не укладывалось в голове, казалось совершенно непостижимым.

Нет, тут определенно недоразумение! В конце концов новый двигатель — не дитя незаконнорожденное. Его благословил лично Сталин. Да и то нельзя не учитывать, что завод настраивается на выпуск этого двигателя. Стендовые испытания обнадежили, неполадки в поршневой группе удалось устранить, люди поверили в двухрядную звезду. И если еще несколько лет назад проволочку с выпуском нового авиадвигателя можно было расценить как рутинерство, то теперь, в начале сорокового года, это выглядит совсем иначе. Нужно быть слепым, чтобы этого не видеть.

Распалаясь, Аркадий Дмитриевич мысленно давал отповеди на любые возможные возражения. Он ставил перед собою самые каверзные вопросы и горячо, азартно, с безупречной логикой разил своих оппонентов.

Столько души было вложено в двухрядную звезду, что даже не приходила мысль о собственном просчете. Тем тяжелее было выслушать суровую правду, которую сказали руководители наркомата.

Нет, в том, что принято решение прекратить финансирование длинноходового варианта двухрядной звезды, не было никакого недоразумения. И вот почему. Оказалось, что неполадки в поршневой группе, которые обнаружили во время стендовой заводской доводки, до конца так и не удалось устранить. Это выявилось во время летных испытаний, увы, слишком поздно. Самолет с двигателем М-18 потерпел катастрофу. Вот так. Этим и объясняется столь суровое решение наркомата.

С тяжелым сердцем пришлось возвращаться домой. Осунувшийся, побледневший, явился главный в КБ. По молчаливым взглядам конструкторов он понял: здесь все уже известно. Так оно и было: директива наркомата пришла на завод еще в те дни, когда Аркадий Дмитриевич находился в Германии.

Теперь самое главное было не потерять самообладание, не дать коллективу разувериться в силах. В этой ситуации опаснее всего оказалась бы жалость к себе и другим, бездеятельность, простоя. Ни в коем случае нельзя было опускать руки. Жаль, конечно, что так трагично сложился финал М-81. Надо без промедления форсировать другую, короткоходовую схему. Задел уже есть, и немалый. Товарищи поймут необходимость быстрого переключения, они все поймут и непременно поддержат.

Главный не ошибся в своих предположениях: конструкторы полностью одобрили эту идею. Он понял, что не одинок, коллектив — его союзник.

Двигатель М-82 в ту пору еще не был включен в план. Начальный период его создания проходил без плана, как инициативная работа главного конструктора. В этом были свои плюсы и свои минусы, и сейчас, в острой ситуации, которая сложилась в КБ, они проявились особенно отчетливо. С одной стороны, хорошо, что оказался задел: выиграно немало времени. Но, с другой стороны, работа уже вошла в такую стадию, когда продолжать ее вот так, без плана, становится все труднее. А планового задания нет.

Как тут быть?

В трудные, полные неясности дни на завод нагрянула комиссия из Москвы. Члены комиссии не пытались скрыть своей задачи, но они же заверили главного, что разберутся во всем со всей тщательностью.

Тон задавал председатель комиссии. Он часами просиживал за проектными документами, подолгу пропадал на стенде, придирчиво изучал протоколы испытаний. Его спутники осаждали производственников, собирали сведения технологического характера. Их деловитость вызывала у людей тревогу.

Окончание. Начало в № 1.

Перед отъездом председатель комиссии заявил, что М-82 хорош и не оставляет повода ни для каких сомнений. Он и его коллеги запросили сравнительную характеристику всех двигателей такого типа. Конструкторы спешно подготовили для них справку, и с тем гости уехали.

В КБ поднялось настроение: теперь-то уж все должно стать на свои места. Комиссия доложит что и как, и наркомат откроет финансирование нового двигателя. Дело пойдет!

Но проходили дни, а вестей из Москвы все не было.

Однажды утром в КБ приехал Гусаров. Неходя к Швецову, он направился прямо в конструкторский зал. Только переступил порог — и, обращаясь ко всем сразу, громко спросил:

— Как, ребята, мотор?

В один голос конструкторы откликнулись:

— Хо-ро-ший!

Ему показали характеристику высотности двигателя, которую дали членам комиссии, и, рассматривая ее на ходу, он пошел к Аркадию Дмитриевичу. Уже перед дверью кабинета остановился и, глядя на график высотности, покачал головой.

Швецов встретил Гусарова радостно, его приход пробудил смутную надежду. Удивило только, что в руках у секретаря сбкома была характеристика высотности. Что бы это могло значить?

Гусаров не стал дожидаться вопроса. Постукивая пальцем по хрустящей миллиметровке, он осторожно сказал:

— Всем хорош двигатель, только вот высотность маловата.

Аркадий Дмитриевич вспыхнул:

— Насколько мне известно, вы авиационник.

Как же можно так голословно утверждать? Высотность нашего двигателя 4650 метров, в то время как лучшие моторы фирмы «Райт» имеют 3960. Разница почти в семьсот метров, и она в нашу пользу.

Гусаров недоуменно пожал плечами и протянул ему характеристику.

Аркадий Дмитриевич взглянул на линию графика. Помрачнел.

— М-да, черным по белому...

Но тут же он встрепенулся и провел ногтем по недоведенной до нужной точки линии, сказал:

— Это просто ошибка. Недозволительная, грубая ошибка. Кто чертил график? Я возьму с виновного, мы немедленно сообщим комиссии поправку, хотя, я уверен, там и без того разберутся. Но время идет, а вопрос все еще не решен, плана у нас нет. Скоро уж месяц в таком положении! В чем же дело?

Гусаров развел руками: сие неизвестно.

Через пятнадцать минут в кабинете главного собрались ведущие конструкторы. Швецов был разгорячен только что закончившимся разговором и сейчас исподлобья, сумрачно оглядел товарищей. Без лишних слов спросил:

— Вам известна высотность нашего двигателя?

Конструкторы переглянулись: какой, мол, может быть разговор? На всякий случай кто-то назвал цифру. Тогда Аркадий Дмитриевич приподнял над столом график и с каким-то горестным недоумением, тише обычного спросил:

— Как же вы могли вот так?

И уже отходя, читая в глазах товарищей молчаливое признание вины, добавил:

— Эх вы, сапоги...

Он произнес эти слова и тотчас покраснел. А конструкторы, поняв, что наступила разрядка, облегченно вздохнули: так подвели человека, а он даже отругать не сумел.

Но вот, наконец, долгожданная план прибыл, и работы по созданию нового двигателя можно разворачивать полным ходом. Двигатель уже проходит испытания, семьдесят часов «отгрел» М-82 на испытательном стенде, а конца его моторесурса пока не видно.

ОТВЕТНЫЙ ВИЗИТ

Стояли последние дни октября 1940 года. Отшумели страсти футбольного сезона. Разом поблекла золотая краса листьев, долго лежавших на тротуарах. Улетели на юг птицы. Все говорило о поздней осени, которая уже готовилась уступить свои права морозной зиме.

Из Москвы пришла телеграмма от сына. Как и все телеграммы, написанные рукою счастливого человека, она была многословна и немножко сумбурна. Лишь несколько единственно нужных слов передавали главное: «...институт окончен... диплом... моторостроитель...»

Как бегут годы! Уже и Владимир стал инженером, пошел по стопам отца. Ведь это замечательно!

Пришло из Москвы и другое, не менее приятное известие. В большом плотном конверте, в каких обыкновенно пересылают документы, был форменный бланк Высшей аттестационной комиссии. Глаза быстро пробежали несколько строк. «Постановили: Утвердить тов. Швецова А. Д. в ученой степени доктора технических наук (без защиты диссертации)».

Уходящая пора обернулась для Швецова

«болдинской осенью». Он испытывал благодатный прилив сил, в нем опять проснулся художник и пианист.

Легкий подрамник и краски обычно укладывались на заднее сиденье «ЗИСа», и машина бежала к небольшой речке, окаймленной багряными деревьями. Аркадий Дмитриевич отключался от дневных забот и умиротворенно бродил меж деревьев, чувствуя, как, подобно последним оборотам мотора, затихает в нем напряжение дня.

Чуть откинувшись назад на пеньке, Аркадий Дмитриевич устанавливал подрамник и долго сидел так, не шелохнувшись, вдыхая острые запахи прели. Но вдруг внимание его привлекла качнувшаяся под порывом ветра золотая березка. Он устремлял к ней взгляд, потом переносил его дальше, и ощущал, как запекает в нем торжествующий голос красоты. Торопливые мазки ложились на полотно, но Аркадий Дмитриевич не старался осмыслить изображаемое, он только прислушивался к внутреннему голосу и переливал его в краски.

Именно в такие минуты он испытывал невероятную жажду творчества. Эти мазки были подго-

товлены тем нечеловеческим напряжением воли и сил, которыми он жил все лето, борясь за новый двигатель. Они были наполнены дыханием другой, главной его жизни.

Но едва умолкал в нем художник, как где-то в глубинах души тотчас просыпался конструктор. Снова в уме громоздились расчеты и догадки, которые немедленно опровергались вспышкой новой мысли. Это было продолжением непрекращавшегося процесса творчества. Конструирование, музыка и живопись были лишь гранями одного и того же процесса. Этот процесс невозможно было разорвать, выбросив из него что-то одно. В желто-багряных красках осечного леса ему чудилась музыка, а когда он садился к роялю, в бурных аккордах шопеновского этюда ему слышался голос нового, еще не рожденного даже его фантазией конструктора двигателя.

В те дни, когда двухрядная звезда еще только проходила испытания, Аркадий Дмитриевич понял: двигатель надо усовершенствовать.

По времени, пожалуй, в пору бы появиться уже и самолетам с новым двигателем. Но вот начался сорок первый год, а двухрядная звезда еще не прошла государственные испытания.

Вскоре в КБ просочился слух о том, что ожидается приезд какой-то делегации. Какой именно — никто не знал, и это порождало всевозможные догадки. Говорили, будто приедут иностранцы, не то англичане, не то немцы. Доморощенные стратеги увязывали это с международной обстановкой, по своему толкуя и без того тревожное положение.

Приехали немцы. С вокзала их привезли в заводских автомобилях. Долгая дорога из Москвы, казалось, не утомила гостей, они пожелали сразу отправиться в цеха.

Не было ни приветственных речей, ни цветов, ни улыбок. Сопровождаемые заводскими специалистами, немцы проходили по цехам, цепко приглядывались к новейшим станкам, задерживались у готовых узлов на сборке, задирали головы, оценивая высоту пролетов.

Что-то почти неуловимое выдавало в них военных: то ли четкость движений, то ли полное отсутствие интереса к тому, как работают люди, а может быть, подчеркнутая сдержанность, которая выглядела чрезмерной для штатских. Во всяком случае их отлично сшитые костюмы и одинаковые галстуки были лишь ширмой.

Гости не вступали с рабочими в разговоры, глядели как бы сквозь них. Рабочие, когда немцы задерживались у их станков, углублялись в свое дело, и только потом, когда те шли дальше, молча смотрели им вслед. Не очень-то рабочим было понятно, какая надобность, чтобы немцы, наверняка фашисты, ходили по заводу и глазели по сторонам. Только присутствие Швецова заставляло думать, что в этом нет ничего страшного, так надо.

Аркадий Дмитриевич был в числе сопровождающих. Еще в заводоуправлении его представили немцам как главного конструктора, и теперь они адресовали свои вопросы только к нему. Он понимал их без переводчика и без переводчика же отвечал односложно: да, нет. Это никак не походило на профессиональный разговор, да такого разговора и не могло быть. Главного заблаговременно предупредили, что гости из Германии — далеко не безобидные овечки.

Немцы ходили по заводу без усталости, с энергией людей, которые знают, что самое интересное их ожидает в конце пути. Аркадий Дмитриевич чувствовал, что это «самое» не дает им покоя, быть может, из-за него они и отправились за тысячи километров от своего дома. Было видно, как угасает их деланное внимание к известным, знакомым двигателям. Они уже не останавливались у станков, лишь мельком смотрели на узлы старых серийных двигателей. Им не терпелось скорее увидеть опытное производство.

Именно там была запретная зона. Чужой глаз ни в коем случае не должен был увидеть двухрядную звезду. Однако и скрыть довольно солидное сооружение не так уж просто, особенно от

тех, кто его ищет. Поэтому накануне опытный цех обшили досками, загородили всяким старьем и завалили к нему все подходы.

Осмотр цехов подходил к концу, немцы уже лредвкушали награду за свою неутомимость. Тут и объявили им, что рады были познакомиться с заводом.

Они не поверили, не хотели верить. Их взгляды с надеждой устремились к руководителю группы, который только и мог предпринять решительный шаг. А он, бритоголовый массивный мужчина, чувствуя на себе эти взгляды, в раздумье постукивал по металлическому настилу элегантно палкой орехового дерева.

— Нам показали не все,— выдавил он из себя, багровея лицом.

— Это все,— спокойно ответил ему Швецов.

Ни слова не говоря, немец толкнул дверь и направился к закамуфлированному цеху. За ним двинулись остальные.

Остановившись у брошенного лотка с затвердевшей известью, он издал указал палкой на «самое».

— А это?

Аркадий Дмитриевич выдержал взгляд и с прежним спокойствием ответил:

— Это ремонтная мастерская. Закрыта с прошлого года. Потолок обвалился.

Немец поверил, Поверили и остальные. До

самой проходной они шли и посмеивались: ну и хозяева!

Через несколько дней после отъезда немцев Швецов позвонил Гусаров.

— Ну как, спровадили гостей? — поинтересовался он.

Это был праздный вопрос, Аркадий Дмитриевич почувствовал сразу, по тону. Гусаров явно вызывал на разговор. Может быть, звонок каким-то образом связан с двигателем, с предстоящими государственными испытаниями?

Тяжелое предчувствие овладело Швецовым. Гусаров не имел обыкновения тянуть с доброй вестью, а недобрую — кому же приятно выкладывать ее вот так, сразу?

— У вас ко мне дело? — деликатно спросил Аркадий Дмитриевич.

— Да. Если можете, приезжайте.

Вечером они встретились. То, что Аркадий Дмитриевич услышал от Гусарова, его буквально потрясло.

В высших инстанциях приняли постановление специализировать завод на выпуске двигателей водяного охлаждения.

Рушились все планы. Сама жизнь теряла смысл.

Гусаров понял, что на голову Швецова опустился меч. Тут же он сказал, что направил в ЦК протест.

И снова жизнь!

А дальше события развивались так.

Позвонили из Москвы и в решительном тоне выговорили Гусарову за опрометчивый поступок. Постановление принято, мол, и его надо выполнять, а не писать протесты.

Гусаров попытался объяснить свою точку зрения, но был прерван одним коротким словом: «Приступайте».

Назавтра в Москву ушло второе письмо. Не вдаваясь в подробности, Гусаров просил об одном — вызвать его для личного объяснения.

Из Москвы ответили: «Выезжайте».

Ему не надо было специально готовиться к предстоящему разговору. Он чувствовал себя во всеоружии аргументов. Это сокращало сборы на дорогу, и уже на следующий день рейсовый самолет увез его в Москву.

Никогда еще в высших инстанциях с ним не разговаривали так недружелюбно и резко. Уже от одного обращения на «ты» передернуло.

— Значит, противиться?

— Прошу меня выслушать,— обошел вопрос Гусаров.

— Нет, теперь будь любезен, ты выслушай. Немедленно отправляйся на завод (был назван номер знакомого Гусарову московского предприятия) и учись, как налаживать двигатели водяного охлаждения. На это — десять дней. Все.

Нежданно-негаданно Гусаров превратился в практиканта. Оформив пропуск на завод, он целыми днями бродил по цехам, беседовал с инженерами и рабочими, выпрашивал у них все, что хоть как-то привлекало его внимание. Глухая злоба к этому заводу, к «водянке», быстро растаяла. Он видел увлеченных работой людей, которые явно гордились и своим заводом, и своими мото-

рами. Их моторы были и впрямь хороши. Но разве двухрядная звезда Швецова была хуже?

Всего три дня побыл Гусаров в роли практиканта. На четвертый день утром он написал заявление: «Прошу пересмотреть принятое решение». Вечером того же дня он уже был в Перми.

Опять позвонили из Москвы. К удивлению Гусарова, на этот раз его не упрекнули ни словом. Однако спросили, когда намечено приступить к перестройке производства.

Готовый к разному, Гусаров ответил:

— Прошу рассмотреть мое заявление и, по возможности, доложить о нем товарищу Сталину. Последовало короткое молчание.

— Ваше заявление будет рассмотрено.

Апрель уже был на исходе, приближались первомайские торжества. Занятый обычными своими делами, Гусаров не переставал думать о том, какой оборот может принять его сопротивление.

Швецов не давал о себе знать, и Гусаров решил его не тревожить. Ничего обнадеживающего сообщить ему он не мог, а вести разговор вокруг да около — только травмировать.

В ночь на двадцать восьмое апреля, ровно в три часа, из Москвы позвонил Поскребышев.

— Товарищ Гусаров? Будете говорить с товарищем Сталиным.

Сон как рукой сняло. В домашнем кабинете мгновенно вспыхнул свет, захлопнулась форточка, заглушив шум дождя, барабанившего о подоконник, хрустнула записная книжка, прижатая к столу ладонью.

Наконец в трубке послышался голос Сталина. Сможет ли Гусаров приехать в Москву с таким расчетом, чтобы вернуться к празднику домой? — вот что его интересовало.

Бросив взгляд за окно, исхлестанное дождем, Гусаров ответил:

— Не успеть. Погода у нас не летная.

Сталин помолчал недолго, обдумывая как быть. Решение его было таково: Гусаров проведет в Перми первомайскую демонстрацию, после чего немедленно выедет в Москву. Не один, с главным конструктором Швецовым.

После разговора со Сталиным Гусаров долго не ложился спать, все рассказывал по кабинету. Уже под утро он позвонил Швецову и передал ему содержание короткой ночной беседы.

Аркадий Дмитриевич выслушал его, не задав ни единого вопроса.

— Я готов, — только и сказал он.

Майские праздники, всегда такие долгожданные, на этот раз утратили свою прелесть. Не было настроения встретиться с друзьями, разделить с ними веселое застолье. Мысленно Швецов уже находился в Москве.

Второго мая над городом заголубело небо, выглянуло солнце. Сильный ветер погнал облака на запад. Засуетились на аэродроме техники, готовя пассажирский самолет. Рейс на Москву должен был состояться.

В полдень на летное поле, почти к самому трапу подрулил автомобиль. Из него вышли Швецов и Гусаров. Шофер с помощью аэродромных механиков достал из багажника тяжелые предметы, упакованные в вощеную бумагу. Это были детали нового двигателя, всего несколько деталей, по которым опытный глаз мог представить себе важнейшие элементы новизны всей конструкции. Им тоже предстояло отбыть в Москву.

Едва определили на место поклажу, трап откатился, и дверка самолета захлопнулась. Еще через несколько минут машина уже была в воздухе.

Рассчитывали лететь без посадки, да не вышло. Где-то у Горького догнали грозу, и самолет вынужден был сесть. В аэропорту и заночевали.

Остаток пути занял немного времени. К обеду Швецов и Гусаров уже были в гостинице «Москва».

Наскоро подкрепившись, Гусаров поспешил к телефону. Он связался с Поскребышевым, сообщил о приезде.

— Очень хорошо, — Поскребышев кажется обрадовался. — По возможности не отлучайтесь из гостиницы.

Это означало, что нужно быть наготове, в любую минуту может раздаться телефонный звонок: машина у подъезда — срочно в Кремль.

Вечером посвежевший после сна Аркадий Дмитриевич пришел в номер к Гусарову. Как будто между ними был уговор — ни тот, ни другой не заговаривал о предстоящей встрече со Сталиным. Да и вообще разговор как-то не клеился. Сидя на диване, они то и дело бросали взгляды на телефонный аппарат. Но телефон молчал, вызывая у них своим безмолвием ненависть.

Время тянулось медленно. Они заказали в номер ужин, еще с часок посидели за столом и, пропившись, Аркадий Дмитриевич ушел к себе.

На следующий день, четвертого мая, все повторилось опять. Телефон по-прежнему молчал, и они не знали, чем заняться, куда себя деть. Поразмыслив, решили, что вовсе не обязательно обоим торчать у этого проклятого телефона, можно и отлучаться на час-полтора, по очереди, конечно.

По праву старшего Аркадий Дмитриевич первым воспользовался свободой. Набросив легкое габардиновое пальто, он спустился в вестибюль,

купил свежую газету и вышел в Охотный ряд.

Москва, казалось, все еще не отошла после праздников. Горластые репродукторы выплескивали на проспект бодрые марши, из магазинов выходили люди, нагруженные покупками, кругом была толчея, необычная даже для Москвы.

В сквере Большого театра не оказалось ни одной свободной скамьи. Все заполнили женщины с малышами и преклонного возраста люди, которым некуда было спешить. На дорожках неторопливо гуляли военные.

Заложив руки за спину, Аркадий Дмитриевич и сам сбавил шаг, наблюдая за влюбленными и просто любующимися вечерней Москвой. На какое-то время он забыл, что привело его сюда. А вспомнив, заспешил назад, в гостиницу, где его, подумалось, ждет не дождется Гусаров.

Но от Поскребышева звонка все еще не было. Гусаров размышлял над кроссвордом. С журналом в одной руке и с карандашом в другой он лежал на диване. За этим занятием его и застал Швецов.

Принесли обед. Пожилой официант с московским радушием справился, не надо ли чего еще. Его поблагодарили и вывели без поручений.

После обеда Аркадий Дмитриевич ушел в свой номер, а вечером они снова сошлись у Гусарова. Только сейчас им пришлось в голову открыть балкон, полюбоваться огнями Москвы.

Под ними бурлил людской поток. Неясно различимый в быстро густевших сумерках, город давал о себе знать множеством звуков, которые сливались еще там, внизу, и доносились на девятый этаж глуховато рокочущим басом. Все вместе это и было Москвой.

— Вам не жаль? — Гусаров повел передсобой рукою, в которой держал папиросу.

Вопрос был недосказан, но Аркадий Дмитриевич понял. В самом деле, почти из пятидесяти двадцать пять лет прожито в Москве — больше половины жизни, лучшие годы. Как тут сказать, что не жаль? Нет, конечно, жаль, но каким-то необъяснимо сложным образом: не в том дело, что он оставил Москву, а в том, что с нею так много связано. Говорить об этом не хотелось, и Аркадий Дмитриевич ответил вопросом на вопрос:

— А вам?

Гусаров промолчал.

Утром пятого мая они поднялись в хорошем настроении, уверенные, что сегодня уж непременно раздастся долгожданный звонок.

Предчувствие их не обмануло. Вскоре после обеда позвонил Поскребышев. Он справился о здоровье, о том, хорошо ли устроились, и сказал, что в ближайшие часы позвонит вновь.

Телефон задребезжал полночь. Поскребышев сообщил, что машина номер такой-то уже вышла и сейчас будет у гостиницы.

Меньше чем через полчаса они въехали в Кремль.

Поскребышев пригласил к Сталину одного Гусарова. Швецов, недоумевая, остался в приемной.

Сталин встретил Гусарова неясным вопросом:

— Ну, добились своего?

Гусаров и ответил неопределенно:

— Не знаю, товарищ Сталин.

Предложив Гусарову сесть, Сталин продолжал ходить по кабинету. Первым делом он потребовал объяснить, чем вызваны возражения против переключения завода на выпуск двигателей водяного охлаждения.

Гусаров знал, что в этом кабинете эмоции в

расчет не принимаются. Он приказал себе не горячиться и стал говорить размеренно, подбирая самые необходимые слова.

— Главное возражение вызвано тем, что наш завод дает двигатели истребительной и штурмовой авиации. Переключить его на новые двигатели — значит нанести авиации серьезнейший ущерб.

Сталин повел бровями: мол, не ясно, почему же вред, да еще серьезнейший.

Уловив это движение, Гусаров продолжал свою мысль:

— Это тем более недопустимо в нынешней обстановке, когда не исключена война.

Раскуривая трубку, Сталин задумался. Не глядя в сторону Гусарова, спросил, почему он считает микулинские моторы плохими.

— Я так не считаю, но наш лучше. Он будет иметь развитие. Кроме того, кадры истребительной авиации воспитывались на моторах воздушного охлаждения. И еще: моторы водяного охлаждения — уязвима цель даже для пулеметного огня.

Сталин возразил: при больших скоростях пулевое попадание маловероятно.

Гусаров не решился углубляться в эту область. Он привел другой довод:

— Двигатели Микулина потребляют много воды. Очевидно, это приемлемо не для каждого театра военных действий.

Показалось, что Сталин пропустил это мимо ушей. Не медля, он сказал, что все же придется отказаться от моторов воздушного охлаждения.

Спросить бы его, почему... Но Гусаров понимал, что задать такой вопрос невозможно. И тогда он заговорил о новом двигателе Швецова, выложив основные характеристики.

Сталин его не прерывал, но, выслушав, повел головой: не убедительно.

Собственно, беседа на этом можно было считать оконченной. Других доводов у Гусарова не было. Он понял, что его надежда добиться отмены решения по заводу рушится. Кровь прилила ему к лицу, перед глазами повисла оранжевая пелена. «Только бы не упасть», — промелькнуло в сознании.

Ему удалось себя побороть и, отчаявшись, он решил на последний шаг — сам обратился с вопросом:

— Товарищ Сталин, сколько вы сможете нам дать станков на перестройку? — Сам же ответил: — Двести, ну, триста единиц в год? А понадобится, — он назвал огромную цифру, которой вовремя запаса, — вот сколько. Ведь у Швецова «звезда», для нее нужны карусельные станки, а для двигателей Микулина продольные. Товарищ Швецов прибил тоже, он мог бы осветить этот вопрос глубже.

Опять показалось, что Сталин не слышал этих слов. Он несколько раз прошелся по кабинету, держа на отлете трубку, погруженный в свои думы. Подойдя к столу, прикоснулся к кнопке звонка.

Тотчас в кабинет вошел Швецов. Сталин пригласил сесть и сразу же задал вопрос: в чем преимущество моторов воздушного охлаждения?

Аркадий Дмитриевич выпрямился в кресле. Задумавшись на мгновение, он привел первый довод.

Сталин прервал его: Гусаров об этом уже говорил.

Последовал другой довод.

Сталин опять прервал: и об этом говорил Гусаров.

Зардевшись, Аркадий Дмитриевич сказал: — Я не слышал, о чем говорил товарищ Гусаров.

Еще один вопрос задал Сталин: в случае перестройки, сколько потребовалось бы единиц оборудования?

Швецов повторил цифру, названную Гусаровым.

Приблизившись к столу, Сталин позвонил опять.

В кабинет вошли Молотов, Вознесенский, другие члены Политбюро и нарком авиационной промышленности Шахурин. Тут же было решено отменить ранее принятое постановление.

Знакомый автомобиль увез Гусарова и Швецова в гостиницу. На коротком пути они не обмолвились ни словом, каждый переживал только что случившееся. Лишь когда лифт поднял их на десятый этаж и они очутились вдвоем, Гусаров обнял Аркадия Дмитриевича, поздравил со счастливым исходом.

Невыспавшиеся, с красными от бессонной ночи глазами явились они утром в ресторан. Удивляя друг друга волчьим аппетитом, съели и выпили все, что было на столе. Тут же развернули свежие газеты и прочитали сообщение о состоявшемся вчера в Кремле приеме выпускников военных академий.

На этом приеме с сорокаминутной речью выступил Сталин. Он призывал к повышению боевого мастерства и готовности к отражению агрессии.

22 мая двухрядная звезда успешно прошла государственные испытания.

22 июня началась война.

Война!

Вырвавшись из уличных репродукторов, тяжкая весть заметалась по городу. Она ворвалась в тихие квартиры и шумные общежития, в гудящие цеха и кинозалы. В считанные минуты город примолк, стал строже.

Жизнь менялась на новый лад не сразу, но день ото дня. Вырастали очереди у районных военкоматов, дюжие сержанты, играя в бравых командиров, вели перекличку с прибаутками: «Пьянков! — Я Пьянков! — Ясное дело, ты Пьянков, а не я». Очередь отзывалась сдержанным смехом.

Появились хлебные карточки. Потеснили школу — здание заняли под госпиталь. Прибыли первые эвакуированные, измученные долгой и опасной дорогой, робкие в чужом городе. Необходимостью стали сообщения Совинформбюро. Почтальоны принесли первые похоронки.

В кабинете главного конструктора слышен несмолкаемый гул цехов и приглушенный в испытательных камерах рев моторов. Новый двигатель уже поставлен на поток. Забылись треволения последних месяцев, без остатка исчезла горечь тех дней. Мысли заняты другим, на первом плане теперь нужды фронта.

Пожалуй, первым, кого заинтересовала двухрядная звезда Швецова, оказался Андрей Николаевич Туполев. Он построил скоростной двухмоторный бомбардировщик, поставил на него двигатель водяного охлаждения, но едва получила «добро» двухрядная звезда, Туполев заменил ею прежнюю силовую установку. И вот новый скоростной бомбардировщик взят на вооружение.

Конструкторы в радостном настроении: начало положено. И какое начало! Конечно, теперь не время для самолюбования, но все же невозможно не оценить то, что сам Туполев предпочел швецовскую «воздушку» микулинской «водянке».

Рабочий день в конструкторском бюро смыкается с новым, завтрашним днем. Сотрудники берут пример с главного. Швецов заполночь сидит над проектами, а наутро его видят свежим, энергичным, как будто не прожиты утомительные сутки. Устают, изнашиваются машины, но человек не должен, не имеет права устать в это грозное время.

В конце сорок первого года ученик Туполева Владимир Михайлович Петляков сообщил Швецову о своем новом замысле. Он решил модифицировать скоростной четырехмоторный бомбардировщик, созданный в свое время на базе туполевского АНТ-42. В первом варианте был поднят «потолок» машины и увеличена скороподъемность. Теперь Петляков задумал повысить скорость и увеличить дальность полета, для чего и хотел использовать двухрядную звезду.

Аркадий Дмитриевич одобрительно отнесся к идее Петлякова, обещал ему всяческое содействие. Они договорились о встрече, которая могла бы принять окончательное решение.

Но этой встрече не суждено было состояться. Через несколько дней после нового года, шестого января, Петляков погиб в авиационной катастрофе. Его идею взяли осуществить товарищи по конструкторскому бюро. С новыми моторами скорость бомбардировщика превысила 450 километров в час, а дальность полета достигла 6000 километров. В таком виде Пе-8 был принят на вооружение бомбардировочной авиации.

Теперь уже многие самолеты с двигателями Швецова сражались на фронте: поразительно выносливый старичок У-2, служивший транспортной и санитарной машиной, высокоманевренный истребитель «Чайка», прославившийся еще на Халхин-Голе, скоростные бомбардировщики ТУ-2 и Пе-8. Тем временем коллектив КБ завершил работу над первой модификацией двигателя М-82. Новым мотором предстояло оснащать новейшие истребители.

В напряженной работе для фронта, целиком поглотившей силы, встретил Аркадий Дмитриевич свое пятидесятилетие. В день рождения, двадцать пятого января, первым его поздравил Гусаров. Он приехал в КБ, обнял и расцеловал Швецова, а потом, став вдруг строже, достал полученную накануне телефонограмму и зачитал ее вслух: «За выдающееся достижение в области авиационного моторостроения, поднимающее оборонную мощь Советского Союза, присвоить звание Героя Социалистического Труда и вручить орден Ленина и золотую медаль «Серп и молот» конструктору товарищу Швецову Аркадию Дмитриевичу».

Аркадий Дмитриевич был растроган до слез.

Письма, телефонные звонки, телеграммы — в этот день от них не было отбоя. Юбиляр, вконец смущенный, не знал куда деться. Едва он уединялся в кабинете, чтобы прийти в себя за каким-нибудь расчетом, растворялась дверь и появлялся кто-то из заводских или из КБ, кто до той поры был очень занят и еще не успел поздравить главного.

Наутро Указ был опубликован в газетах, а через несколько дней почта принесла Швецову первые письма с фронта.

Аркадий Дмитриевич никогда не служил в армии, он и сейчас находился далеко от линии фронта. Может быть, поэтому ему были особенно дороги короткие и сердечные фронтовые приветы.

Нет, он не писал патетических заявлений с просьбой направить его в действующую армию. Для конструктора с мировым именем это было бы нелепо. Но в тревожное время, когда наши войска вынуждены были отступать, он многое отдал бы, чтобы находиться на фронте.

Это чувство сладилось в тот день, когда Аркадий Дмитриевич получал высокую награду. В зале сидели фронтовики, быть может, он один был штатским. Но когда заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР Алексей Егорович Бадаев назвал имя Швецова, боевые командиры откликнулись горячими аплодисментами. Так они встречали своего брата-фронтовика, получавшего высшие награды. Знаменитый конструктор был для них своим.

В самом начале сорок второго года конструкторское бюро Семена Алексеевича Лавочкина представило на государственные испытания новый истребитель Ла-5 с двухрядной звездой Швецова. Лавочкин выбрал модифицированный вариант двигателя, который шел под маркой М-82А. На испытаниях машина показала себя великолепно. Высокая скорость, хороший вертикальный маневр — все это было у нового истребителя. К тому же звездобразный двигатель Швецова был мало уязвим для пуль и осколков и являлся как бы броневой защитой для летчика.

На Ла-5 летчики не боялись лобовых атак. Выяснилось, что по скорости он на сорок-пятьдесят километров в час превосходит немецкий серийный истребитель Ме-109Г. Фашистские «мессеры» не выдерживали схватки с Ла-5.

Двухрядная звезда Швецова была словно рождена для истребителя Лавочкина. К ней пришла вторая слава, которую породила невиданная живучесть мотора. А что может быть для летчика важнее надежного двигателя? Вот и шли с фронта письма, похожие на легенды.

«3 сентября на самолете мл. лейтенанта Ходука снаряд пробил всасывающее сопло и разорвался под дроссельными секторами карбюратора. Сектора заклинились. Второй снаряд пробил крышку клапанной коробки цилиндра, разорвался и осколками пробил всасывающий и выхлопной патрубки четырех цилиндров. Третий снаряд пробил патронный ящик, всасывающий патрубок цилиндра № 10. Но мотор работал нормально и летчик прилетел на свой аэродром, покрыв расстояние в восемьдесят километров от места боя».

Сталинская премия первой степени, которую получил Аркадий Дмитриевич, была наградой за его двухрядную звезду. Но когда в конце весны ему вручили диплом лауреата, мысль его уже была занята второй модификацией. Никто лучше самого конструктора не знал, что схема двигателя таит такие возможности, которые могут дать истребителю еще большую скорость. В воздушном бою это было главным.

Завод, между тем, увеличивал выпуск моторов для Ла-5. На фронте не хватало истребителей, а здесь, в тылу, не хватало рабочих. Мно-

гие опытные рабочие ушли на фронт, их заменили женщины, подростки. Связи с поставщиками, сложившиеся до войны, теперь были нарушены, приходилось рассчитывать на собственные силы. И в этих условиях Аркадий Дмитриевич упорно улучшал свою «звезду».

М-82ФН — так назывался новый двигатель. Внешне похожий на прежние моторы, М-82ФН в то же время имел существенное отличие. Аркадий Дмитриевич убрал карбюратор и вместо него установил аппаратуру непосредственного впрыска горючего в цилиндры.

В те дни с фронта привезли немецкий авиационный мотор. Аркадий Дмитриевич распорядился, чтобы ведущие конструкторы ознакомились с двигателем, который без меры восхваляли немецкие летчики. Стоял жестокий мороз, и мотор двое суток оттаивал в сборочном цехе, да так до конца и не оттаял. Но, стремясь быстрее выполнить приказ главного, рабочие принялись за дело.

Все казалось необычным и новым. Начать с того, что ни один ключ не брал гайки. Приспособив деревянные колотушки, в кровь обдирая руки, сборщики сняли серо-зеленые крышки, обнажив чрево двигателя.

Когда мотор был разложен по косточкам, собрались ведущие конструкторы. Они долго глядели на детали, о чем-то переговариваясь, потом разошлись.

Появился Швецов. Он тоже внимательно осмотрел узлы, наклонялся к ним с разных сторон, не прикасаясь руками, словно боясь заразиться, и, уходя, сказал сборщикам:

— Наш будет лучше.

Главный не бросал слова на ветер. М-82ФН на испытаниях показал блестящие возможности. По мощности — 1850 лошадиных сил — он превзошел все прежние моторы Швецова.

Лавочкин ждал окончательных результатов. Как только государственная комиссия приняла мотор, он установил его на свой истребитель в новом варианте. Теперь это был Ла-5ФН, отличавшийся еще большей горизонтальной и вертикальной скоростью. А в следующем, сорок третьем году появился Ла-7, и тоже со швецовской двухрядной звездой. И в том же, сорок третьем, конструкторское бюро Швецова было награждено орденом Ленина.

Смерть Поликарпова

Просторный рабочий кабинет главного конструктора служит одновременно залом заседаний. В глубине массивный письменный стол, перед ним два кресла, между которыми на круглом столике модель авиадвигателя. В углу, сверкая золотым шитьем, стоит красное знамя с орденом Ленина.

Сегодня пятница — день, когда в КБ проводятся оперативные совещания. Приглашены конструкторы, начальники отделов и цехов — за тридцать человек. Как всегда, совещание ведет главный. Под рукой у него журнал, в котором записано «что было, что есть, что будет». Эту всезнающую книгу конструкторы между собой называют кондуитом.

Все напоминает штабную обстановку. Четко, без лишних слов докладывают ведущие положение по отдельным узлам нового двигателя.

Сначала они говорят о том, что уже сделано, под конец приберегают «тормозящие факторы». Главный не перебивает, слушает с вниманием, и лежащий перед ним блокнот быстро заполняется пометками.

Ведущие готовы к любым вопросам. Они знают, что Аркадий Дмитриевич не только питает слабость к людям своей профессии, но предъявляет к ним жесткие требования: конструкторы должны досконально знать обстановку, вплоть до того, как проходит обработку деталь в механическом цехе. Иной раз надо бы спросить с диспетчера, а он — с конструктора.

Совещание продолжается. Очередной ведущий приступает к «тормозящим факторам». Видно, он тщательно их подобрал, потому что говорит с легкостью необыкновенной. И заканчивает тоже легко и просто:

— Дефект в металле — грех, как известно, металлургической службы.

С этого «вывода» и начинает свое слово Швецов. Не хуже ведущего он знает, что подвела металлургическая служба, но этот тревожный факт в его представлении выглядит по-иному. В авиационной технике не может быть «моих» грехов и «ваших». Обнаружен дефект, значит общая тревога, общая забота. Она касается всех и каждого.

— Так почему все-таки в металле дефект?

Молчит конструктор, поставленный в тупик простым вопросом. Иной, быть может, стал бы юлить, брать причины с потолка, но в КБ первейшее правило — правдивость и объективность. И он отвечает:

— Мною не выяснено. Виноват, Аркадий Дмитриевич.

Швецов чуть заметно улыбается: хорошо и то, что, забыв одно правило, человек не забывает другое.

Ему нравились люди большой наступальной энергии, которые ни при каких обстоятельствах не впадали в уныние и растерянность. Однажды с группой ведущих Швецов пришел на участок. Заложив руки за спину, он наклонился к станкам, всматриваясь в заготовки, поступившие на обработку. На участке царило приподнятое настроение — люди «болели» новым двигателем. Привычный глаз отмечал хороший ритм. И вдруг — застопорилось. Кто-то из рабочих обнаружил, что маленькая шайбочка оказалась размером чуть больше положенного. Тотчас же она пошла по рукам конструкторов, и каждый, в общем-то верно, стал говорить, что надо убрать, сточить два миллиметра. Эти словопрения грозили затянуться, и когда шайба дошла до конструктора Манюрова, он надел ее на палец, пошел к наждаку — и сточил.

Швецов рассмеялся:

— Ай да Нурий Нуриевич!

Это была похвала находчивости.

А рабочий, взяв эту шайбу, бросил ее в ящик со стружкой. То, что прозвучало похвалой одному, было упреком другому.

После совещания — почта. Письма с фронта Аркадий Дмитриевич читает в первую очередь.

«...В июле 1944 года эскадрилья самолетов, оснащенных мотором конструкции Аркадия Дмитриевича Швецова, получила задание: патрулировать переправу через реку Неман, подвергавшуюся непрерывным атакам немецких самолетов.

Наши самолеты ежедневно делали по 6—8

боевых вылетов. Несмотря на такую огромную нагрузку, моторы работали безотказно! За 7 дней боев над Неманом эскадрилья сбила 56 немецких самолетов».

Отложив письмо, Аркадий Дмитриевич распахнул окно, расстегнул ворот гимнастерки. Душный день клонился к закату, и высокое безоблачное небо наливалось густой синевой, струило прохладу. В эти часы таили случайные дневные шумы, слышен был только привычный голос завода.

Аркадий Дмитриевич придвинул к себе настольный календарь, бегло просмотрел записи и облегченно откинулся в кресле. День прошел в адском напряжении сил, впереди еще долгие часы ночного бдения, но исчезает эта тяжесть, когда подумаешь, сколько удалось сделать. Велик ли возраст КБ? Кажется, совсем недавно он слышал, как один доморощенный остряк, глянув на синюю табличку с этими буквами, расшифровал их: «Как бедно!» Да, было очень бедно. На первых порах даже как-то не верилось, что все это настоящее.

Потом пришли новые времена, а с ними свои трудности. Любой экзамен не прост, а тут — война. Фронт требует все новых моторов. То, что было приемлемо вчера, сегодня должно быть коренным образом улучшено, а завтра доведено до совершенства. Да и война, видно, скоро кончится и уже пора бы подумать о том, что потребуется в мирной жизни.

Эта мысль напомнила о том, что через несколько дней он будет далеко от дома, в подмосковных Подлипках. Гусаров и нарком Шахурин уговорили его отдохнуть, первый раз за время войны. Чертовски некогда, но надо, они правы. Ведь «моторесурс» сердца не беспределен.

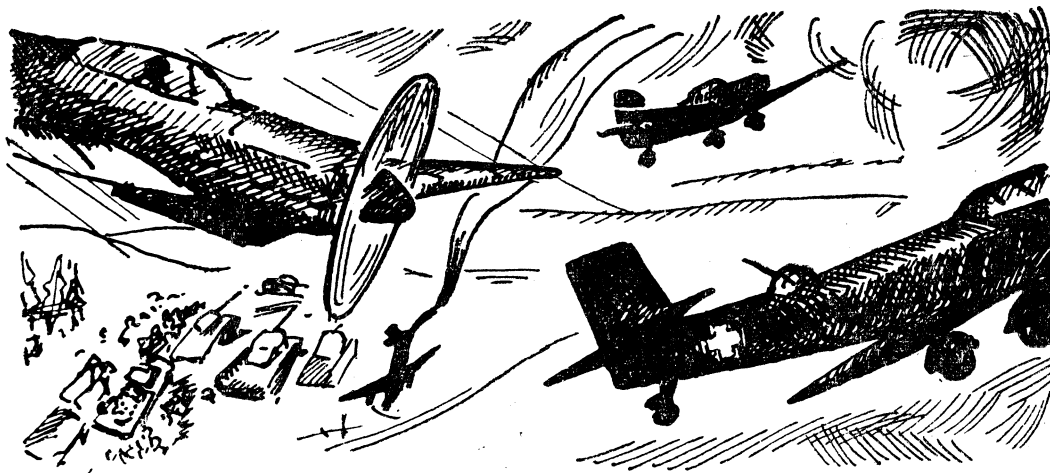
Вторично эта мысль появилась через два дня, когда пришло известие о кончине Николая Николаевича Поликарпова. Невозможно было поверить в то, что больше нет этого талантливого, обаятельного человека, с которым Швецов так много связывало. Казалось, он унес с собою часть и его жизни.

Не забыть мудрых слов Поликарпова: «Каждый из нас, конструкторов, стремится к тому, чтобы его машина как можно дольше оставалась морально молодой. Но это случается лишь с теми конструкциями, которые можно все время путем модификации держать на уровне современной мировой техники».

По сути дела модификация — продолжение конструирования, только в форме, более выгодной для промышленности».

Это не умствование почтенного мэтра и не просто отточенная фраза. Сам же Поликарпов доказал жизнеспособность своего принципа. Взять его У-2. Наверное, и конструктор не смог бы точно назвать число модификаций этой машины. В какой только упряжке не довелось побывать славной «уточке»? Лучший в мире учебный самолет, лесной патруль, скорая помощь, удобритель и опылитель посевов, морской рыбооразведчик, искатель обрывов высоковольтных линий, борец против саранчи и малярийного комара, даже воздушный «волкодав». А началась война, и стал У-2 связным и санитарным самолетом.

Но Поликарпову все было мало. Он нашел своей «уточке» еще одно, куда более сложное применение, обратив ее в легкий ночной бомбардировщик. Именно ночной, ибо при свете дня такая роль ей бы никак не подошла.

В темноте же, выключив двигатель и планируя что называется над головой противника, пилоты У-2 кидали бомбы с прицельной точностью. Им было видно все: и блеск карманного фонарика, и даже огонек папиросы. «Рус-фанер», «кофейная мельница», как называли поликарповскую машину немцы, наводила на них суеверный ужас. Они сами сочинили легенду о бесшумном советском самолете, который ночами зависает над их позициями, и, сбросив бомбовый груз, дает «полный назад». Превосходный штурмовичок получился из старого самолета Поликарпова с первым двигателем Швецова.

Это был беспрецедентный по долголетию опыт содружества двух конструкторов — самолетчика и моториста. Начавшись еще в их молодые годы, оно не прекращалось до последних дней. Что-то

около года назад Николай Николаевич приспособил свой У-2 под ночной артиллерийский корректировщик, а Аркадий Дмитриевич по такому случаю поставил на двигателе выхлопной коллектор с глушителем. А совсем недавно, уже в сорок четвертом году, Николай Николаевич построил опытный экземпляр У-2ГН («Голос неба»), на котором оборудовал радиостанцию с мощным громкоговорителем. По мысли конструктора, его машина должна была стать воздушным парламентом.

Что и говорить, это Поликарпов сделал стойким солдатом дорогой сердцу Швецова М-11. Но только ли его? Двухрядная звезда тоже многим обязана этому удивительному человеку. Ведь она отработывалась и доводилась на так и не увидевшем крупной серии И-185 — последнем истребителе Поликарпова...

Генеральный конструктор

Несколько недель, прожитых в Подлипках, пролетели почти незаметно. В доме отдыха работников авиапрома строгим распорядком не докучали. Задумчивый, чуть грустный сосновый бор словно переносил в другую жизнь. Просто не верилось, что где-то гремит война, бессонно работают заводы и вообще существуют какие-то сложности.

Двадцатого августа, выйдя к завтраку, чета Швецовых неожиданно оказалась в центре внимания. Только что радио сообщило, что Аркадий Дмитриевич награжден орденом Суворова и ему присвоено звание генерал-майора. Все, кто был за столом, шумно его поздравляли. Аркадий Дмитриевич был смущен и растерган. Необходимое по такому случаю ответное слово у него не получилось, он лишь сердечно пожимал тянувшиеся к нему со всех сторон руки.

Если бы Аркадию Дмитриевичу, человеку ни коим образом не военному, когда-нибудь сказали, что он станет генералом и будет награжден полководческим орденом, он счел бы это за неудачную шутку. Судьба не раз намеревалась

сделать его солдатом, но все что-нибудь да мешало. Когда началась первая мировая война, двадцатидвухлетний Швецов работал на заводе «Динамо», который обслуживал армию, и это освобождало его от призыва. Не пришлось ему побывать и на гражданской войне — в тылу техник-конструктор был нужнее. Его с радостью бы зачислили в Военно-Воздушную академию, где он руководил дипломным проектированием, но в нем восстал конструктор, опасавшийся потерять возможность творчества.

И вот теперь он генерал. Таково требование времени. Если позволительно проводить параллели, то это означает, что КБ приравнивали к крупному воинскому соединению. Конструкторы, и без того работающие не за страх, а за совесть, теперь и впрямь почувствуют себя мобилизованными. Что же, пусть будет так. В конце концов дело не в форме, а в сути. Суть же сводится к тому, что на КБ возлагаются большие надежды.

Все же когда кто-то из конструкторов назвал главного «товарищ генерал», Швецов поморщился. Он не был честолюбив и для своих товарищей

оставался прежним Аркадием Дмитриевичем. Они, товарищи его, тоже понимали, что там, где замешано честолюбие, нет места чистосердечию. А их главный был человеком большого и чистого сердца.

В начале сорок пятого Аркадий Дмитриевич переживал кризис. Он понимал, что настала пора для нового качественного скачка. Ему все чаще вспоминался очень давний, но не забытый разговор в старом московском сквере с покойным Фридрихом Артуровичем Цандером...

В тот день, когда Аркадия Дмитриевича назначили главным инженером «Мотора», он долго засиделся в кабинете. Уже темнело, когда он, наконец, выбрался с завода. Сразу за Семеновской заставой сел в пролетку и вышел в центре, у консерватории. Огромные афиши зазывали на концерт, который давал в Большом зале Константин Игумнов. Было заманчиво послушать Чайковского в исполнении знаменитого пианиста, и Аркадий Дмитриевич направился к билетным каскам.

Неожиданно кто-то положил ему на плечо руку. Обернулся — Цандер.

— Фридрих Артурович!

В среде московской интеллигенции Цандера знали как одержимого ракетной техникой. Уже два года он работал в конструкторском отделе «Мотора» под началом Швецова, но Аркадий Дмитриевич старался не загружать его текущими делами. Цандер больше занимался собственным проектом ракетного двигателя, и виделись они редко.

— Решил немного развеесться, послушать Первый концерт, — сказал Цандер.

Аркадий Дмитриевич улыбнулся:

— С помощью Игумнова хотите посетить космос?

Глаза Цандера стали серьезными. Он взял за пуговицу собеседника и, раскручивая ее, предложил: «Быть может, проведем вечер вместе?»

В консерваторию они не пошли. Сами того не замечая, очутились на улице и медленно побрели вперед. В многолюдном сквере выбрали дальнюю тихую скамейку.

— Что нового на «Моторе»? — поинтересовался Цандер и, не ожидая ответа, горячо сказал:

— Мечтаю дожить, когда и мои идеи нагрянут на какой-нибудь завод.

Великий мечтатель! Так он и не дождался того дня, когда его идеи «нагрянут на какой-нибудь завод».

Но какое поразительное совпадение! Разговор с Цандером происходил в феврале двадцать четвертого года, а в феврале сорок пятого Аркадий Дмитриевич прочитал в газетах:

«24 февраля летчик дважды Герой Советского Союза Иван Кожедуб в воздушном бою уничтожил немецкий реактивный истребитель Me-262. Победу обеспечили блестящее мастерство летчика и исключительные качества самолета конструкции Лавочкина».

Аркадий Дмитриевич гордился, что его двухрядная звезда победила в схватке с реактивным мотором. Но была в этой радости и горечь: идеями Цандера воспользовался Мессершмитт.

Да, авиация стоит на пороге новой эры — в этом он не сомневался, как ни на минуту не сомневался в том, что его КБ в стороне не останется. Что из того, что всю свою жизнь он посвятил поршневым моторам? Их роль невозможно отрицать, это целая эпоха. Но неумолимый прогресс

рано или поздно отвергнет поршневые двигатели, заставит их уступить место реактивным. Конечно, это произойдет не сразу, постепенно. Наверняка наступит такое время, когда рядом с реактивными будут летать и поршневые. Возможно даже, что это продлится довольно долго, несколько десятилетий. Но новое все равно возьмет верх. Такова логика жизни.

Эта мысль уже не покидала Швецова.

Однако стратегия, которую Швецов избрал после войны для своего КБ, могла показаться не наступательной и даже излишне осмотрительной. В то время, как в других крупнейших конструкторских центрах свертывали работу по проектированию поршневых двигателей и настраивались на реактивную технику, он решил вести дело параллельно.

Это было продиктовано отнюдь не боязнью новизны, а как раз тем соображением, что переходное время продлится не год и не два и поршневые двигатели будут нужны еще долго. Вот и взял Аркадий Дмитриевич на себя роль некоего буфера между нынешним и будущим.

Он решил продолжать проектирование поршневых моторов большой мощности и одновременно начать работу в области реактивной техники. Не «или-или», а «и то, и другое».

Из новой стратегии Швецова вытекала новая тактика. Конструкторы почувствовали, что курс на широкий профиль, взятый главным еще накануне войны, не только не ослабел, а, наоборот, стал более твердым. С неизменной деликатностью он давал понять, что время узких специалистов уходит в прошлое. Конструктор должен досконально знать дело и в то же время быть на уровне своего времени. Нельзя быть талантливым и узкобытым одновременно, нельзя хотя бы потому, что для этого нужно существовать за двоих.

Как-то Аркадий Дмитриевич сам предложил для нового двигателя газораспределитель с поводом. Все было хорошо, но газораспределитель не оправдал себя: во время испытаний он всякий раз выходил из строя после пяти-шести часов работы. Чтобы исправить положение, конструктор Созонов сделал другой распределитель, очень простой по идее. Начальник расчетной бригады Тихонов познакомился с конструкцией и решил, что работа Созонова вполне приемлема.

Швецов находился в командировке, и оба инженера пришли к его заместителю, чтобы договориться о проведении испытаний. Тот долго не соглашался, намекая на возможное недовольство главного, но под конец уступил.

Испытания прошли успешно, а через два дня приехал Швецов. Совершая обход опытных цехов, он обнаружил новый распределитель.

— Что это?

— Это Созонов и Тихонов...

Обоих конструкторов Аркадий Дмитриевич пригласил в кабинет.

— Конечно, очень отрадно, что мы получили новый газораспределитель, — начал Швецов. — От души поздравляю! Но как вы могли отмахнуться от газораспределителя, который хромал? Он ведь работал почти шесть часов. А почему не смог работать дольше? Что ему мешало? Вы узнали? Сегодня мы отмахнемся от одного, завтра от другого, а что будет послезавтра? Возьмите Толстого, он переписывал «Анну Каренину», если не ошибаюсь, десяток раз. Нам, конструкторам, совсем не грешно у него поучиться.

Такие требования в пору было предъявлять не

конструкторам, а исследователям. Но Аркадий Дмитриевич считал, что широкий профиль — это не фраза. Образованный конструктор должен быть и исследователем. Тогда и неудачи обернутся удачами: изучить природу заблуждения необходимо хотя бы для того, чтобы впредь его не допустить.

В разгар работы над новым сверхмощным двигателем в КБ пришло постановление правительства о назначении Швецова Генеральным конструктором. К этому времени практически только один он занимался проектированием поршневых двигателей, и высшее конструкторское звание как бы подтверждало правильность намеченной им линии.

Его самолет не знал отдыха. Неотложные дела звали Генерального конструктора в разные города страны. Летчики, на чьем попечении был самолет, шутили: «Дед становится пассажиром-миллионером».

Но где бы ни был Аркадий Дмитриевич, сердцем он всегда тянулся к своим старым товарищам, с которыми так много было связано. Едва самолет опускался на знакомом аэродроме, он пересаживался в «победу» и говорил шоферу: «Домой». Это значило — на работу, в КБ, и, научившись понимать человеческое нетерпение, шофер гнал машину на страх милиционерам.

Высокое положение Генерального конструктора не изменило Швецова. Многим, правда, казалось, что он стал замкнутым, но такое впечатление создавала его привычка немногословно, скупыми словами выражать свои мысли и говорить вслух только тогда, когда мысль окончательно сложилась.

И суровость его тоже была кажущейся. Маскированная фигура, облаченная в генеральский мундир, медленная поступь, тяжелые надбровья, нависшие над внимательными глазами, — все это составляло в сущности очень доброго, нежного к людям человека. И главное — справедливого.

Многим в КБ запомнилась история с одним приказом. Как только он поступил из министерства, Швецов написал резолюцию и указал исполнителя — опытного конструктора, всегда отличавшегося аккуратностью. Через полгода из министерства запросили справку о принятых мерах. Аркадий Дмитриевич пригласил конструктора и, к удивлению своему, услышал, что тот с приказом не знаком.

По просьбе главного книгу «входящих» принесли в кабинет и положили ему на стол. Он вновь напомнил свою резолюцию и скопил глаз: есть ли на полях подпись конструктора? Увидел, что есть, и спросил:

— Значит, не подписывали?

— Нет.

— А это не ваша подпись?

— Это? М-моя... Но, очевидно, мне приказ где-нибудь на ходу сунули, я и подмахнул. И за был. Хотя нет, требование приказа нами было выполнено еще до его получения.

Аркадий Дмитриевич смягчился.

— Память так или иначе надо укреплять. Дарвин советовал с этой целью слушать музыку и читать поэзию. Я строжайше следую его совету и рекомендую всем.

Осталась позади работа над новым двигателем. Это был АШ-73ТК, мощный высотный мотор с турбокомпрессором. Его мощность — 2400 лошадиных сил, высотность — более 10000 метров. Виднейшие специалисты дали высокую оценку новому двигателю. Туполев поставил его на свой знаменитый Ту-4. Быть может никогда еще авторитет швецовского КБ не был так велик в авиационных кругах.

В четвертый раз Аркадий Дмитриевич был удостоен Сталинской премии. Ему присвоили звание генерал-лейтенанта инженерно-технической службы. Он был в зените славы. Но он по-прежнему оставался простым и внимательным человеком. Однажды Швецов получил письмо, которое в ином месте без раздумий бросили бы в корзину. Автор, житель Кунгура, сообщал: «С 1925 года занимаюсь вечным двигателем...» Но Аркадий Дмитриевич разглядел между строк, что «изобретатель» отнюдь не страдает сумасбродством, а просто не знаком с основами физики. Вызвал стенографистку, продиктовал ответ, в котором кратко изложил неизбежность закона сохранения энергии, но потом подумал: «А что, если это письмо не убедит человека? Так и будет он впустую расходовать энергию беспокойного своего ума».

Случилось, конструктор Манюров собрался побывать по личным делам в Кунгуре, и Швецов попросил зайти к «изобретателю» и все растолковать.

Возвратившись из поездки, Манюров шутиливо доложил: «Все в порядке, вечного двигателя не будет».

Новый барьер

Да, Аркадий Дмитриевич был в зените славы. Когда в сорок седьмом году гражданская авиация испытывала большие трудности и конструктор Олег Константинович Антонов, угадав требование времени, создал легкую машину, за двигателем он обратился к Швецову. Новый самолет с давно испытанной швецовской звездой метко окрестили воздушным извозчиком. Десятиместный неприхотливый к аэродромам АН-2 и впрямь стал «межрайонным извозчиком».

Много лет спустя поэт Николай Грибачев посвятил самолету Антонова свои стихи.

¹ После этого двигателям А. Д. Швецова был присвоен индекс АШ — «Аркадий Швецов».

Аэродром скрипуч, морозен, бел,

АН-2 почти до сердца задубел...

«Сердце» в этом самолете было надежное.

Обратился за двигателем к Швецову и другой авиаконструктор — Ильюшин.

Внешне они были полной противоположностью: невысокий, чуть сутулый Ильюшин и высокий, юношески стройный Швецов. Но что внешность? Эти разные с виду люди во многом походили друг на друга: оба исключительно скромные, даже застенчивые. И оба удивительно прозорливые.

Задание правительства создать машину, которая могла бы обслуживать дальние трассы, было предельно срочным, и в их конструкторских

бюро все было подчинено скорейшей разработке новых проектов.

Они начинали не на пустом месте. На трассах Аэрофлота уже несколько лет курсировал пассажирский ИЛ-12 с двигателем АШ-82. Свою машину Ильюшин спроектировал в конце войны и выбрал для нее двухрядную звезду Швецова. Опыт содружества у них был, но теперь от конструкторов ждали такой самолет, который бы не уступал пассажирским машинам именитых зарубежных авиакомпаний.

Опыт подсказал Ильюшину кратчайший путь к цели: модифицировать ИЛ-12. Это далеко не просто, но все же проще, нежели создавать новую конструкцию. Модифицированный самолет куда быстрее попадает с завода на аэродром.

И Швецов пошел по пути модификации. На основе своей двухрядной звезды он спроектировал мотор АШ-82Т. Форсированный двигатель с турбокомпрессором.

Настал день, когда новый пассажирский лайнер ИЛ-14 поднялся в воздух. Это был двухмоторный моноплан с низкорасположенным крылом. На его борту размещалось тридцать два пассажира и свыше полутонны багажа. Множество похвал вызвала надежность машины: она могла продолжать полет при остановке одного из двигателей, она была начинена радиоаппаратурой, приборами для самолетовождения в сложных метеорологических условиях, автопилотом, осветительными средствами, противообледенителями. Но главное — скорость полета и дальность. Самолет развивал более четырехсот километров в час и мог покрыть расстояние около трех тысяч трехсот километров.

На ИЛ-ах наша страна вышла на международные авиалинии.

Задание правительства было выполнено.

А следом — новое.

Летом пятьдесят второго Аркадий Дмитриевич вызвали в Кремль и поручили спроектировать двигатель для вертолета. Определили жесткие сроки и сказали: мы отстаем в области вертолетостроения, крепко отстаем, и задача состоит в том, чтобы преодолеть отставание.

Предстояло работать в паре с известным конструктором вертолетов Михаилом Леонтьевичем Милем. С одной стороны, это облегчало дело, так как можно было опереться на большой опыт Миля, но с другой стороны, надо было дать такой двигатель, который бы удовлетворил взыскательным требованиям маститого конструктора.

У Миля был готовый проект двенадцатиместного одномоторного однороторного вертолета, его он и взял за основу будущей машины, Швецов, чтобы не отстать по срокам, тоже обратился к прежним своим проектам. Выбор пал на АШ-82, но его предстояло выпустить в совершенно новом варианте.

Аркадий Дмитриевич, естественно, знал каждый винтик в своем моторе. Но тут таилась и определенная трудность: все казалось устоявшимся, не подлежащим переделке. Надо было переломить себя, взглянуть на свое творение новыми глазами. И это ему удалось в полной мере.

Но эти срочные задания отодвигали работу над реактивным двигателем. Все чаще Аркадий Дмитриевич вспоминал слова Цандера: «...И мои идеи нагрывают на какой-нибудь завод». Идеи Цан-

дера давно проложили себе дорогу в другие КБ, только не в его, Швецова.

Но что из того, что здесь он окажется не первым?

Его люди и он сам все эти годы не сидели сложа руки. Да, они проектировали поршневые двигатели, но не благодаря ли этому другие КБ имели возможность заниматься двигателями реактивными?

Кто в проигрыше? Трудно сказать.

Кто в выигрыше? Авиация.

Когда речь идет о прогрессе, не до престижа отдельных личностей. Цандер — лучший тому пример. В тридцать втором году он создал группу изучения реактивного движения — ГИРД. Эти четыре буквы расшифровывали так: группа инженеров, работающих даром. Так оно и было: превыше всего люди ставили идею. Не это ли помогло им построить первую советскую ракету на жидком топливе?

Цандер не принимал участия в этой большой работе, его уже не было в живых. Ракету построили его ученики. Но что из того? Его идеи все равно проложили себе дорогу.

Незабываемый Фридрих Артурович... Как он мечтал о времени, когда его идеи нагрнут на какой-нибудь завод! Как он был бы благодарен Швецову за то, что получил возможность работать над своими проектами! И что бы он сказал, узнав, что почти три десятка лет спустя Швецов тоже собирается взяться за осуществление его, Цандера, идей? В опытных цехах сразу после войны был заложен реактивный двигатель большой тяги. Мало-мальский опыт есть. Но это только начало. Надо будет обстоятельно разработать план перехода КБ на новую технику. Это время не за горами.

Скорее в Москву! Обо всем договориться, все решить — и домой, за дело!

Вот только бы здоровье не подвело...

В начале 1953 года Швецовы приехали в Москву. Аркадий Дмитриевич угасал на глазах, но ни на день не прекращал работы. Бодрился и обещал жене, что как только закончит дела, поедет отдыхать, и даже наметил приблизительный срок.

Утром девятнадцатого марта Аркадий Дмитриевич был в министерстве, потом приехал на дачу...

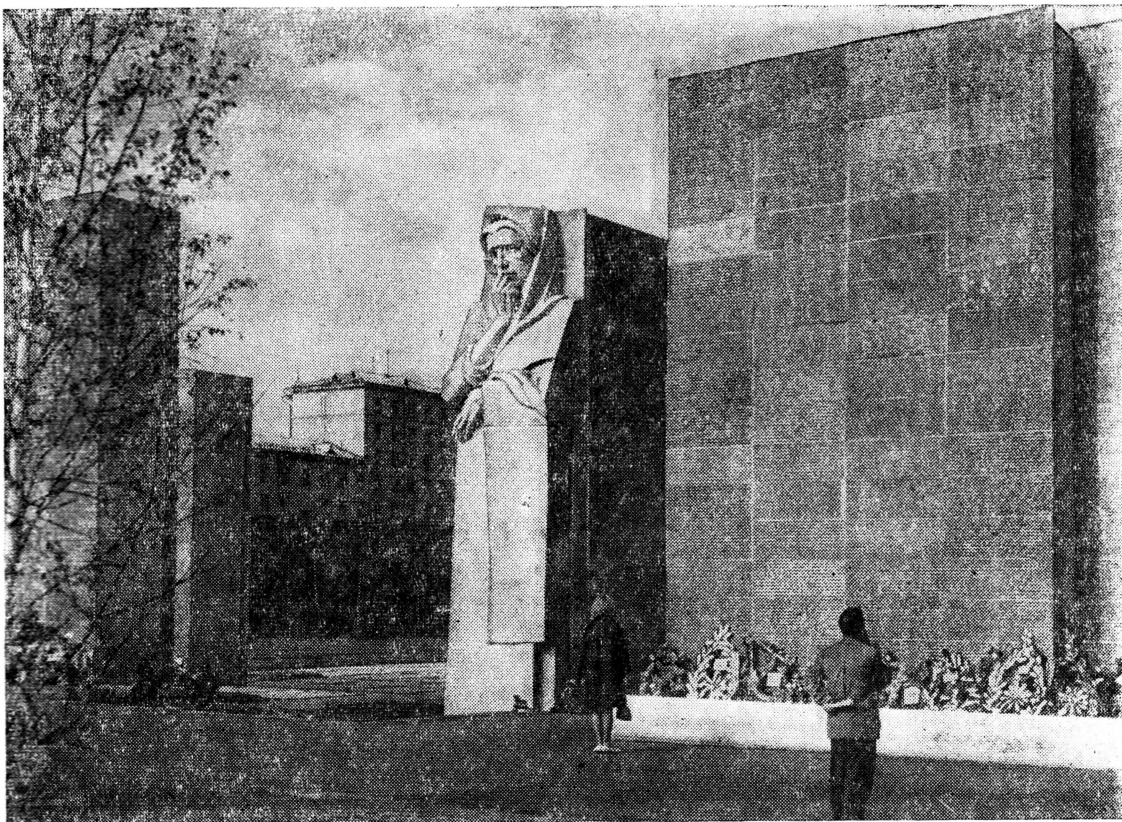
В тот же день на завод поступила телефонограмма: «Сегодня скончался Аркадий Дмитриевич Швецов. Гроб с телом будет установлен в здании министерства...».

Мартовская Москва прощалась с Аркадием Дмитриевичем Швецовым скорбно и мужественно, как прощаются с погибшими солдатами. Отдать последний долг человеку, посвятившему Родине всю силу ума и жар сердца, пришли тысячи людей, знавших и не знавших его, но одинаково хорошо понимавших тяжесть утраты.

В почетном карауле стояли его собратья по труду — прославленные конструкторы, создатели замечательных моторов, выдающиеся советские асы, друзья, с которыми он делил невзгоды и радость.

Троекратный ружейный залп огласил Новодевичье кладбище, принявшее на вечный покой Человека. И в ту же секунду над его могилой в голубом весеннем небе пронеслась красноезвездная птица, и песня ее стального сердца прозвучала гимном большой, яркой и неповторимой жизни.

ТРИДЦАТЬ ТЫСЯЧ ИМЕН

Во время Великой Отечественной войны рабочие Кировского района Новосибирска заложили на пустыре камень с надписью: «Здесь будет монумент Победы».

Спустя четверть века новосибирский художник-монументалист Александр Сергеевич Чернобровцев создал проект величественного памятника, который был открыт к пятидесятилетию Октября.

На огромной бетонированной площади высятся строгие пилоны. На сторонах, обращенных к улице, рельефы и надписи рассказывают о боевых подвигах наших воинов. В нижней части монумента хранится в урнах земля, обильно политая кровью героев-сибиряков, земля с осколками бомб и снарядов с Мамаева кургана, с Бородинского поля, из-под Ельни. Сюда приходят в дни праздников и торжеств рабочие, служащие, сту-

денты. Здесь проводят пионеры свои дружинные сборы. И в эти минуты звучат слова Горького: «Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!».

С другой стороны пилонов перед чашей Вечного огня стоит в печали «Скорбящая мать» (скульптор Борис Ермишин), а справа и слева от нее на пилонах фамилии павших в боях за Родину новосибирцев — тридцать тысяч имен.

Неиссякаем поток людей к монументу Победы. Они низко склоняют в молчании обнаженные головы и кладут к его подножию цветы. Весной здесь всегда подснежники, ландыши, тюльпаны, летом — букеты, гирлянды, венки с фотографиями. Глубокой осенью первый снег покрывает последние гвоздики.

Этому памятнику посвящают поэты свои стихи. Вот одно из них, написанное Ильей Фояковым:

Поэма в тридцать тысяч слов:
«Петров», «Сергеев», «Иванов» —
Фамилии простые,
Какие слышим каждый день
В любой — в любом — из деревень
И городов России.

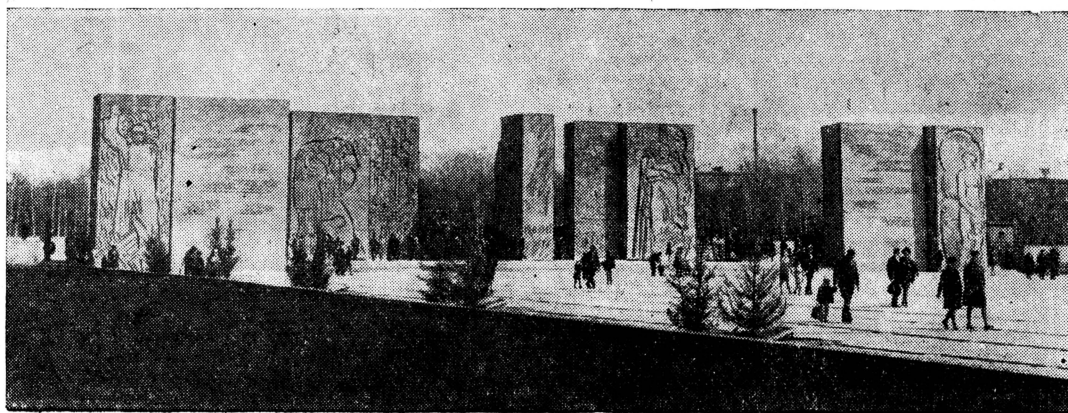
Ее не складывал поэт,
В ней рифмы нет, размера нет,
Тем паче — суесловья:
Величественна и трудна,
В дни битв и подвигов она
Писалась жаркой кровью.

В ней ясно слышится меж строк
Гуденье фронтовых дорог,
Рев танков, гром орудий.
В ней слово каждое болит,
В ней слово каждое велит:
«Не забывайте, люди!»

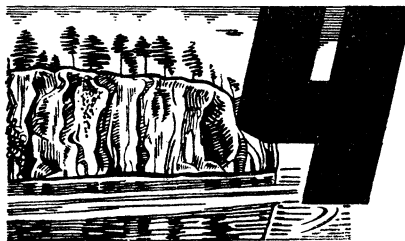
Читайте сердцем имена!
Пусть каждое сквозь времена
Пройдет и сохранится:
«Петров», «Сергеев», «Иванов» —
Бетонные страницы...

Э. АЛИСКИНА
Фото Н. ЕВСИКОВА

В декабрьском номере журнала, в статье «Чусовая будет жить!» мы подвели итоги первого этапа операции «Ч», проведенного в прошлом году. В статье указывались места будущих «боев» следующего этапа операции. О двух таких местах мы рассказываем в этом номере.

ОПЕРАЦИЯ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

ЧТО ЖЕ МЕДЛИТЬ?!

...**З**а последние пять-шесть лет много сделано для оздоровления реки Чусовой. Прекращены сбросы неочищенных сточных вод предприятиями Свердловской области, а на территории Пермской области в реку Чусовую выше города Чусового сбросов нет совсем. По данным анализов, вода в Чусовой у поселка Чунжино (выше города Чусового) в течение всего года, кроме весенних и осенних паводков, по прозрачности отвечает требованиям на питьевую воду даже без очистки...»

Такой ответ на мой вопрос о судьбе Чусовой прислал 25 сентября 1968 года мне на Украину заместитель главного санитарного врача Пермской области Е. Беляев. Копия ответа была послана в Министерство здравоохранения РСФСР.

Подписывая этот ответ, т. Беляев и не предполагал, вероятно, что тот житель далекого от Урала украинского городка Ахтырка, кому он адресовал письмо, сам недавно с Урала, почти ежегодно посещает родные места и знает их, пожалуй, лучше главного санврача области. Е. Беляев полагал, что я удовлетворюсь его отпиской и замолчу.

Но нет! Молчать нельзя! Река моего детства и юности в опасности, и на ее защиту необходимо встать горой всем нам, землякам, где бы мы сейчас ни проживали. Да и только ли нам? Всем, кто влюблен в эту своенравную горную красавицу, кормилицу и поиллицу тружеников западных склонов Среднего Урала.

Летом нынешнего года я снова, — который уж раз! — опять встретился с любимой рекой, и она снова безмолвно поведала о своих горестях и печалах, о том, как города и поселки — Горнозаводск, Теплая Гора, Пашня и Чусовой с Лысьвой продолжают сбрасывать сточные воды без очистки; как каменное дно реки засоряется топляками при молевом сплаве... Многое из этого я узрел собственными глазами.

Начну с города Чусового и его окрестностей. Как раз выше поселка Чунжино, там, где, по словам товарища Беляева, вода «...по прозрачности отвечает требованиям на питьевую воду

даже без очистки», на левом берегу реки уже не одно десятилетие разрабатывается Южно-Чусовское месторождение известняков. Разработка месторождения продлится еще не одно десятилетие.

Итак, мы на «Камгесе», как называют это месторождение все чусовляне. И что же видим? На крутом склоне горы, обрывисто спускающемся к зеркалу Чусовой, со все возрастающей быстротой растет отвал перемешанной с глиной породы. Его нижняя осыпь уже достигает кромки берега. И недалеко то время, когда отвал каменной лавиной обрушится в русло реки. Сползание неизбежно, ведь крутизна оголенного склона превышает 40 градусов.

Немногим ниже по течению, на том же левом берегу, все покрыто белой пылью измельчаемых на щебенку известняков. Установка по их измельчению расположена на берегу Чусовой, производственные сточные воды без малейшего отстоя сбрасываются прямо в реку, у верхней оконечности поселка Чунжино. Возникает вопрос: где же тогда, в конце концов, брали воду на анализ работники санитарно-эпидемиологической службы — у поселка Чунжино или выше километров на пять-шесть?

Напротив Чунжино, только на правом берегу Чусовой, притиснулся к обезлесенной Вышь-горе Чусовской железнодорожный узел. У электровозного, паровозного и вагонного депо, у пунктов осмотра — везде переполненные бочки с отработанным мазутом. Он переливается через края и по водоотводящим канавам стекает в Чусовую, покрывая и без того бурые от глины воды маслянистыми пятнами всех оттенков радуги.

А ниже, по обеим сторонам Чусовой — город, Ляминский домостроительный комбинат, мелькомбинат, Чусовской металлургический завод с ферросплавным производством, завод железобетонных конструкций и другие предприятия Чусового, которыми, по утверждению товарища Беляева, «разработаны проекты по строительству промышленной и бытовой канализации и принимаются меры к их осуществлению...» Два с лишним месяца я прожил в родном городе, и кому бы ни показывал

ответ заместителя главного врача областной санитарно-эпидемиологической службы области, все только удивленно пожимали плечами или возмущались.

Жилая зона Чусового раскидана по склонам и плато высот, обрамляющих горную котловину, в которой лет девяносто назад возникли Чусовской железнодорожный узел и металлургический завод. Северо-западная часть этой котловины когда-то представляла собою топкое болото, с раскиданными по нему старицами. Первостроители города учитывали это обстоятельство и предусмотрительно прорыли разветвленную дренажную сеть, сбрасывавшую болотные воды в Чусовую и ее приток Усьву. Сейчас дренажная сеть разрушена, с большим трудом отыскиваешь ее жалкие остатки.

И что же получается? Снеговые и дождевые воды, скатываясь с оголенных склонов окрестных гор, не находя выхода, разливаются озерами, заболачивают низины. Такие темно-зеленые вонючие озера тянутся цепочкой в каких-нибудь 100—150 метрах от главной улицы старой части Чусового на протяжении почти полутора километров, и спускать их никто не собирается, да и некуда. Необходимо сооружение сборного коллектора с водоотводящим каналом длиной до двух километров. У городского Совета средств на это нет, а предприятия предпочитают оставаться в стороне, так как все свое новое жилищное строительство производят на противоположном берегу Чусовой, в районе так называемого Нового города. Недопустимо медлят они и со строительством промышленных водоочистных сооружений.

Заместитель главного санитарного врача области, как это уже выше цитировалось, в своем ответе сделал упор только на прозрачность воды и предусмотрительно умолчал о ее химических качествах. Издавна известно, что чусовская вода жестка и способствует усилению образованию накипи в трубах паровых котлов. Сейчас же к этому прибавилось самое страшное и опасное для обитателей вод — отходы химических производств, главным образом ферросплавного производства Чусовского металлургического завода. Содержащие хрома, титана, ванадия, серы и других химических элементов в чусовской воде резко возросло.

Это особенно заметно по истощению рыбных

богатств Чусовой, ниже города Чусового. Рыбаки в один голос жалуются на все ухудшающиеся уловы, а хариус, таймень, линь, то, чем когда-то славились Чусовая, в ее нижнем плесе уже исчезли и если попадаются, то случайно. Нужно подумать и об охране рыбных богатств реки.

Многое можно предпринять и сейчас, без затрат больших средств.

В Чусовом пора прекратить свалку металлургических шлаков и бытовых отходов на берегах Чусовой и Усьвы и на окрестных возвышенностях. Такие свалки за последнее время возникли на возвышенности Белый Камень, над поселком Дальний Восток, возле самого въезда в город со стороны Гремячинска и Половинки, на высотах над поселком металлургов и Новым городом, на Лисиках и во многих других местах. Дождевые и снеговые воды, размывая эти свалки, несут загрязненные воды в Чусовую, Усьву, Майдан, Архиповку и другие более мелкие притоки и в конечном счете отравляют воды нижнего плеса Чусовой вплоть до Чусовских Городков. Проникают они и в ключи, водой которых пользуются жители Красных поселков, Ключиков, Лисиков и других поселков, входящих в городскую зону Чусового. Естественная фильтрация через осадочные горные породы вряд ли очищает их от микроорганизмов. Кривая желудочных заболеваний в Чусовом тенденции к снижению не имеет. А это уже довольно опасный симптом.

И последнее, что могут и должны сделать чусовляне для защиты своей реки, это соорудить террасы на склонах возвышенностей, окружающие город, и озеленить их, по крайней мере в логах и на крутизне Вышь-горы, возвышающейся над железнодорожным узлом. Это предотвратит все возрастающую эрозию почвы, смывание ее в воды Чусовой и, таким образом, защитит реку от загрязнения. Одновременно это будет способствовать очищению воздушного бассейна над городом и увеличит дебит водных источников, которые еще долгое время будут снабжать водой по крайней мере четвертую часть населения Чусового.

Жители города Чусового могут сделать очень и очень многое для защиты реки. Так что же медлить?

Как вы думаете об этом, мои земляки?

В. МУЛЕВ

ТАМ, ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ ЧУСОВАЯ

Реки начинаются по-разному. Одни берут начало из родников, другие из озер, третьи начинаются от слияния двух или нескольких рек.

Так с маленького ручейка на севере Удмуртии начинается свой путь Кама — самая большая и многоводная река уральского края. Из глубокого ожерелья озер, окружающих Свердловск: Шитовского, Исетского, Песчаного рождается

Исеть. А Тавда — наиболее крупная река восточ-

ного склона Урала — образуется от слияния таежной Сосьвы и ее сестры Лозьвы.

По-разному рождаются реки, но истоки их всегда примечательны. Места эти, как правило, слабо обследованы, а порой совсем не изучены, овеяны туманом легенд и древних сказаний.

Исток реки, его местонахождение, нередко является предметом различных споров и разногласий. Примеров этому множество, и первый среди них — Чусовая.

Кто прав?

Возьмите географическую карту Урала. На границе Свердловской и Челябинской областей, где с Главным Уральским хребтом пересекается Уфалейский кряж, видна густая паутина рек и речек. Тут, среди них, и интересующие нас Западная и Полдневая Чусовая, а также группа Чусовских озер, соединенных между собой протоками. Но которая из этих речек считается началом Чусовой, где ее исток — сразу ответить невозможно. На любой географической карте, даже крупномасштабной, истоки Чусовой не указаны.

А если обратиться к литературе — путеводителям, географическим описаниям?

На противоречивость мнений об истоках Чусовой указывал еще выдающийся русский географ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. И действительно, почти каждый из исследователей, занимавшийся изучением Чусовой, высказывал свою точку зрения о месте истока уральской реки, отличную от мнения своих предшественников.

В начале прошлого века в верховьях Чусовой работала географическая экспедиция под руководством П. Кротова. В ее материалах, опубликованных потом в «Записках Русского географического общества», указывалось, что Чусовая образуется от слияния Полдневой и Западной Чусовой.

Ученый геолог Барбот де Марни, побывавший в верховьях уральской реки в прошлом веке, утверждал, что Чусовая берет начало с Западной

Чусовой, истоками которой являются родники на склоне горы Красная Грива.

Известный уральский краевед И. Я. Кривошеков в «Иллюстрированном путеводителе по Каме», изданном в 1911 году, указывал, что Чусовая имеет два истока, но главный из них — Полдневая Чусовая, «которая начинается из озера Сурны».

В фондах Свердловского областного краеведческого музея хранится уникальное издание — лоцманская карта Чусовой. Она составлена гидротехником В. М. Лохтиным. В текстовом приложении к карте указано, что Чусовая начинается из Чусовских озер. Но в каком из них, Лохтин умолчал.

Ответ на этот вопрос, казалось, можно найти в путеводителе «По Чусовой» географа Е. В. Ястребова, который многие годы проработал на Урале. Книга выдержала два издания и в настоящее время считается, пожалуй, самым точным и подробным описанием реки. В ней сказано: «...За исток Чусовой, обычно, считают речку, вытекающую из небольшого озера Сурны, расположенного в нескольких километрах к северо-востоку от города Верх-Уфалея, на высоте около 400 метров над уровнем моря».

Но так ли это? Оказывается, нет. Дело в том, что озера Сурны в настоящее время **не существуют!**

Как это произошло, что исчезло целое озеро, и где же действительно находится исток Чусовой? Чтобы найти ответ на этот вопрос, пришлось совершить путешествие в район Верх-Уфалея.

Первая плотина на Чусовой

На первом километре реки

Родина тридцати рек

В широкой котловине, окруженной горами и шиханами, раскинулись строения города. Здесь все родное, типично уральское: и лесистые горы, увенчанные каменистыми останцами, и огромная гладь пруда, и новые кварталы, врезавшиеся в старую застройку, и корпуса промышленных предприятий. Наиболее крупные из них — металлургический завод, «Уралэлемент», детище первых пятилеток — никелевый комбинат, давший нашей стране первый советский никель и кобальт. Верх-Уфалей — город металлургов, горняков, лесорубов. Здесь многое говорит об активном использовании природных богатств района — леса и вод, недр и земельных угодий.

...В кабинете заместителя председателя горисполкома Михаила Тимофеевича Косова рядом с большой панорамой города висит карта района. В разговоре Михаил Тимофеевич нередко обращается к ее помощи.

— Посмотрите, — говорит он, — на карте района преобладает зеленый цвет. Это горные леса. Они занимают семьдесят процентов всей площади района, надежно защищают горные склоны от разрушения, а истоки многочисленных рек — от пересыхания. Природа щедро наделила наш район. На его территории берут начало более тридцати рек: Уфалейка, Синара, Чусовая и многие другие, большие и малые. Где найдете такое?

Действительно, трудно найти другой район Урала, где находятся истоки и верховья такого большого числа рек.

— Сложный узел завязала природа на территории нашего района, — продолжает Косов. — В нем тесно взаимосвязаны лесные, водные, земельные и другие природные богатства. И нужна особая осторожность и продуманность, чтобы использовать их, не нанеся ущерба природе. Но это удается не всегда и, к сожалению, не полностью.

64 Глядя на карту, видишь, что год от года увеличиваются серые полосы и квадраты, которыми на карте обозначены места горных отводов. Рас-

тут площади вырубок, сокращаются охотничьи богатства лесов, уменьшается количество рыбы в водоемах. Загрязнение рек вызывает большие трудности при решении вопросов водоснабжения населенных пунктов района.

— Где исток Чусовой? — повторяет наш вопрос Михаил Тимофеевич. — В крайней северной части района находятся Чусовские озера. Но какое из них начало Чусовой — трудно определить. Есть в том районе небольшая лесная деревушка — Сельки. Стоит она на берегу речки Ольховки, впадающей в Чусовские озера. Так вот, многие жители Сельков считают ее за начало Чусовой. Но так ли это, я не знаю. Впрочем, поезжайте на Чусовские озера, посмотрите, разведайте все сами. И обязательно побывайте в Черемшанке, побеседуйте с местными старожилками.

Как съели озеро

Дорога на Черемшанку вьется по краю лесистого увала. За одним из крупных поворотов ее открывается панорама этого горняцкого поселка. Рядом с ним огромный рудник. Это «рудный двор» Уфалейского никелевого комбината, его сырьевой цех. Черемшанское месторождение, открытое в годы первой пятилетки, вот уже более тридцати лет выдает шеелит и гарниерит — руду никеля и кобальта.

Черемшанский рудник — один из самых крупных на Урале. Ежегодно его карьер дает сотни тысяч тонн руды и... более десяти миллионов кубометров пустой породы. День и ночь нескончаемым потоком поднимаются из карьера на гора доверху груженные двадцатипятитонные богатырские самосвалы. Одни из них сворачивают на рудный двор, другие мчатся на отвалы. Огромные горы пустой породы, лишённые растительности, широким поясом окружают карьер. Сегодня они занимают площадь в десятки раз большую, чем сам он. Отвалы теснят строения поселка, захватывают все новые и новые территории.

Лет десять-пятнадцать назад вблизи поселка,

на дороге, ведущей к Чусовским озерам, было небольшое озерко. Местные жители называли его «сурным», то есть тихим, спокойным. Водилась в нем различная рыбешка, заходившая сюда по узкой протоке из Малого Чусовского озера. Черемшанцы любили это небольшое приветливое озерко. Многие приходили сюда посидеть с удочкой, покупаться, позагорать.

Но не уберегли люди озера. Вплотную подступил к нему отвал. И посыпались в воду глыбы камня и земли. Метр за метром подминал отвал под себя озеро. Нужно было бить тревогу, защищать озеро. И требовалось-то совсем немного: стоило перенести горный отвод на сотню метров в сторону, и озеро было бы спасено. Но никто не сделал этого. И погубило лесное чудо, не стало озера Сурны. И хотя его еще наносят на географические карты, описывают в путеводителях, считают за начало Чусовой — в действительности его давно нет.

А отвал идет все дальше и дальше. Он перекрыл многие ручьи и реки, впадающие в Чусовские озера, приблизился и к берегам самих озер...

Легенды Сельков

...Дорога зовет нас дальше. Остался позади Черемшанский рудник. Наш путь — в Сельки.

Деревушка эта затерялась в глухих лесах верховий Чусовой. Еще недавно, до строительства дороги Верх-Уфалей — Иткуль, сюда было очень трудно добираться. Теперь имеется регулярная связь, в деревне есть магазин, электричество.

История Сельков уходит в далекое прошлое. Задолго до постройки (в 1761 году) Уфалейского железодельного завода штейгером Василием Сельковым в верховьях Чусовой была найдена железная руда. Позднее здесь был заложен рудник, построено несколько домиков углежогов. Василий Сельков, поселившийся в этом месте (позднее деревушка стала называться по его име-

ни), руководил работами на руднике и в лесных курнях, где выжигали уголь для Уфалейского, Полевского, Ревдинского заводов, вел поиски руд и цветных камней.

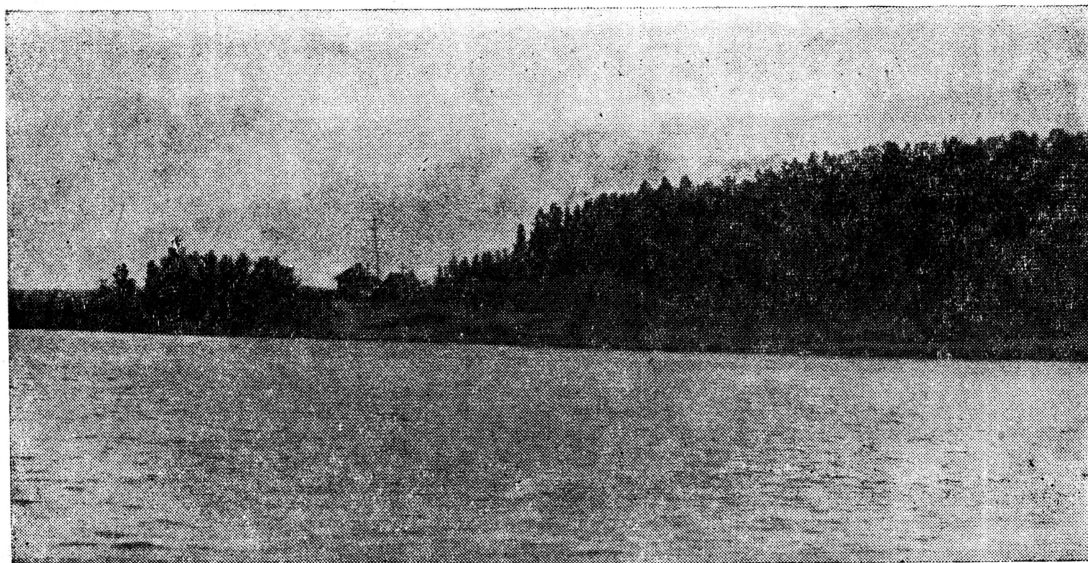
Лесной Чусовской край радовал открытиями и находками. На речке Ольховке было найдено золото, на ее притоке Безымянном — кварцевый камень, а у деревни Коркодиново — хромовая руда и бурые железняки, с содержанием железа до 55 процентов.

Прошли годы. Давно перестала действовать рудопромывальная машина на Ольховском руднике, заброшены шахты и глубокие штольни в верховьях Чусовой. Но в памяти народной, у коренных жителей Сельков сохранились рассказы о жизни и труде рудознатцев и углежогов, предания и сказы о богатствах недр и рек Чусовского края. Одну из легенд рассказал старейший житель Сельков Александр Илларионович Афанасьев.

...Давно это было. В ту пору Сельки только начинались. Первый дом на взгорке над речкой Ольховкой щегерь¹ поставил. А рядом углежог Никита. Жил он с молодой женой. Настей ее звали. Красивая была очень, и на работу спорая. Места окрестные хорошо знала, не раз по лесной тропке до Чусовских озер одна по грибы и ягоды ходила. А это от Сельков, посчитай, не меньше десяти верст, да и места шибко глухие.

Как золото на истоке Чусовой находить стали, приехал в Сельки приказчик из Екатеринбурга — от золотопромышленников Расторгуевых. Пригласила его Настя. Прометил однажды, что она за клюквой на Чусовские болота собралась, и за ней крадучись пошел. Там, где Ольховка с Безымянной речкой сливаются, подкараулил приказчик Настю и обидеть ее хотел. Насте удалось убежать.

¹ Так в ту пору называли горного мастера — штейгера.

Большое Чусовское озеро.

Но домой, из боязни перед приказчиком, она не вернулась. И Никита, муж ее, тоже вскоре из Сельков исчез. Говорят, построили они избу там, где речка Чусовая из озера начало берет. Охотой и рыбной ловлей промышляли и золото на притоках Чусовой мыли.

Только расторгувский приказчик на Настю и Никиту большую злобу затаил. Грозился, что Ольховку плотиной перекроет и Чусовую воды лишит. И вправду, вскоре в Сельках плотину построили и рудотолчейную фабрику для промывки золота открыли. А как воду в Ольховке плотиной перекрыли, так сток в Чусовую совсем прекратился — вода из Ольховского пруда по желобам на рудотолчейку пошла.

Только, сказывают, не обмелела Чусовая и тише в течении своем не стала. Как была быстрой речкой, так и осталась, и воды в ней не убавилось. Она — Чусовая — многими родниками и речками, большими и малыми, начинается. И не одна Ольховка воды ее полнит. Отсюда и сила у нее, у Чусовой, такая большая, и бойкость в течении.

Многие лесные речки да родники дают ей начало, а исток, однако, один — Чусовские озера.

Итак, если верить старинной легенде и рассказам знатоков местного края, Чусовая начинается из многочисленных родников и маленьких речек, впадающих в Чусовские озера. Чтобы проверить это, мы побывали и на Чусовских озерах.

Вот он, исток!

Чусовское озеро лежит в глубокой межгорной котловине, окруженной густыми лесами. В далеком прошлом это был один огромный водоем, занимавший площадь, примерно, в сто квадратных километров. Водное пространство простиралось там, где сейчас находятся строения Черемшанки и Сельков. Но постепенно уровень озера понижался, площадь его сократилась. Со временем оно расчленилось на три водоема, образовав Большое и Малое Чусовские озера и озеро Сурны, соединенные между собой протоками.

До революции в районе Чусовских озер велась хищническая вырубка леса для углевыжигательных печей Уфалейского металлургического завода. Были оголены значительные пространства. Исчезли многие родники и маленькие речки, заболотились берега озер.

Много леса вырубали в верховьях Чусовой в тридцатые годы, когда началось строительство «Никеля», как здесь называют Уфалейский никелевый комбинат. Это привело к дальнейшему понижению уровня озер. Лесные площади, занятые под горные отвалы Черемшанского рудника, сократили и поныне сокращают зеленое защитное кольцо вокруг них. Как уже говорилось, под отвалами горных пород погибло озеро Сурны. Сегодня отвалы рудника приблизились к берегам Большого Чусовского озера, угрожают Малому Чусовскому.

Малое Чусовское — небольшое озеро. Его площадь всего два-два с половиной квадратных километра. Тихое, задумчивое, оно лежит среди низких берегов в зеленом окружении лесов и болот. Здесь трудно найти песчаные пляжи для купания, но зато много мест для рыбалки и охоты на водоплавающую дичь. В отличие от Малого Чусовско-

го, Большое радует широким голубым простором — по площади оно многим больше своего брата. Густые леса вплотную подступили к нему, окружили широким плотным кольцом.

Высокоствольные сосны взбежали на его берега, встали между серых гранитных валунов, поднялись на обрывистый каменный мыс единственного на озере полуострова Безмянного. А напротив его, на противоположной стороне, видна полоса белоствольных берез. Чуть дальше стоят нахмуренные ельники, начинаются места глухие и суровые, богатые дичью и «красноягодой» — клюквой.

...Мы плывем вдоль берегов озера на маленькой плоскодонной лодке — душегубке, чтобы отыскать и обследовать исток Чусовой.

Мерно всплескивают весла, плывут мимо берега — то высокие, то плоские, то сухие, то низкие и топкие. В северной части озера, сильно заболоченной и заросшей, среди высокой и плотной заросли прибрежной растительности, не без труда находим узкую и извилистую протоку и вливаем в нее.

Лодка медленно движется по зеленому коридору. Высокий рогоз с толстыми листьями и тонкие стройные камышинки покачиваются на топкой зыбкой дерновине в такт всплескам весел. На темной неподвижной воде пламенеют огромные оранжевые рдесты и ярко-желтые кувшинки, серебристо мерцают белые лилии. Причудливо петляет водная дорожка. Порой кажется, что протока кончилась и плыть дальше некуда, однако снова следует поворот, и лодка скользит дальше...

Но вот где-то впереди слышен шум. Он постепенно нарастает и переходит в сплошной непрерывный гул. Течение в протоке усиливается. Теперь еле успевай управляться с веслами — лодку неудержимо увлекает вперед.

Все быстрее и быстрее несется лодка. Все сильнее и ближе шум воды... Крутой поворот, и вот среди всплесков волн виден гребень плотины. Через нее переливается бушующий поток.

Небольшая земляная плотина перегородила протоку и сдерживает воды озера. Но запруда из камня и земли не может удержать напора воды. Она вступает в единоборство с преградой, переливается через нее и... рождается река Чусовая, Чус-ва — «быстрая вода».

Спасем исток!

Итак, Чусовая рождается в Большом Чусовском озере. Отсюда она начинает свой более чем восьмисоткилометровый путь по Уральскому краю.

Район верховий Чусовой — край интересный и примечательный во многих отношениях. Разнообразны и велики природные богатства его. Но предстоит многое сделать для того, чтобы использовать их разумно и бережно. И, прежде всего, следует еще раз сказать о лесах бассейна, имеющих огромное водоохранное значение. Продолжается вырубка их. Здесь действуют Чусовской и Уфалейский леспромхозы, Коркодиновский лесучасток. Они имеют годовой план лесозаготовок свыше 200 тысяч кубометров. В перспективе, к 1980 году, он увеличится до 225 тысяч. А массовая вырубка леса губительно сказывается на водном режиме реки и Чусовских озер.

По береговым полосам и меткам, оставшимся

Лесная деревушка Ольховка

на гранитных обнажениях, видно, что только за последние годы уровень Чусовских озер понизился на полтора-два метра и продолжает понижаться. Требуется самые решительные меры, чтобы сохранить водные ресурсы бассейна верховий Чусовой. Необходимо полностью запретить рубки леса в этом районе.

Обследование показало, что земельные площади бассейна Чусовой используются весьма нерационально, природным угодьям нередко наносится непоправимый ущерб. Мы рассказали, как пренебрежительное отношение руководства Черемшанского рудника привело к гибели озера Сурны — естественно-исторического памятника, водоема, имевшего большое значение для водного режима Чусовских озер. Но это далеко не все. Под горный отвод используются ценные земли, занимают площади, где 10—12 лет назад были произведены лесопосадки, а ныне поднялись молодые леса. Отвалы рудника наступают на верховья Чусовой.

До революции уфалейский предприниматель Якушев купил у казны Большое Чусовское озеро, построил на его истоке плотину. Это изменило естественный режим водоема, привело к заболачиванию прибрежной полосы. Все это, как и ре-

зультаты хищнического использования рыбных богатств Чусовских озер, сказывается и поныне. В стадии угасания находится Малое Чусовское озеро. Нужны срочные меры по расчистке родников, русел впадающих в него речек. Верховья Чусовой, Чусовские озера нуждаются в специальных мелиоративных мероприятиях.

Истоки Чусовой ждут добрых заботливых рук, помощи человека! И надо надеяться, что общественность города Верх-Уфалея — комсомольцы, краеведы, все, кому не безразлична судьба реки — сделают все посильное, чтобы защитить природу этого района, восстановить и приумножить его богатства.

Район Чусовских озер еще слабо изучен, совершенно не используется для туризма, особенно водного, для массового отдыха. Между тем, к этому здесь имеются благоприятные возможности.

И, наконец, последнее. Настало время подумать о благоустройстве истока Чусовой. Думается, что место рождения знаменитой реки заслуживает того, чтобы быть отмеченным мемориальной доской, каким-либо памятным сооружением, подобно тому, как это сделано на Волге, делается на истоках Камы.

В. ГОЛОВКО

ЖИЗНЬ— ЛЮДЯМ

Поезд бежал по Уралу. Временами бойкий стук колес сменялся натужливым пыхтением — начинался подъем в гору, а временами поезд, как с цепи срывался — летя под уклон, гремел, дребезжал старенькими вагонами. Желтые квадраты света из окон скользили по придорожным кустам и ельнику, густому, как стена.

В последнем полупустом вагоне одиноко притулился у окна человек. Приставив к лицу ладонь, он смотрел через глянцевитую чернь стекла на зарождающийся молочный рассвет. Громыкнула вагонная дверь. Человек скосил красные после бессонной ночи глаза. По узкому проходу шли два жандарма с шашками. Сейчас они подойдут сюда.

— Документы!

Человек, сидевший у окна, протянул паспорт. Только затем, чтобы оттянуть время и успеть сориентироваться: паспорт был «липовый».

В отличие от своих товарищей, он не умел притворяться. Не умел при необходимости скрыться под маской торговца или студента. Никогда не носил париков. Не пытался избавиться от природного нижегородского оканья. Кто бы ни повстречал его, непременно узнавал в нем мастера-стервого, и именно такого, который «против царя».

— Пройдете с нами! — усы жандарма довольно топорчатся.

— Что ж, пройдемте!..

Поезд, взбираясь на гору, опять замедлил ход. Это удача! И дверь в другом конце вагона не заперта...

Ловкий удар, и жандарм, загоразивавший проход, гремя шашкой, заваливается на скамью. Еще наотмашь — усатому! Распахнута дверь, в лицо бьет прелью мокрого леса. Прыжок точно рассчитан...

В тот раз он добирался до Усть-Катава двое суток. От удара о землю ныло все тело и нестерпимо болела нога. Ногу он повредил пять лет назад, когда еще пацаном работал в инструменталке на Сорновском заводе. Старик рабочий попросил его:

— Гринь! Помоги-ка свинца нарубить!

Григорий рад стараться — до работы был охоч. Одна мечта: чтобы скорее допустили к тисам, надоело в подмастерьях! Схватил в кладовке зубило, молоток и — к старику. Тот вскоре ушел куда-то. Григорий решил действовать самостоятельно. Вбил зубило в свинцовую плиту. Отбросив молоток, взял кувалду, размахнулся... Отскочив, зубило ударило по колену.

Несколько месяцев провел в больнице. Там и услышал впервые о подпольщиках-революционерах.

Ногу так и не вылечили. Раздробленное коле-

но срослось плохо. Григорий, красавец парень, на всю жизнь остался хромым.

Он вернулся на завод учеником чертежника. Но вскоре его арестовали за распространение прокламаций. В камере сидел со Свердловым. На допросе жандармский офицер взъярился:

— Молчишь? Знаю почему: у Свердлова ума набрался. Перевести в другую камеру!

Жандарм был прав. Молодой рабочий Григорий Котов прошел у Якова Михайловича начальную школу революционной борьбы.

В Усть-Катаве, как и до этого в Миньяре, Белорецке, Златоусте, Григорий занялся организацией боевых дружин.

Знакомился с дружинниками осторожно. Встречался с ними по одному и всегда в разных местах — то на кладбище, то в знаменитой Провальной яме, то в пещерах. Народ подобрался надежный. И оружие было.

Котов и его товарищи старались выделить из массы рабочих наиболее активных, тех, кто завтра пополнит ряды большевистской партии. Дружина — это проверка, первый этап в организации рабочих.

Дороги, дороги... Побывав чуть ли не на всех южноуральских заводах, провернув там уйму организационных дел, Григорий Николаевич Котов осенью 1906 года приехал в Екатеринбург.

Слякотно разрезанных улиц, горечью сырого дыма и неусыпным полицейским оком встретил его город. В восемь утра с узелком в руке, не торопясь, направился он со станции в город. Дошел до Мельковской улицы. Там, в доме молодого подпольщика Быксса, учащегося Уральского горного училища, получил адрес: Глуховская набережная, Бюро общества горных техников...

На Глуховской, у секретаря общества Эразма Анфаловича Светлосанова, познакомился с товарищами Семеном (Шварцем) и Назаром (Накоряковым), с которыми предстояло работать в ближайшее время.

— Нам нужен, знаешь, такой, чтобы взвалил на себя оргработу! — заявили ему оба.

Котов не возражал. Решили, что вновь прибывший возьмет на себя фабрично-заводской район: железнодорожное депо и станцию, завод Ятеса, паровую Макаровскую мельницу, железнодорожные мастерские, Макаровскую мешочную фабрику и слесарно-механическую мастерскую Фомина в Уктусе.

На следующий день Григорий снял маленькую комнату на Мельковской улице и прописался под именем Федора Яковлевича Кузнецова. Начался новый, екатеринбургский период его революционной деятельности.

Первым делом надо было создать кружки. В железнодорожном депо и на станции подбирались восемь человек. Помогал организовывать этот кружок истопник вагонов Тимофей Пестриков. Пропагандистом туда после некоторых колебаний Котов направил служащего книжного магазина Гилева, которого все знали под именем «Оська». На заводе Ятеса кружок вела Сима Дерябина, член Екатеринбургского комитета. Труднее было с Макаровской мешочной фабрикой, где работали только женщины. Часто являться Григорию туда было не очень-то ловко. Много времени уходило на встречи с товарищами. Назначать им свидания у себя дома было невозможно: в первом этаже жил жандарм. Впрочем, и в этом была своя выгода: шпики в дом не заглядывали, и Котов устроил в своей комнате тайник для нелегальной литературы.

На рождество в Екатеринбурге была созвана общегородская конференция. Делегаты одобрили платформу партии по выборам во II Государственную думу: было решено провести в Думу своих депутатов. Выборы предстояло использовать, как средство организации рабочих и пропаганды среди них большевистских идей.

В избранный на конференции новый Екатеринбургский партийный комитет вошел и Григорий Котов под псевдонимом «т. Азарий».

Тринадцать «выборщиков» предстояло избрать в Екатеринбурге. Для кандидата в «выборщики» был установлен имущественный ценз. К примеру, он должен был иметь квартиру с отдельным входом и кухней или промысловое свидетельство. А с этим-то как раз у подпольщиков было туго. Выходили из положения разными

путями. Так, легализовавшегося к этому времени Николая Никандровича Накорякова сумели задним числом оформить приказчиком магазина. Внеся промыслового налога 15 рублей, он получил избирательные права.

Наладили выпуск нелегальной газеты «Уральский рабочий».

«Техника» (типография. — А. Я.) наша была примитивная, — вспоминал впоследствии Г. И. Котов. — Печатать целую газету в ней было почти невозможно, поэтому мы печатали ее в чужой, частной, легальной типографии, с ведома хозяина, но за денежное вознаграждение. Печатали наши ребята-большевики, все было шито-крыто, в случае провала условлено было хозяина выгородить. Такой типографией «нашей» была типография Алексева, а одним из рабочих ее был большевик Алексей Иванович Бартенев.

Из «техники» непосредственно литература шла на склад, т. е. тоже на конспиративную квартиру, оттуда уже брали ее для районов.

Помню, такой оптовый склад литературы находился в квартире Бычковых. Сам я там не раз бывал и забирал для своего района известную долю литературы. Ее было очень много и в кипах и в мелких пакетах. Разбирали и сортировали литературу из склада т. Аня и Маруся Бычковы. Чтобы меньше бросалось в глаза и не привлекало внимание шпиков, рекомендовалось выносить литературу не пакетами, а прятать под пальто так, чтобы нельзя было заметить, что человек что-то несет. Делалось это так: человек обкладывался кругом равномерно, как широким поясом, литературой и затягивался ремнем, а для большей гарантии и брюки затягивались поверх литературы».

Весь январь шла лихорадочная подготовка к выборам. Не было дня, чтобы товарищ Азарий не выступал на митингах или собраниях. Даже на тех, что организовывались эсерами, кадетами и даже черносотенцами. Бывало, соберут эсеры митинг, а дежурить большевики поставят своих. От-

нимут и трибуну. Так что, собравшиеся слушают только большевиков.

И вот, наконец, день выборов. На улицахлюдно. Сыплет мягкий снежок. Накануне договорились меж своими, распределили обязанности. Одни должны были находиться неподалеку от избирательных урн, чтобы в случае надобности помочь иному избирателю заполнить бланк, другим вменялось в обязанность встречать избирателей на дороге и толковать с ними о выборах, третьим — посматривать за черносотенцами, чтобы не было махинаций.

Успех превзошел ожидания. Все тринадцать мест, предоставленные Екатеринбург, достались социал-демократам. Партия, находившаяся в глубоком подполье, вышла победительницей.

«Другие партии такой неожиданностью были обескуражены, — писал Григорий Николаевич. — Кадеты просто недоумевали и растерялись. Первое время в своей печати они не знали, что сказать по поводу такого «скандала». Им стыдно было сказать о своем провале, имея на своей стороне все преимущества, а мы, преследуемые и гонимые, без громких имен в нашем списке, победили...».

Авторитет партии настолько вырос, что число ее членов на уральских заводах увеличилось за эти несколько месяцев вдвое. «Это была действительно массовая организация, — рассказывает Н. Н. Накоряков в своих воспоминаниях о Г. Н. Котове, — у нее было ядро в подполье, но она из берегов этого подполья выливалась через край и превращалась на заводах в активно действующую организацию... И когда нам было необходимо выбрать делегатов на Пятый Лондонский съезд, помимо нашей воли и желания наша кампания превратилась в массовую. Многие рабочие считали себя членами партии и возмущались: «Как в Думу выбирать, так вы нас партийными считаете, а теперь беспартийными!»

От Кыштымо-Уфалейской партийной организации делегатом на Лондонский съезд был избран Григорий Котов, большевик двадцати одного года от роду.

Мимо окон вагона проплывают знакомые уральские виды, а мысли уносят Котова в Лондон, к товарищам по борьбе, к Ленину...

В Перми Григорий остановился, узнав, что сюда на партийное собрание прибыл Аким Гольдман: не мог Григорий упустить случая схватиться в открытую с этим махровым меньшевиком. Схватка состоялась, но финал оказался драматическим. В горячке спора позабыли о правилах конспирации, налетела полиция, и чуть ли не все участники собрания были арестованы.

Арестовали и Григория Николаевича. И хотя знали его в полиции лишь под именем Симакова Ивана Яковлевича, а суду было известно далеко не все, приговорили к пожизненному поселению в Сибири.

Перед ссылкой — тюрьма. Печально знаменитые «николаевские роты», где что ни день, то карцер — ни сесть прямо, ни вытянуть ноги, — что ни день, то новое унижение, новая пытка... Но «политический» Симаков не поддавался. Сохранился рисунок-набросок, на котором один из товарищей по тюрьме — Журавлев — изобразил Котова. Очень выразительное лицо. Упрямые складки губ, глаза яркие, в них — и неустрашимость, и ум, и воля к работе.

В Сибирь прибыл Григорий Николаевич уже тяжело больным. Туберкулез. Сказались и тюрь-

мы, и жизнь кочевая, бездомная. Болезнь не скроешь от друзей-товарищей, но держаться, вида не показывать — надо! Рядом люди, все в одинаковом положении, но по силе душевной, по характерам — разные. Не однажды замечал Григорий Николаевич, как тяжело Ване Мьякишеву. Плакал парень. А как поможешь? Только словом да собственным примером. И Котову это удавалось. Удавалось потому, что над недугом, усталостью, вечной нуждой все-таки брало верх обретенное в постоянной борьбе жизнелюбие и привычка делать так, чтобы людям вокруг тебя было хорошо. В «коммуне» случалось всякое. Бывали и ссоры. Умело и вовремя гасил их Азарий. Не позволял он и бездельничать. Организовал марксистскую учебу. Взялся за изучение языков — французского, немецкого, английского... Всех сразу. Порой, одурев от зубрежки, забрасывал учебник, жаловался землячке своей Марии Загуменных:

— Не могу, Маша, одолеть эту тарабарщину. А надо!..

«Надо» было потому, что серьезно задумывался о побеге и о последующей эмиграции. Рвался туда — к товарищам, к Ленину, революционной борьбе.

В 1913 году Григорий Николаевич приехал в Париж. Обстановка там была сложная. Парижский обыватель посматривал на эмигрантов-революционеров косо. Когда началась мировая война, многие марксисты, в том числе и Плеханов, перешли на шовинистические позиции. Котов, член большевистской секции Бюро заграничных организаций, решительно отстаивал свою и, как выяснилось потом, правильную точку зрения. Он не рубил сплеча, а убеждал колеблющихся товарищей.

Грузин Михаил Давыдов, поддавшись военному угару, решил было поступить в волонтеры.

— Что ты делаешь, Миша! — совестил его Котов. — На брата своего идешь, своего же рабочего убивать... Да был бы здесь Ленин, он был!..

— А ты откуда знаешь, что думает Ленин? — хитро прищурился Миша. — Ленин далеко. Он, говорят, в Австрии, а мы с тобой в Париже...

— Ленин сказал бы тебе то же самое! — твердо заключил Котов. — Только лучше, чем я. Действительно, у Котова было тонкое классовое чутье, и он безошибочно угадывал правильный, ленинский курс.

«Я знал Котова... в Париже, — вспоминает старый большевик, политкаторжанин Моисеев. — Вместе мы работали электромонтерами, вместе жили в одной комнате, спали на одной постели. Мне хотелось бы отметить те черты характера, которые особенно бросались в глаза — это громадная преданность революционному делу, громадная сила характера, которой он постоянно держал себя в руках... Он был спокоен, но вместе с тем в нем было заметно постоянное горе-

ние. Он систематически работал. Принадлежность к рабочему классу, принадлежность к нашей партии — это две отличительные черты, которыми он гордился».

1917 год застаёт Г. Н. Котова в Лондоне. В мае он приезжает в Петроград, и тотчас же партия направляет его секретарем Союза металлистов в Выборгский район, на самую боевую работу. И в новой сложной обстановке он твердо стоит на позициях большевиков. Февральская революция ничего не дала рабочему классу, народу, — значит нужна революция социалистическая! Сразу же после свершения Великой Октябрьской социалистической революции Григорий Николаевич посылают лечиться в Финляндию. Но разве может он в такое время оставаться в стороне от дел! В марте 1918 года, побывав на Всероссийском съезде Советов, где решался вопрос о Брестском мире, Григорий Николаевич добивается разрешения работать на Урале. Здесь он возглавляет Уфимский губернский, а затем и городской комитеты партии. Это напряженнейшие месяцы борьбы с меньшевиками и левыми эсерами, заполонившими уфимскую организацию. Одно за другим вспыхивают на Урале кулацкие восстания, поднимается атаман Дутов, наступают белочехи. Григорий Николаевич не щадил себя. Кроме основной работы, он выполняет обязанности члена революционного комитета.

К туберкулезу легких добавил туберкулез почек. «Скоро конец, — писал он одному из друзей. — Но пока не сдаюсь». В эти годы Григорий Николаевич заведует учебной частью Высшей школы ВЦСПС, затем назначается членом коллегии Верховного суда республики. Силы уже на исходе. Его отправляют в Крым. Стало чуть лучше, и Котов принимается за работу в областной контрольной комиссии. Последние два года Григорий Николаевич жил в селе Воскресенском, под Москвой. Уже смертельно больной, он вел там партийный кружок.

Несмотря на болезнь и страшную занятость, Григорий Николаевич много писал. Статьи, воспоминания, книга «В борьбе за революцию». Талантливая, сердцем написанная книга. Первая и последняя. 11 апреля 1929 года Григория Николаевича не стало.

Он очень любил жизнь и отдал ее людям. Борец и романтик, он мог бы сказать о себе и своем отношении к жизни словами поэта:

Не больничным от вас ухожу коридором,
а Млечным Путем.

Раздумывая о жизни большевика Григория Котова, я снова и снова возвращался к образу того человека, с кого брал пример мой герой. Он встречался с Лениным — и за границей, и в России. Он хотел быть похожим на него и в жизни, и в работе.

Рисунки А. Бойченко

НОЛИНСКИЕ ИСПАНЦЫ

Испания. 1936 год. Советские люди помнят подвиги солдат-интернационалистов. Помнят они и по-взрослому суровые, хмурые лица осиротевших детей, которые обрели свою вторую родину в нашей стране.

В 1942 году один из испанских детских домов эвакуировали из Ленинграда в город Нолинск Кировской области. Время было трудное. Однако жители городка делали все, чтобы ребята могли спокойно учиться. Через два года испанцев перевезли в поселок Черкизово Московской области. Там при детском доме была создана средняя школа.

Все воспитанники, окончив среднюю школу, поступили в вузы. Одни из них вернулись потом на родину, другие выехали в страны Латинской Америки, а многие живут в Советском Союзе.

Вот передо мной стопка писем. Елена Берналь окончила десятый класс с медалью. Поступила в Московский государственный университет, училась на романо-германском отделении филологического факультета. Получив диплом, с 1950-го работала в Бухаресте в редакции газеты «За прочный мир, за народную демократию». А с 1957-го Берналь — сотрудник Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР, переводчик латино-американского отдела.

«Мы часто и с большой теплотой вспоминаем трудные, суровые годы, прожитые в Нолинске, — пишет Елена. — Помним школу и дорогих самоотверженных учителей, так много сделавших для нас. Мы бесконечно благодарны всем им.

Нолинск и школа, где мы учились, останутся навсегда в наших сердцах как одно из самых дорогих воспоминаний детства...

Я говорю: в наших, — потому что в Нолинском детском доме воспитывались также мои младшие братья и сестры. Брат Хоакин окончил в Москве автоторожный техникум. Работал в Подольске, Нолинске, Москве. В 1962 году уехал с семьей на Кубу.

Сестра Паquita, окончив исторический факультет МГУ, была сотрудницей научной библиотеки университета. В 1963 году вышла замуж и уехала с мужем в Боливию. Работала в университете города Ла-Пас преподавателем русского языка. Там она находилась в тюремном заключении за коммунистическую деятельность.

Младшие братья Хайме и Виктор, двоюродные братья Луис и Серхио Салузня, тоже воспитанники Нолинского детского дома, получили дипломы Московского авиационного института. Двоюродная сестра Петра стала врачом.

Все мы смогли учиться только благодаря заботе о нас советских людей».

Интересно сложилась судьба у Маргариты Пелаес.

«Я и моя подруга Маргарита Фернадес, желая хоть чем-нибудь помочь фронту, после семилетки решили пойти учиться на курсы медицинских сестер. Поступили в Нолинскую медицинскую школу, и потом, уже в городе Серпухове, окончили медицинский техникум. Мы стали работать медсестрами в госпитале.

В 1948 году я стала студенткой Московского института ино-

странных языков, французского отделения. Работала преподавателем в Академии внешней торговли.

Сейчас я — диктор радиокomiteта и веду передачи на мою родину, Испанию. Мы несем испанскому народу правду об СССР.

Передайте учителям и ученикам нашей школы поклон и привет. Мы желаем всем больших успехов в работе и учебе. Не теряю надежды когда-нибудь снова увидеть наш город, который так сердечно и гостеприимно принял нас в те далекие годы. Спасибо всем. Такое никогда не забывается. Большой привет знакомым и незнакомым нолинчанам».

Летят письма в Нолинск, теплые, взволнованные. Сотни крепчайших, незримых нитей связывают следопытов средней школы № 1 с теми, для кого их город стал родным.

А началось это больше года назад, когда следопыты, готовясь к шестидесятилетию своей школы, решили раскрыть ее малоизвестную «испанскую» страничку. Вместе с руководителем Петром Демидовичем Сунцовым они начали поиск.

— Первым, кто помог нам, — рассказывает Петр Демидович, — была Анна Прохоровна Трубицына, бывший повар детского дома. От нее-то и узнали мы, что в конце войны ребят перевезли в Черкизово.

Потом следопыты посылали запросы в Черкизовскую школу и по другим адресам. Так была написана интересная «испанская» страница истории школы № 1 города Нолинска.

Л. ЖУКОВ

АЗЪ, БУКИ, ВЪДИ

В нынешнем году в Свердловске выходит в свет второй том словаря русских говоров Среднего Урала (буквы К, Л, М, Н). В нем толкуется более 5000 диалектных слов. Это очень много. О некоторых из них мне хотелось бы рассказать.

Вот на первой же странице — **кабáлок** или **кавáлок** — кусок, комок. Отмечено в Гаринском и Туринском районах Свердловской области: «Иш, какой кавалок сала выташшыл!» Откуда это слово пришло на Урал? Словари показывают, что оно есть в архангельских, олонекских, тверских говорах, в украинском и белорусском языках, куда попало из польского (**кавáлэк** по-польски значит кусок). В польский же — из средневекового немецкого, где **кавель** — кусок дерева, доля, обрубок. Таким образом слово проделало путь в четыре тысячи километров, прежде чем попало в наш край.

Кага, каго́нька — грудной ребенок. Известно почти во всех областях Урала: «Гли-ко, што за кага, ну и маленька!» «А ты-то уж не кага, чево ревеш?». Пришло слово из соседнего языка — коми-пермяцкого. Чем оно понравилось уральцам? Видимо, «детским» сочетанием звуков: ка-га, похожим на лепет младенца.

А слово **казанóк** — чугунок перекочевало из татарского языка, в котором **казан** значит котел. Название города Казани происходит от него. В Казани, между прочим, делали знаменитые на всю Россию казанские пимы, расшитые красными или зелеными узорами, отличный плод народной выдумки, народного искусства. Лет тридцать назад, в Уфе, я видел много людей, обутых в белые расписные валенки. А сейчас их нет даже в деревнях. Спрашиваю недавно в одном селе, почему не носят такую красоту. «А че, оне шыпко деревенские дак; сичас все на городскую моду перешли, казанских пимиков не носят. У кого были, те износили, а новых нет», — отвечали мне жители.

Из татарского языка пришли также: **каймак** — сливки, снятые с топленого молока; это довольно старое слово, живущее в русском языке с XVIII века или ранее (в одном из стихотворений Державина говорится о пиршественном столе: «Шекснинска стерлядь золотая, каймак и борщ уже стоят»); **калауз** — небольшой мешок, охотничья сумка: «Полный калауз, бывало, уток приносил»; **калитá, калы́тка** — мешочек для денег — тоже довольно старое слово (вспомним, что известного московского князя XIV века звали Иван, по прозвищу — Калита, — денежный мешок).

Татарские слова начали проникать в русский язык 600—700 лет назад. Некоторые из них очень выразительны. Например, **каргá** — ворона. Выражение «старая карга» в сущности значит «старая ворона».

Калгáн — голова, но с оттенком осуждения: «глупая голова». «У тебе калган не соображат»; «Глупой он, ево и прозвали калганом». Первоначальное значение — деревянная миска, чашка или кружка, деревянный ковш. Оно известно и в тверских, рязанских, тамбовских, московских говорах. В уральских же есть одно слово однокоренное с калганом — **калгу́шка** — чашка, из которой кормят кошек.

Татарское слово **кашы́к** — шумовка, которой достают сваренные, готовые пельмени; оно буквально значит ложка. В некоторых местностях, например, под Красноуфимском или в Артях, где много татарского населения, существует поговорка: «Кисель бар, кашык йок; кашык бар, кисель йок», то есть «кисель есть — ложки нет, ложка есть — киселя нет». Так говорят, когда не хватает то одного, то другого предмета для какого-либо дела.

И еще одно — **каюк** — две лодки, скрепленные настилом для перевозки сена, скота и других грузов. Оно произошло от татарского **кайык** — лодка первоначально — долбленная из цельного дре-

весного ствола, лодка-однодеревка. Была она неустойчива на воде, часто опрокидывалась. Отсюда в русском языке и появилось **каюк**, но с новым смыслом: конец, гибель. «Перевернется лодка на самой середине, и придет мне каюк». Слово разговорно-просторечное, в литературном языке употреблявшееся редко, лишь для характеристики речи персонажей. В уральских говорах слово **каюк** близко к исходному значению, но все же известный сдвиг имеется: оно обозначает не хлипкую однодеревку, а нечто более устойчивое — устройство из двух лодок для перевозки тяжелых грузов.

Имеются в наших говорах другие иноязычные слова. Например, **калда́** или **карда́** — стойло во дворе для скота, либо огороженный выгон в поле. Это из чувашского языка, где **карда** значит хлев. Оно известно и в поволжских говорах. Видимо, из Поволжья пришло к нам. Широко известно **калега** — брюква (ее называют также **ка́льга**, **ка́лига**, **ка́левка**). Произошло от эстонского **каалик** — брюква и известно в псковских, новгородских, смоленских, тверских, вятских, пермских говорах. Видимо, слово последовательно двигалось на восток, начиная от крайних западных русских говоров вплоть до Урала и далее. Для брюквы между прочим есть множество других названий (около 200!), из которых отметим такие: **карля́ба**, **каля́ба**, **гарля́ба**, **гарла́пка**, **карля́бья**, **корлаба**, вбсходящие к немецкому названию одного из сортов **капусты** — **кольра́би**.

Вот некоторые мансийские и коми-пермяцкие слова. **Ка́мка** — верша, морда, плетеная рыболовная снасть, и **кампа** — углубление в земле — мансийские. **Ка́мус** — шкурка с ноги оленя или лося и **кисы́** — зимняя обувь из конской шкуры, а также лыжи, подбитые камусом, коми-пермяцкие. Из этих и других финно-угорских языков на Урале много заимствований, характеризующих явления природы, особенности охоты, рыболовства. Некоторые такие слова проделали долгий путь из Карелии. Например, **ки́бас** — грузило рыболовной сети, от финского **ки́вес**.

Особняком стоит **ки́рмаш** — ярмарка, рынок. Оно известно белорусскому и польскому языкам и было завезено в наш край переселенцами с запада России. Происхождение его уходит в средневековый немецкий язык, в одном из диалектов которого **кирхмессе** обозначало церковную службу, затем церковную площадь, затем площадь во-

обще, в том числе и торговую, где устраивались ярмарки.

Как вы, наверное, уже заметили, я говорю **только** о заимствованных словах и **только** на букву **К**. И не случайно. Мне хотелось показать, насколько различны по происхождению слова уральских говоров даже в пределах небольшой их группы. У каждого из них свой путь, своя история, приведшая их в наш край.

Иногда заимствование очень трудно отличить от своего, исконного слова. Вот, например, **казать** в значении «говорить»: «Он мне казал, что видел тебя». Это украинизм. Уральское же исконное **казать** имеет другое значение — «показывать»: «Нам фщера кино казали»; «На почте паспорт казать надо было, а я дома оставил».

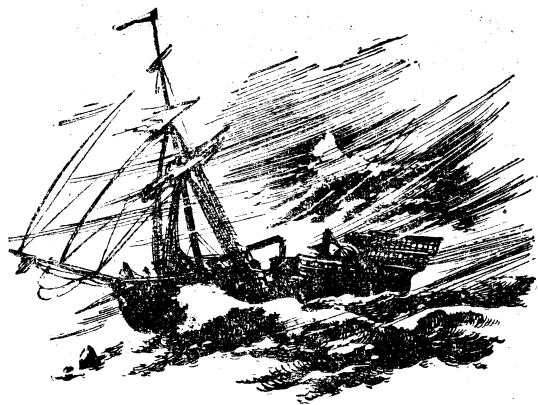
Заимствованные слова пополняют, обогащают словарь. Но, к сожалению, часто в процессе приспособления они искажаются до неузнаваемости. Так, цветок **гортензия** называют **карсендия**. **Кадриль** переделали в **кадрелку**, а затем в **кардаелку**; **фарфоровый** перешло в **канфóровый**, **бальзамин** — в **блюземин**. Да что говорить! Даже родные, исконные слова со временем искажаются или сближаются с другими, с которыми вовсе не родственны. Есть на Урале слово **киска** — жгут из соломы для утепления дверей или для перевязки чего-либо; оно происходит от **кистка**, уменьшительного от **кисть**, и к **киске** — кошке не имеет отношения. Слово **кить** значит глубокий свежевывавший снег, и склоняется: **кити**, **китью** вместо **киди**, **кидью**, ибо произошло от **кидать**. Но об этом забыли. Самый разительный пример — **кобрек**, что значит **погреб**; есть даже производное слово — **кобрежна яма**.

Отчего происходят такие искажения? Оттого, что наша речь торопится вслед за мыслью и не успевает ее догнать: мысль всегда быстрее речи. Отсюда — всякие обмолвки, ошибки. Они закрепляются в речи, особенно тогда, когда связь данного слова с другими не ясна для говорящего (так, **погреб** же не связывается с **гребу**, **гребешь**; **погребом** называли раньше засыпанную землей яму, вспомним глагол **погребить** — хоронить. Поскольку эта связь забыта, получился **кобрек**). Особенно часто искажаются иноязычные слова: их связи совсем не известны говорящему, в результате получается **карсендия** вместо **гортензия** (буквально значит **садовая**, от латинского **гортенсис** — «садовый», **гортус** — сад).

В. ЖИТНИКОВ

СОКРОВИЩА АУТ-СКЕРРИСА

История морских кораблекрушений богата легендами о несметных сокровищах, погребенных в морской пучине. Десятки бурных проливов и окрестностей океанских островов стали «хранилищами» кладов, которые оставили там незадачливые моряки или морские корсары. Одним из самых богатых «хранилищ» являются острова Аут-Скеррис к северо-востоку от Шотландии.

Море вокруг этих совершенно голых скалистых островов стало настоящим кладбищем. Сотни судов, начиная от парусников и кончая современными пароходами, разбились о подводные скалы и рифы Аут-Скерриса. В трюмах многих из них, особенно парусников, были золото, серебро, жемчуг.

Самыми «драгоценными» кораблями были, пожалуй, парусники «Кармелан» и «Де Льефде». «Кармелан» потерпел катастрофу у одного из островов Аут-Скерриса — Стоурастака в 1664 году. Этот парусник принадлежал голландской Восточно-Индийской компании, которая на нем переправляла в метрополию три миллиона гульденов в золотых монетах и несколько десятков ящиков с золотыми слитками. Кроме того, на паруснике был огромный запас бочек с джином.

Из поколения в поколение передается на Стоурастеке рассказ о гибели «Кармелана». Парусник налетел на прибрежные скалы, разломился пополам, и носовая его часть, в трюмах которой были все сокровища, тотчас затонула. Вместе с сокровищами ушло на дно моря и большинство матросов «Кармелана». Лишь нескольким удалось доплыть до скал Стоурастака, но удержаться на голых, гладких камнях у них уже сил не хватило, и их всех, одного за другим, слизали со скал волны.

Из всего экипажа спаслись лишь трое, они-то и рассказали, что вез «Кармелан» в своих трюмах. Эти трое после кораблекрушения забрались в кормовую надстройку парусника, которая еще чудом держалась на поверхности. Понимая, что шансов на спасение у них нет никаких, моряки заперлись в каюте и напились до потери сознания. Велико же было их изумление, когда они, протрезвев, увидели, что находятся в порту Хонсей! Что же произошло?

Пока трое кармеланцев в ожидании смертного часа накачивали себя джином, мощный удар волны сорвал остатки парусника со скал. А остальное — дело ветра и случая.

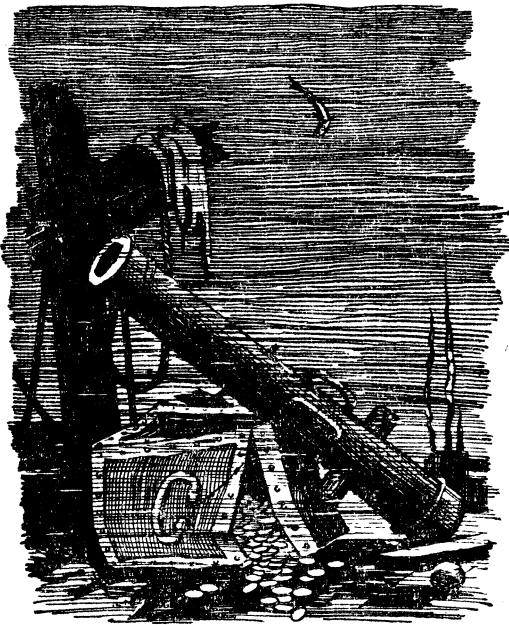
Неожиданный подарок преподнесло море и жителям Стоурастака. Растрепав о подводные скалы затонувшую часть парусника, шторм вытряхнул из его трюмов бочки с джином, которые оказались легче морской воды и всплыли. Две недели после кораблекрушения море одаривало берега Стоурастака остатками мачт, рей, личными вещами кармеланцев и бочками с джином. Но главные богатства «Кармелана» — золото и серебро — так и остались на морском дне.

Второй «драгоценный» парусник — тоже голландский — покоится на дне пролива Бенелип, в южной части Аут-Скерриса. «Де Льефде» был одним из красивейших кораблей начала XVIII века. До катастрофы, которая произошла 7 ноября 1711 года, этот парусник проплавал всего десять лет.

Донесение губернатора Батавии, как раньше называлась Джакарта, гласило: на борту «Де Льефде» из Ост-Индии было отправлено 500 тысяч золотых монет и серебряных дукатов. Кроме того, на корабль было погружено большое количество золота в слитках. Все это предназначалось для голландского правительства.

Поскольку в то время отношения между Англией и Голландией были натянутые, капитан «Де Льефде» решил не рисковать и идти не проливом Ла-Манш, который контролировался английскими кораблями, а обогнуть Британские острова с запада. Благополучно добравшись до островов Аут-Скеррис, «Де Льефде» попал в сильный шторм, и его капитан решил пройти в Северное море проливом Бенелип. «Де Льефде» напоролся на риф в том месте, где по карте должна быть глубина сорок саженой. Из трехсот человек, находившихся на борту парусника, спасся лишь один.

Разумеется, парусник, набитый золотыми слитками и монетами, сразу же привлек внимание любителей легкой наживы. Но достать сокровища оказалось не так-то просто. Пролив Бенелип в это место был довольно глубоким. Спуститься на дно пролива могли только водолазы, но их тогда еще не было.

И все же голландцы нашли выход из положения. Уже на следующий год после катастрофы они снарядили большую экспедицию. В качестве водолазного снаряжения голландцы решили применить бочки, которые закреплялись на головах ныряльщиков.

История не сохранила сведений, насколько удачной была экспедиция по спасению сокровищ «Де Льефде». Скорее всего экспедиция, учитывая примитивное водолазное снаряжение, закончилась провалом.

Следующая попытка добыть сокровища «Де Льефде» была предпринята лишь через 250 лет, в прошлом, 1968 году. За эти два с половиной века парусник основательно занесло песком и завалило обломками скал. Крупные камни поднимали при помощи брезентовых мешков, которые надували под водой воздухом, а более мелкие и песок отсасывались своеобразным вакуумным «пылесосом». Одним словом, в ход была пущена новейшая техника, однако результаты и этой экспедиции оказались более чем скромными: со дна моря было поднято всего четыреста золотых и серебряных монет и большой обломок корабельного колокола с выгравированной на нем латинской надписью. Позднее были найдены пушки и ядра «Де Льефде». Основной же подводный клад Аут-Скерриса до сих пор остался не тронутым.

ЧЕТВЕРОНОГИЕ СПАСИТЕЛИ

Глиновский понял: все. Живым ему из воронки не выбраться. Из троих он был самым старым. Стржеговский и Стахевич успели отплыть, а у него хватало сил только на то, чтобы удержаться, не уйти сразу на дно в тяжелой одежде. И когда ледяная вода свела ноги судорогой, Глиновский понял — это конец.

Пять минут назад они все трое, поставив свой «Леб-47» на якорь и приведя в порядок палубу, решили ложиться спать. Наверху задержался шкипер Стржеговский — решил перед сном починить сеть. Он-то и увидел, как из темноты вынырнул нос большого судна. Но что мог сделать шкипер в те считанные секунды? На судне, видимо, тоже заметили рыболовецкий бот слишком поздно. Стржеговский видел, как метался по мостику штурман, делая отчаянные попытки отвернуть судно...

«Леб-47» получил огромную пробоину в корме и начал тонуть. Рыбаки едва успели выпрыгнуть за борт и сразу же поплыли в сторону от воронки, которая образуется на месте гибели судна. Но отплыть от воронки смогли только двое...

И вдруг, когда старый моряк уже простился с жизнью, ему в лицо ткнулась мокрая мохнатая голова. Муки!

Муки был четвертым членом экипажа, но о нем рыбаки во время катастрофы забыли. Муки, привыкший охранять бот, когда его покидают рыбаки, сходя на берег, не сразу сообразил, что на этот раз надо не охранять, а спасаться. Может

быть верный сторож так и ушел бы на дно вместе с ботом, если бы он не услышал криков Глиновского. И тогда пес бросился в море.

«Муки, Муки, — шептал моряк, захлебываясь соленой водой, — теперь мы выплывем...» Ухватившись за собаку, Глиновский изо всех сил греб свободной рукой. Воронка их уже не затянула...

А тем временем датский теплоход «Сирпс-Дан», налетевший на польский бот, остановился и спустил на воду шлюпку. Последним в шлюпку втащили Муки...

Второй случай, когда собака спасла моряков, произошел на западногерманском рефрижераторе «Гэнри Хорн». Однажды ночью в открытом море капитан разбудил громкий настойчивый лай корабельного пса. Чтобы узнать, в чем дело, капитан послал за собакой вахтенного матроса. Собака бросилась в один из дальних отсеков машинного отделения. Здесь явственно ощущался запах дыма.

Как потом выяснилось, горела обмотка одного из электромоторов. Узнав о дыме, капитан объявил пожарную тревогу. И вовремя: пламя уже вырвалось из электромотора.

— Мы остались живы благодаря собаке, — заявил капитан команде, когда пожар был потушен. И в награду за спасение он приказал выдавать псу дополнительную порцию колбасы.

Д. ЭЙДЕЛЬМАН

Рисунки А. Бойченко

„СВЯТОЙ ИОНА“ — ПТИЧИЙ ОСТРОВ

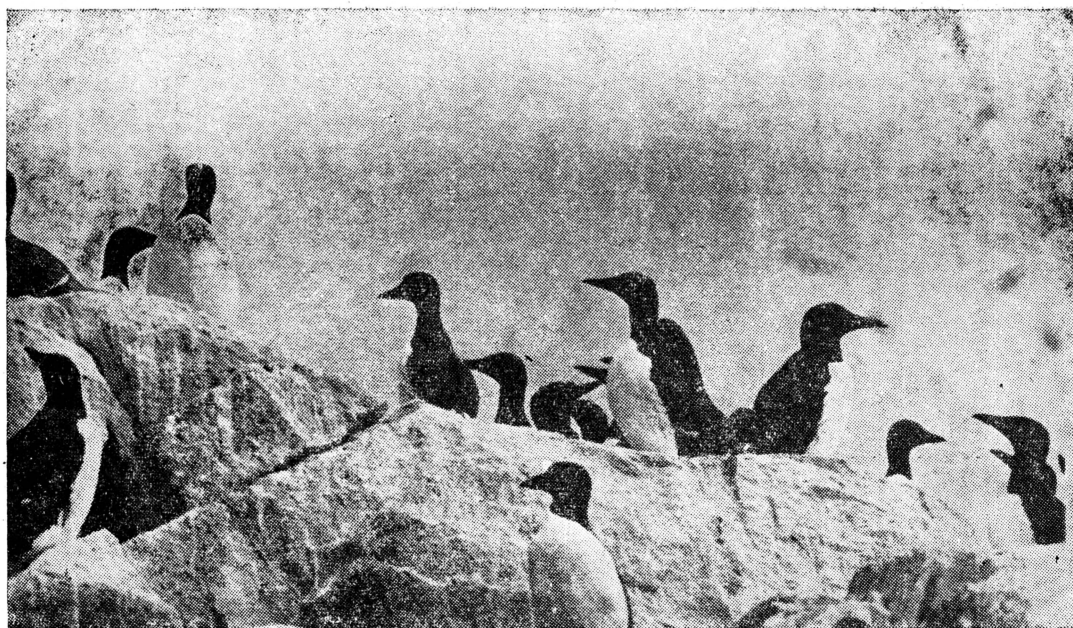
В центре Охотского моря, где редко, даже в погожую погоду, расходится туман, поднялся над волнами небольшой кусок земли. Это остров птиц — «Святой Иона». Он только по географическим понятиям остров, а на самом деле здесь всего лишь несколько скал поднялись да при отливах обнажаются подводные камни. Вот и весь остров. «Жи-

лая площадь» невелика, а претендующих на нее — тьма. Белогрудые кайры, всевозможные чайки, морские курочки заполнили кусок суши. Весь день над морем стоит несусветный гам. Жильцы «Святого Ионы» разбились на колонии. На нижних ярусах гнездятся белые чайки, выше — черноспинные белогрудые кайры, на уступах со скудной

растительностью серые чайки, а еще выше — снова кайры. На самых верхних «этажах» все перепуталось.

...С накатом большой волны шлюпка ткнулась в скалу. Ухватился руками за каменные выступы, но под ногами оказалась зеленоватая слизь, — ноги разъезжаются, сорваться в море можно в два счета. Да и выступы оказались ненадежными. Морская соленая вода и слизь от гнезд развели камень, нажмешь с силой — рассыпается. А над головой оглушительный гул, в воздухе мечутся встревоженные стаи, и прежде чем подняться вверх на несколько сантиметров, необходимо свободной рукой подготовить место для ноги.

Метр за метром, уступ за уступом удалось взобраться на небольшую площадку. Птичий

гомон удесятирился. Бормотание, хрип, свист... Особенно неистовствовали серые чайки. Они защищались, выбрасывая из клювов вонючую ядовито-зеленую жидкость.

Воздух кишит пернатыми. От машущих крыльев рябит в глазах. Порой казалось, птицы закрывали солнце — столько их кружилось над скалой.

Жильцы каменного небоскреба работали без усталости. Одни уходили в море на кормежку, вторые спешили с удачного лова.

Невозможно представить, каким образом

каждая птица среди тысяч одинаковых яиц знает, где лежит ее родное, а в массе черных, серых, желтых птенцов она находит своего.

Пора возвращаться. Перепачканный с ног до головы спускаюсь к грозно ревущим внизу волнам. Выжидаю, когда очередным накатом подгонит к скале шляпку, и прыгаю. В следующую секунду шляпка стремглав уносится от опасных камней, а я ловлю в объективе фотоаппарата последний кадр: вернувшиеся на свои гнезда чайки провожают нас недружелюбными взглядами.

Б. КОРОБЕЙНИКОВ

ПОДАРИ ДРУГУ

Что можно подарить к празднику или дню рождения родным, другу, товарищу? Всегда ли нужно бегать по магазинам в поисках сувенира? Нет. Гораздо интереснее сделать подарок самому. И это совсем просто.

Очень хорошо смотрится на гладкой поверхности стола, секретера, книжной полки старичок-лесовичок. Чтобы изготовить его, нужна большая еловая или сосновая шишка, несколько веточек и куски пробки, сосновой коры или пенопласта. В крайнем случае подойдет и коричневый пластилин. В основании шишки шилом или острым концом ножниц просверливают углубление, в которое вставляют веточку-шею. Для прочности конец веточки смажьте клеем — столярным или БФ (пользоваться силикатным канцелярским клеем не рекомендуется — от него остаются белые пятна). Для головы старичка вырезают из коры или пенопласта шарик диаметром с трехкопеечную монету. Нос — загнутый вверх сучок, уши — две чешуйки еловой шишки или тонкие пластинки пробки, глаза — маленькие бусинки или шарики, скатанные из блестящей обертки от конфет. Прикрепить глаза можно мелкими гвоздиками или булавками. Бороду старичка сделайте из мха или лишайника. Но если их нет под рукой, приклейте пучок белых, серых или зеленоватых ниток. Шляпа-мухомор вырезается из плотной белой бумаги, размером с донце стакана, скле-

ивается, как показано на рисунке, и раскрашивается красной акварельной краской или тушью. Руки и ноги смастерите из веточек любого дерева или кустарника. Веточки выбирайте с развилкой и обрезайте, как на рисунке, чтобы получить локтевой и коленный сгиб. Ладони и ступни вырежьте из коры или пенопласта. В них проколите отверстия и вставьте смазанные клеем «руки» и «ноги». Другой конец их, тоже смазанный клеем, закрепите между чешуйками шишки — туловища.

Старичка можно сделать стоящим, но лучше усадить его на гриб-трутовик, кусок сосновой коры или пенек, отпиленный от березовой ветки.

Из шишек можно изготовить рыбу, птичку, ежика. Для этого понадобится такой немудреный материал: шишки, головки мака, «барашки» вербы, мох, береста.

Наверно, понравится вашим друзьям лягушонка в камышах.

Основание сувенира составляет кусок грубой березовой или сосновой коры. К ней прикрепляется проволокой раковинка беззубки. Ее можно заменить любой другой раковиной, купленной в зоомагазине, или небольшим трутовым грибом.

Тело лягушонка вырезают из кусочка поролоновой губки. Оно должно иметь форму яйца, в верхнем узком конце которого делается щель-рот. Глаза можно выстричь из обрезков поролона и приклеить столярным клеем. А еще лучше при-

крепить бусинки или пуговицы желтого или оранжевого цвета. Передние и задние лапки и «ладошки» тоже вырезают из тонкого куска поролона, как на рисунке. Лапки пришивают или приклеивают к телу столярным клеем и прикалывают булавками, пока клей сохнет.

Раскрашивают лягушонка зеленой акварелью или бриллиантовой зеленью (на чайную ложку зелени 2 чайных ложки воды). Грудь и брюшко оставляют незакрашенными. По спинке, когда высохнет общий зеленый цвет, черной тушью проводят 2—3 волнообразные линии. Рот лягушонка сделайте из красной бумаги. Кружок бумаги согните пополам, смажьте клеем с наружной стороны и вложите в щель, прижимая к обеим поверхностям. Готового лягушонка закрепите в раковине, насадив его на конец проволоки.

Теперь остается сделать камыши. Лучше всего они получатся из раздерганного на тонкие полоски мочала. Их окрашивают акварельной краской в мягкий желто-зеленый цвет, контрастирующий с окраской лягушонка. Бархатистые шишечки изготавливают, накручивая на тонкий прутик смазанную клеем полоску коричневой махтери. Две-три шишечки окружают заостренными полосками-листьями, вклеивают между куском коры и раковинкой, и сувенир «лягушонок в камышах» готов.

К. ЮРЬЕВА

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова. Корректор В. Бурангулова.
Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефон Д1-22-40.
Средне-Уральское Книжное Издательство

НС 14 041. Подписано к печати 16/1 1970 г. Бумага 84×108/16.—2,62 бум. л.—8,82 печ. л.
Уч.-изд. л. 10,87. Тираж 145 000. Цена 30 коп. Заказ 605.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49. Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

Л. ВЕЙБЕРТ

НА СЕВЕРЕ

30 коп

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ
Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), Ш. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, Г. МАШКИН, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), В. ШУСТОВ